

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова»

На правах рукописи

Донгак Чечена Борисовна

**РАЗВИТИЕ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: ДИНАМИКА И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

5.9.5 Русский язык и языки народов России
(филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Боргоякова Тамара Герасимовна

Абакан – 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА И ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА..	11
1.2. Билингвизм с тувинским компонентом в работах по тувиноведению	21
1.3. Методологическая база социолингвистического исследования билингвизма и языковой ситуации в Республике Тыва	25
1.3.1. Основные подходы к изучению социолингвистических явлений в отечественной и зарубежной науке	25
1.3.2. Языковая ситуация.....	29
1.3.3. Языковой сдвиг, языковая лояльность, родной язык.....	34
1.4. Национально-языковая политика	40
1.4.1. Основы теории государственной языковой политики	40
1.4.2. Субъекты языковой политики Российской Федерации	44
1.4.3. Языковое планирование	46
1.5. Методы социолингвистического исследования.....	50
1.5.1. Традиционные социолингвистические методы исследования	50
1.5.2. Анализ дискурса, контент-анализ	51
1.5.3. Изучение лингвистического ландшафта.....	55
1.5.5. Методы проспективной социолингвистики	58
Выводы по первой главе	61
2. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА	64
2.1. Социально-демографическая характеристика Республики Тыва	64
2.2. Тувинско-монгольский билингвизм.....	69
2.3. Развитие национально-русского билингвизма в Туве	72
2.4. Двужычие в постсоветской Туве	76
2.5. Государственные языки Республики Тыва в сфере образования	84

2.6. Языковые компетенции тувинско-русских и русско-тувинских билингвов . 95	
Выводы по второй главе	110
3. ЦИФРОВОЕ И ЛАНДШАФТНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ	
ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА	113
3.1. Перспективы витальности тувинского языка в виртуальном пространстве	113
3.1.1. Аксиологические аспекты развития билингвизма в Республике Тыва в дискурсе социальных сетей.....	117
3.1.2. Языковые конфликты и их отражение в интернет-дискуссиях.....	125
3.2. Тувинский язык и ценности этнической идентичности	134
3.3. Тувинский компонент в лингвистическом ландшафте города Кызыла	138
3.4. Языковой ландшафт города Кызыла в виртуальном измерении	145
3.4.1. Языковой ландшафт в пространстве соцсетей и мессенджеров	145
3.4.2. Онлайн-карты как виртуальное отражение реального ландшафта	148
3.5. Перспективы развития билингвизма в Туве	154
Выводы по третьей главе	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
Список сокращений и условных обозначений	163
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	164
ПРИЛОЖЕНИЯ	189

ВВЕДЕНИЕ

Провозглашение Организацией Объединённых Наций Международного десятилетия языков коренных народов мира (2022 – 2032 гг.) означает переход к более активной поддержке языкового многообразия в контексте проблем социальной и этноязыковой справедливости на международном, национальном и региональном уровнях. Как известно, Российская Федерация одной из первых стран-членов ООН начала реализовывать мероприятия Глобального плана действий декады [65], руководствуясь стратегическими принципами собственной этноязыковой политики с учётом уникального богатства языков и культур её народов. Представители РФ приняли непосредственное участие в разработке данного языкового документа глобального масштаба [153, с. 12]. Соответствующий документ российского масштаба был утвержден распоряжением правительства РФ [179] с рекомендацией субъектам федерации разработать и утвердить региональные планы.

По данным последней Всероссийской переписи населения (*далее* – ВПН-2020) на территории РФ проживают 195 народов. В сводном списке¹ ныне используемых языков России Института языкознания РАН значится 155 языков. Российская Федерация проводит политику сохранения языкового многообразия, сочетающего функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации, что способствует укреплению общероссийской гражданской идентичности [203].

Статус и витальность языков России имеют существенные различия и все большую **актуальность** приобретает изучение проблем взаимодействия языков в многонациональных регионах РФ, специфика языковых ситуаций которых

¹ Проект федеральной программы по сохранению и развитию языков России от 9 сентября 2024 года

обусловлена, прежде всего, контактным двуязычием/многоязычием. Необходимость исследования языковой ситуации в Республике Тыва (далее – РТ, Тува²) определяется как современными общественными трансформациями, так и исторически сложившимися политическими, социально-экономическими, этнокультурными особенностями, что позволяет отнести ее к одному из «самых своеобразных и противоречивых регионов Российской Федерации» [9, с. 17]. Своеобразная противоречивость развития её современной языковой ситуации проявляется в несбалансированности соотношения компонентов в структуре тувинско-русского билингвизма населения: возникает опасность утраты этнического языка молодыми тувинцами в связи с постепенным прекращением его межпоколенческой передачи в городских тувинских семьях и, в то же время, существует проблема слабого владения русским языком в среде сельских жителей трудоспособного возраста. Актуальные вопросы языковой политики РТ, представленные в институциональном и академическом дискурсе, в виртуальном пространстве и в языковом поведении носителей тувинского языка, требуют научного осмысления для определения вызовов и перспектив развития тувинско-русского билингвизма в обозримом будущем.

Целью настоящей диссертационной работы является многоаспектное исследование развития контактного билингвизма в Республике Тыва в динамике социального контекста.

Указанная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- рассмотреть основные подходы к изучению феномена двуязычия и других базовых социолингвистических терминов в трудах отечественных и зарубежных лингвистов;

- оценить динамику развития двухкомпонентной языковой ситуации региона в ретроспективе посредством анализа и синтеза накопленного знания в исследованиях тувинистов;

² В соответствии с ч. 2 статьи 1 Конституции РТ, наименования «Республика Тыва» и «Тува» равнозначны [128].

- проанализировать особенности развития языкового законодательства и вектор языковой политики на федеральном и региональном уровнях с учётом международных тенденций по сохранению языкового наследия;

- охарактеризовать современное состояние и перспективы развития контактного билингвизма в РТ на основе комплексного анализа дискурсивного и эмпирического материала.

Объектом исследования является языковая ситуация Республики Тыва.

Предмет исследования – особенности развития тувинско-русского билингвизма в Республике Тыва.

Материалом исследования послужили:

- статистические данные: материалы Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов, ежегодных статистических сборников Росстата;

- нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней: конституции, законы о языках, концепции, стратегии и программы Российской Федерации и Республики Тыва;

- данные социолингвистических опросов жителей республик Южной Сибири, проведенных в 2020 - 2021 гг. сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова с участием 660 жителей РТ;

- результаты анкетного онлайн-опроса, проведенного в 2020 г. (с участием 150 жителей РТ);

- данные интервью (языковые биографии 30 информантов тувинской национальности);

- дискурсивный материал, собранный в период с 2022 по 2024 гг.: публикации и комментарии в официальных и неофициальных сообществах социальной сети Vk.com, мессенджера Viber; интернет-реклама и т.п.;

- данные онлайн-карт за 2024 г. и другие графические цифровые материалы из сети Интернет за 2022 – 2024 гг. в количестве 450 единиц (изображений).

Научная новизна исследования. Работа содержит новейшие характеристики демографической и коммуникативной мощности государственных языков РТ с применением комбинированной методики анализа количественных и качественных параметров дискурсивных практик разного типа. В диссертации впервые выявлены социолингвистические факторы развития инструментальной ценности тувинского языка в виртуальном пространстве с привлечением материалов социальных сетей и мессенджеров, а также данных онлайн-карт.

Теоретическая значимость диссертации состоит в систематизации теоретических подходов к изучению особенностей контактного билингвизма с миноритарным компонентом в условиях конкуренции с доминантным языком, имеющим мажоритарный статус. Изучение тувинского цифрового пространства в дискурсивном аспекте, что расширяет потенциальные возможности разработки теоретико-методологических проблем, связанных с социолингвистической вариативностью, выбора языка, языкового сдвига в схожих этнолингвистических условиях.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут найти применение в дальнейших исследованиях контактного билингвизма в РТ, учитываться при планировании региональной языковой политики, а также использоваться в образовательном процессе при разработке курсов по теории языка, социолингвистике, а также при подготовке научно-квалификационных работ и диссертаций в области социолингвистики.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды отечественных языковедов советской и постсоветской эпох, зарубежных учёных и исследователей-тувиноведов. Основной опорой настоящей диссертационной работы стали труды отечественных социолингвистов – В.А. Аврорина, В.М. Алпатова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского, Л.П. Крысина, В.Ю. Михальченко, Н.Б. Вахтина, А.Н. Баскакова, М.И. Исаева, М.В. Дьячкова,

Т.Г. Боргояковой, Ч.С. Цыбеновой, М.Б. Мартан-оол, А.А. Кибрика, А.Н. Биткеевой и др., а также работы классиков зарубежной социалингвистики – Д. Фишмана, Д. Гамперца, У. Вайнрайха, У. Лабова, Ч. Фергюсона, Р. Бэлла, В. Ламбэрта, М. Гибсона, К. Бэйкера и др.

Языковая ситуация в Республике Тыва с точки зрения социалингвистической теории рассматривается в работах Т.Г. Боргояковой, М.Б. Мартан-оол, Ч.С. Цыбеновой. Развитие контактного билингвизма в Туве в лингводидактическом, социологическом и лингвистическом аспектах исследовано в трудах Ш. Ч. Сата, Ю. Л. Аранчына, Д. А. Монгуша, Б. И. Татаринцева, Н. А. Сердобова, З. В. Анайбан, Г. Ф. Балакиной, М. В. Бавуу-Сюрюн, М. Б. Мартан-оол, Г. М. Селиверстовой и др.

В диссертационном исследовании были применены общенаучные и социалингвистические **методы**, включая обобщение, сравнение, систематизацию, а также анкетирование, интервьюирование, социалингвистическую интерпретацию (дискурсивный, нарративный и корреляционный анализ и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Билингвизм в РТ представлен массовым тувинско-русским и русско-тувинским двуязычием тувинцев, индивидуально-групповым тувинско-монгольским билингвизмом тувинского населения в приграничных районах и индивидуально-групповым русско-тувинским двуязычием русского населения. Характер массового двуязычия в Туве определяется как контактный, односторонний, несбалансированный, асимметричный, функциональный.

2. Современное функциональное состояние тувинского языка выражено такими положительными социалингвистическими характеристиками как: а) преобладание доли носителей родного языка; б) наличие статуса государственного языка республики; в) сохранение высокого уровня этноязыковой лояльности; г) продолжение межпоколенческой передачи языка на

значительной территории республики; д) поддержка инструментальной ценности родного языка в виртуальной среде.

3. Публичное пространство тувинского интернет-сообщества характеризуется заметным уровнем внутриэтнической языковой конфликтности, связанной с нарушениями норм литературного тувинского языка и культуры речи.

4. Реформы в области образования в последние два десятилетия и ограничение функционирования тувинского языка в качестве языка обучения в системе школьного образования может способствовать снижению качества владения детьми и молодёжью его литературной нормой, стимулировать процессы дальнейшего языкового сдвига.

5. Интенсивность использования тувинского языка в виртуальном пространстве социальных сетей и мессенджеров варьируется в зависимости от возрастных, территориальных особенностей и интересов пользователей сообществ. Двухязычные сообщества имеют более широкий охват разновозрастного населения с ориентацией на потенциального потребителя (объявления, реклама, новости).

6. Выявленная тенденция усиления доли тувинского компонента в языковом ландшафте города Кызыла выражена в увеличении числа топонимов, наименований объектов городской инфраструктуры на тувинском языке не только в реальном, но и в виртуальном пространстве.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в публикациях и представлены в докладах на конференциях международного уровня: «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (г. Абакан, 19-20 мая 2022 г.), «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (г. Кызыл, 22-25 июня 2022 г.), «Современная лингвистика: от теории к

практике» в рамках II Казанского международного лингвистического саммита (г. Казань, 2022 г.), «Дешериевские чтения-2023» (г. Грозный, 26-29 апреля 2023 г.), «Тенденции языкового развития многонациональных стран: от прогнозирования к языковому планированию» (г. Москва, 6-7 декабря 2023 г.), «Лингвистический, типологический и методологический аспекты исследования иностранных языков» (г. Кызыл, 26 марта 2022 года); всероссийских и межрегиональных: «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (г. Абакан, октябрь 2020 г.), «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (г. Абакан, 20 - 21 мая 2021 г.), «Будущее языков Саяно-Алтая: сохранение и развитие» (г. Кызыл, 14-15 сентября 2023 г.), «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (г. Абакан, 22-23 мая 2025 г.), а также на различных научных конференциях и семинарах регионального масштаба.

Всего по теме диссертации опубликовано **11** научных работ, в том числе:

- **3** статьи в журналах, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации;

- **1** статья в издании, индексируемом в международной базе данных Scopus.

Содержание диссертационной работы по своей актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости, полученным результатам соответствует паспорту научной специальности **5.9.5 «Русский язык. Языки народов России»**: пункт 9. Национально-культурная специфика вербального и невербального поведения народов Российской Федерации: традиции и инновации. Социолингвистические аспекты русского языка, другого языка России. Современные языковые ситуации в республиках и регионах Российской Федерации. Проблемы языковой политики и прогнозирования дальнейшего развития национальных языков России в условиях конкретных типов двуязычия.

Структура научно-квалификационной работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и условных обозначений, двух приложений. Общий объем текста – 190 страниц.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА И ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

1.1. Основные аспекты исследования билингвизма

Российская Федерация имеет сложное государственное устройство, а её субъекты характеризуются этническим и языковым многообразием. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года (далее – ВПН-2020), более 85% населения России являются монолингвами и около 13% - билингвы. Специфика языковых ситуаций так называемых «национальных» регионов России обусловлена, прежде всего, процессами взаимодействия русского языка и этнического языка / этнических языков, которые определяют характер регионального билингвизма.

Двуязычие или билингвизм – сложное и неоднозначное по своему содержанию явление, которое давно привлекает к себе пристальное внимание лингвистов, социологов, психологов и исследователей других областей знания.

Понятие «билингвизм» впервые стало использоваться в середине прошлого столетия У. Вайнрайхом, который определил его как «практику попеременного пользования двумя языками» [49, с. 75]. Учёный рассматривает феномен двуязычия на индивидуально-психологическом уровне. В условиях полиэтничного государства не всегда рационально изучение феномена двуязычия в сугубо индивидуальном плане и необходим учет определенных экстралингвистических факторов (общественно-функциональный характер двуязычия, понимание этнических и социальных характеристик и т.д.). Тем не менее, исключить или ограничить психологический аспект исследования

билингвизма также не представляется возможным. Такое многогранное понятие требует комплексного, разностороннего рассмотрения.

С социально-лингвистической позиции билингвизм можно представить как «владение, наряду со своим родным, ещё одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [190, с. 33]. Данное определение не является исчерпывающим ввиду сложности и многообразия феномена. Несмотря на разнообразие современных подходов к определению понятия двуязычия, мы придерживаемся традиционного подхода, основанного на четырёх основных аспектах билингвистических исследований: лингвистическом, социальном, психологическом, педагогическом.

1) В лингвистическом аспекте рассмотрения билингвизм можно охарактеризовать как «одинаково совершенное владение двумя языками» [15, с. 125]. При таком подходе выделяются такие виды двуязычия как *полное* и *частичное*. Полное или *совершенное* двуязычие Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко определяют как «владение в совершенстве общеупотребительными устной и письменной формами существования обоих литературных языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур» [70, с. 35]. Вызывает вопросы потенциальная возможность такой ситуации, когда наблюдается совершенное владение двумя языками на уровне сообщества. Скорее данный вид двуязычия является неким идеалом, возможным на индивидуальном уровне, тогда как *частичный* билингвизм носит массовый характер. Соответственно, несовершенная форма владения одним из языков-компонентов будет проявлением *частичного* билингвизма [40].

Отечественный социолингвист В.А. Аврорин выделяет *начальный*, *переходный* и *адекватный* типы билингвизма, подразумевая под ними этапы перехода от одноязычия к наивысшей форме двуязычия при равенстве степеней

владения двумя языками, когда «человек при любых ситуациях и на любые темы может с одинаковой степенью свободы как говорить, так и думать на обоих языках, не нуждаясь в мысленном переводе с одного на другой» [1, с. 146].

2) *Социологический (социальный) аспект* изучения двуязычия носит более объективный характер. Критерием социальности выступает «факт общения, обмена мыслями между представителями различных этнических групп» [40, с. 62]. Так, например, двуязычным можно назвать коллектив или индивида, владеющего вторым языком на достаточном для ведения коммуникации с носителями этого языка уровне: «при таком подходе не ставится вопрос, мыслит ли человек на втором языке или нет, поскольку важным с социальной точки зрения является не то, на каком языке человек мыслит, а то, может ли он общаться с помощью второго языка» [Там же, с. 89]. Таким образом, ключевым критерием отнесения человека к категории билингвов является его способность выражения идеи на втором языке, но не обязательно ее порождения.

Некоторые исследователи разграничивают социальный и социологический подходы. По мнению Ю. Д. Дешериева, *социальный* подход рассмотрения билингвизма подразумевает достаточный для высказывания мысли уровень владения языками, т.е. «знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме, независимо от степени проявления интерференции и использования внутренней речи двуязычным индивидом в процессе письменного или устного общения на втором языке, а также умение воспринимать чужую речь с полным пониманием» [71, с. 35]. Социологический же подход учитывает степень функционирования языков билингва в общественных местах, т.е. его двуязычие измеряется «объёмом общественных функций и сфер применения каждого из двух языков, которыми пользуется двуязычное население» [там же, с. 33].

Данный подход также подразумевает выделение типов билингвизма в соответствии с численностью/долей владеющих языками на индивидуальный, массовый или национальный: *индивидуальный* – на уровне отдельного индивида, *массовый* или *национальный* – на уровне этноса, региона или национально-государственного образования, т.е. присущий всем членам языкового сообщества [262, с. 165]. Похожую идею разграничения двуязычия на *индивидуальную* и *коллективную*, или *общинную диглоссию*, предлагает Ч. Фергюсон [245].

Для социологического аспекта языкознания непосредственный интерес представляет массовое двуязычие с двумя его подтипами, которые удобнее назвать *сплошным* и *групповым* двуязычием [33, с. 85-86].

Ю.Д. Дешериев в своей классификации билингвизма также различает его *контактный* и *неконтактный* виды, «в зависимости от того, как происходит усвоение – через непосредственное общение с носителями второго языка, или непосредственное общение отсутствует, и усвоение осуществляется через какое-либо посредничество, на расстоянии» [71, с. 331-334].

Исходя из вышесказанного, возникновение *контактного* типа билингвизма обусловлено совместной жизнью двух народов на одной территории. Контактный билингвизм характеризует языковую ситуацию многих субъектов России и постсоветского пространства (страны СНГ и Прибалтики). Возникновение *неконтактного* билингвизма, напротив, является результатом целенаправленного изучения языка одного народа другим. Такой тип имеет место в случае с овладением иностранными языками, а также при отсутствии контактов между народами при совместном проживании. К данному типу двуязычия также можно отнести случаи индивидуального билингвизма лиц, изучивших неродные языки в учебных заведениях.

Нередки случаи *одностороннего* контактного билингвизма, когда «все представители малочисленной народности оказываются двуязычными, а окружающая их крупная или доминантная нация остается одноязычной» [40, с.

63], что постепенно приводит к ассимиляции языка меньшинства. Однако в данном контексте термины «малочисленная народность» или «миноритарный этнос» не всегда понимаются буквально. Известны случаи развития одностороннего контактного билингвизма в результате ассимиляции языка немалочисленных народностей. Например, в Республике Тыва при своем численном преобладании представители коренного этноса в массе двуязычны, а русское население – моноязычно. В ситуациях, когда при двуязычии контактирующих народов их языки не ассимилируются, принято говорить о *двустороннем* билингвизме. Примером может служить узбекско-таджикское двуязычие в Средней Азии или национально-русское двуязычие в странах СНГ и Балтии. Двусторонний характер узбекско-таджикского билингвизма отражен, в частности, в многовековой истории среднеазиатской литературы [1].

Кроме того, по степени экстенсивности Ю.Д. Дешериев выделил такие виды двуязычия как *общенародное, территориальное*, а также *двуязычие прослойки народа* (например, интеллигенции) [71]. Билингвизм может быть *внутригрупповым* и *межгрупповым* в зависимости от характера внешних и внутренних связей социальной группы; *национальным*, обусловленным этноязыковыми признаками билингвов; *функциональным* – по преобладающим сферам использования второго языка [190, с. 34].

В.А. Аврорин различал *региональный* и *национальный* типы двуязычия. Первый тип обусловлен территориальной (географической или административно-государственной) ограниченностью, а также сосуществованием на этой территории двух или более языковых сообществ, использующих в повседневной жизни свои языки [1, с. 129] как, например, в Канаде, Бельгии, Швейцарии, Индии, Китае, Индонезии и других странах. Второй, национальный тип двуязычия, обусловлен не территориально, а этнически, и подразумевает сосуществование нескольких разных языков у одного народа. В пример можно привести народы СССР [111, с. 56].

А.Д. Швейцер, который ввёл в научный оборот труды американских учёных XX века, считал, что существенным недостатком их работ о социальной дифференциации языков является отсутствие «такой важной социолингвистической категории, как национальный язык» [219, с. 69]. Термин *national language*, встречающийся в работах американских ученых, означает не «национальный язык, а государственный язык» [там же]. Это разночтение термина «национальный язык» в западной и советской научных парадигмах привело к развитию целого ряда терминов в отечественной научной литературе как, например, «национально-русское двуязычие», «национально-национальный билингвизм» и др., которые стали важнейшими концептами в отечественной науке.

Словарь социолингвистических терминов (*далее – ССТ*) дает два варианта трактовки этому термину: *национальный язык* - это, во-первых, «язык нации как социально-исторической этнической общности людей, представляющий собой совокупность всех форм его существования (как кодифицированных, так и некодифицированных)» [190, с. 148], но при условии обязательного наличия его литературной, нормированной и стандартизированной формы [там же]; во-вторых, «этнический язык одного из народов РФ, но, как правило, не русский язык» [там же, с. 149]. Различаются *национально-русский, русско-национальный и национально-национальный* виды билингвизма, основанные на понятии контактного двуязычия. Все три подразумевают «вид национального билингвизма на территории России (ранее – СССР), при которых первым компонентом двуязычия является: в первом случае – национальный язык, т.е. язык автохтонного этноса (кроме русского); во втором случае – русский язык; в третьем – этнический язык является первым компонентом, а другой национальный язык (но не русский язык) является вторым компонентом» [там же, с. 144, с.191].

Кроме того выделяют *начальный* и *остаточный* виды билингвизма, которые отражают соответственно «начальный этап распространения второго языка в социуме» [190, с. 149] и «процесс ухода второго языка из употребления» [там же, с. 159]. Вид социального билингвизма, при котором увеличивается количество усваивающих второй язык людей, называют *прогрессивным* [там же, с. 173], а тот его вид, при котором новый язык начинает доминировать над этническим (что обычно характерно для эмигрантов и национальных меньшинств), называют *регрессивным* [там же, с. 183].

При *функциональном* двуязычии учитываются доминирующие сферы общения, в которых билингв употребляет второй язык. Также понятие *функциональный билингвизм* используется применительно к «относительно равному уровню владения двумя языками» [там же, с. 151]. В зависимости от преобладающих ситуаций общения билингва распознают *культурный билингвизм*.

Американский лингвист У. Ламберт ввёл понятия *аддитивного* (additive) и *субтрактивного* (subtractive) билингвизма, применив их в отношении франко-английских билингвов в Канаде [266]. Его идеи были переняты Дж. Камминсом и адаптированы под ситуации исследования двуязычных детей эмигрантов в США [242]. Под аддитивной (additive в пер. с англ. буквально - *дополняющий*) эти учёные понимают ту форму билингвизма, при которой индивид приобретает два языка (первый L1 и второй L2) в сбалансированном виде, т.е. второй язык (L2) добавляется к первому (L1), не вытесняя его: поскольку L1 у билингва был доминирующим или, по крайней мере, престижным, ему не грозила опасность замены на L2 [242, с. 229]. Напротив, субтрактивный (subtractive в пер. с англ. буквально - *отнимающий* или *вычитающий*) вариант билингвизма предполагает замену L1 индивида более престижным L2. Двуязычный ребенок в ситуации аддитивного билингвизма, демонстрирует высокий уровень языковых компетенций в обоих языках, а уровень владения двумя языками у

субтрактивного билингва значительно ниже уровня носителей языков [там же: 229].

Интересен подход современного американского социолингвиста Дж. Шевалье, которая применяет подходы предшественников при исследовании языковых ситуаций в регионах РФ с позиции аддитивности и субтрактивности двуязычия: «Языковой контакт может привести к аддитивному двуязычию, когда носители языка становятся билингвами, добавляя ещё один язык в свой лингвистический репертуар без какого-либо влияния на владение родным языком. Субтрактивный билингвизм возникает, когда второй язык изучается в ущерб первому или родному языку» [237].

3) *Психологический аспект* исследования билингвизма касается механизмов порождения и восприятия речи в контексте родного и неродного языков. Современные исследования в этой области касаются не только проблем собственно психологического характера, но и проникают в области психолингвистики, методики обучения языкам и др. Так, например, с точки зрения психологии рассматриваются особенности механизмов зрения, слуха, памяти. С позиции психолингвистики исследуются особенности языкового сознания билингва. Одной из важнейших задач данного аспекта является рассмотрение явления интерференции [70, с. 36].

Психологический подход к классификации билингвизма подразумевает разделение на *комбинированный* и *соотнесенный* типы двуязычия. При развитии у индивида двух комбинированных языковых систем с двумя независимыми друг от друга семантическими рядами к ним принято говорить о комбинированном типе билингвизма. Данный тип двуязычия обычно развивается в раннем детстве при устном общении на втором языке. При соотнесенном двуязычии задействованы механизмы перевода с одного языка на другой – этот тип билингвизма обычно является результатом обучения.

Как видно, в психологическом аспекте понимание явления билингвизма является сугубо индивидуальным. Например, в определении Е. М. Верещагина двуязычие представляет собой «психический механизм, позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [55, с. 134].

Л. В. Щерба различал такие виды двуязычия как *чистое* и *смешанное*. Под чистым билингвизмом подразумевается такой вид двуязычия, при котором индивид овладевает вторым языком путём погружения в языковую среду. Этот вид двуязычия обусловлен изолированностью индивида от его родного языка. При смешанном двуязычии существует параллельная связь двух языков индивида, основанная на единой системе понятий, т. е. «один язык с двумя терминами» [223, с. 6-7]. ССТ трактует это понятие как «альтернативное использование двух различных языков, не всегда с одинаковой компетенцией, но в одном и том же социальном контексте» [190, с. 196]. Также имеется в виду «идеальный случай владения родным и вторым языком, которые существуют в сознании говорящего как равноправные коммуникативные системы» [104, с. 136].

Смешанное двуязычие ставят в один ряд с двумя другими основными видами индивидуального билингвизма в психолингвистическом аспекте: *координативным* и *субординативным*. «Каждый из этих трёх основных видов двуязычия теоретически соответствует разному уровню владения вторым языком, но, как правило, в речи билингва данные разновидности могут присутствовать одновременно, с преобладанием одного из них» [190, с. 78]. В свою очередь, американский социолингвист Дж. Фишман при изучении сфер доминирования языка предложил включать *координативный* (независимый или разделённый) и *сложный* (взаимозависимый или смешанный) билингвизм (*coordinative and compound bilingualism*) в более широкий социокультурный контекст [246, с. 62-88].

Также различаются *активный* и *пассивный* типы билингвизма. При активном двуязычии обе языковые системы используются во всех видах речевой деятельности. При пассивном типе билингвизма один из языков индивида функционирует частично, например, в качестве средства восприятия информации, но не средства его передачи [110, с. 127]. Исследователями билингвизма отмечаются массовые случаи пассивного (рецептивного) вида двуязычия у «носителей миноритарных языков РФ, когда родной язык, в результате процессов языкового сдвига, функционирует преимущественно в пассивных видах речевой деятельности» [40].

При данном подходе к изучению билингвизма также различают его *сбалансированную* и *несбалансированную* формы, где первый вид представляет собой индивидуальную форму двуязычия, «при котором субъект в одинаковой степени владеет двумя языками» [190, с. 192, с. 151], а последняя означает «вид, характеризующийся различным уровнем языковой компетенции билингва. Как правило, родным языком билингв владеет значительно лучше, чем вторым языком» [там же].

Все вышеперечисленные разграничения типов двуязычия служат для выявления в них специфических черт. Однако в действительности двуязычие и многоязычие редко встречаются в чистом виде и осложняются разного рода переходными случаями. Как сложное явление, двуязычие не может быть объектом какой-то определённой области исследования, и, более того, не ограничивается только рассмотренными четырьмя аспектами. Развитие терминологического аппарата в области билингвальных исследований привело к пониманию двуязычия как социолингвистического и психолингвистического явления, важного для исследований в области политологии, антропологии, лингвистики, социологии и педагогики. В то же время следует отметить, что до сих пор не существует универсального общепринятого определения билингвизма

или полилингвизма и дальнейшее исследование данного феномена остаётся востребованным направлением в лингвистике и смежных науках [268].

1.2. Билингвизм с тувинским компонентом в работах по тувиноведению

Языковая ситуация в Республике Тыва имеет некоторые особенности, сформировавшиеся в результате длительного взаимодействия местного населения с представителями других народов. Монгольский и русский языки, с которыми тувинский язык контактировал в течение длительного времени, повлияли на процессы становления и развития его форм, на его функциональную сторону [215, с. 13]. Как отмечает Б. И. Татаринцев, два языка, «сначала монгольский язык, затем и русский поочерёдно выполняли функции второго языка в Туве» [194, с. 9].

Вопрос истории взаимодействия тувинского языка с монгольским малоизучен ввиду недостаточного количества задокументированных лингвистических материалов. К тому же «большая часть этих данных относится к рубежу XIX–XX вв., когда укрепилась национально-территориальная государственность» Тувы [150, с. 222].

Несколько лучше обстоит ситуация с исследованиями тувинско-монгольского билингвизма, характерного для групп этнических тувинцев, проживающих за пределами современной Тувы. Изучению языковых особенностей тувинцев, дисперсно проживающих на территориях Монголии и Китая, посвящены труды тувинских лингвистов: Ю.Л. Аранчына [12], Д.А. Монгуш [147], М.Б. Мартан-оол [138], М.В. Монгуш [149; 150], М.В. Бавуу-Сюрюн [18], Б. Баярсайхана [21; 30] и др.

Работа Т.Н. Журавель [92] посвящена рассмотрению этноязыковой ситуации Усинской долины, где проживает группа этнических тувинцев и является пока единственным социолингвистическим исследованием русско-тувинского приграничья. Автор связывает ослабление позиций тувинского языка с прекращением его функционирования в системе школьного образования Усинской долины, а также отмечает снижение престижа тувинского языка среди тувинских детей и молодёжи [92, с. 134].

История тувинско-русских языковых контактов непосредственно на территории современной Тувы начинается с середины XIX в., когда началось изучение Урянхайского края³. Источники упоминают редкие посещения Тувы путешественниками, послами, казаками, охранявшими границы России. До того момента окружённая горами, отдалённая территория не осваивалась и не заселялась подданными Российской империи, оставаясь «неведомой страной». Хотя ещё в начале XVII в. на территорию Тувы проникли староверы, которые проживали компактно и довольно обособленно. Именно они составляли основную русскоязычную часть населения. «Преобладание тувинского языкового окружения обусловило необходимость овладения большинством русскоязычных переселенцев тувинским языком, так как тувинский язык выступал основным средством общения» [213, с. 142].

Исследователями-пионерами тувинского языка, истории его происхождения и развития считают В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова. Академик Василий Радлов, прибыв в Туву в 1861 году, ознакомился с тувинским языком, изучал устное народное творчество, собирал этнографические данные, которые опубликовал в 1866 году в первом томе «Образцов народной литературы тюркских племен» [178].

Выдающийся российский тюрколог хакасского происхождения Н. Ф. Катанов в 1888 – 1889 гг. во время своих экспедиций в Урянхайский край собрал

³ Урянхайский край (Сойотия) – название территории Тувы, широко применявшееся в XVIII – первой четверти XX вв. В 1914-1917 гг. официальное название протектората Российской империи на территории Тувы [48].

богатейший материал по языку, обычаям, фольклору тувинцев, который в 1903 г. лёг в основу его фундаментального труда [119].

В начале минувшего столетия тувинский язык являлся предметом исследования известных советских лингвистов – Е.Д. Поливанова, Н.Н. Поппе, А.А. Пальмбаха, Ф.Г. Исхакова, С.Е. Малова, В.М. Надеяева, В.И. Рассадина, И.В. Кормушина, Э.Р. Тенишева и др., внёсших значительный вклад в исследование тувинского языка не только в теоретическом смысле, но и принимавших непосредственное участие в процессе языкового строительства.

Социолингвистическое исследование тувинского языка, как и многих так называемых младописьменных языков, а также языков коренных народов, началось в 60-70-е гг. прошлого столетия, когда с целью получения данных о соотношении и/или распределении функций русского и тувинского языков, под руководством В. А. Аврорина впервые был проведён социолингвистический опрос тувинского населения [187].

Работы первого поколения ученых-тувиноведов – Ш.Ч. Сата [183], Ю.Л. Аранчына и Д.А. Монгуша [12], Б.И. Татаринцева [194] и др. посвящены не только исследованию структурной стороны тувинского языка. Предметом их изучения становятся общественные функции русского и тувинского языков, история и особенности языковых контактов в Туве. Б.И. Татаринцев представил первую типологию двуязычия, бытовавшего в Туве в досоветский и советский периоды, исходя из русско-тувинских лексических заимствований [194]. Ш. Ч. Сат внёс весомый вклад в исследования феномена тувинского билингвизма. Он рассмотрел сферы функционирования и софункционирования тувинского и русского языков, изучал общественные функции и разнообразные стили тувинского литературного языка [183].

Исследования 80-90-х гг. XX в. охватывали проблемы лингвистической принадлежности коренного этноса РТ, их языковых предпочтений и языковых компетенций в тувинском и русском языках и пр. З.В. Анайбан и Г.Ф. Балакина

отмечают достаточное количество материалов, позволяющих судить о степени владения тувинцами языками на тот момент [7; 24].

Вопросами функционирования тувинского языка в постсоветский период в РТ занимаются Т.Г. Боргоякова [40; 41; 42; 43; 44; 45], М.В. Бавуу-Сюрюн [17; 19; 20], М.Б. Мартан-оол [136; 137; 138], Ч. С. Цыбенова [214; 215; 216; 217], Н.Ч. Серээдар [193], А.Н. Биткеева [34; 42], А.В. Гусейнова [43; 44; 45], М.Я. Каплунова [115] и др.

Вопросы языковой политики, языкового образования в Туве также затрагиваются в ряде работ по социологии [13; 14], политологии [154; 155], экономике [159], истории [165]. Отмечается интерес к проблемам языковой и образовательной политики Тувы со стороны зарубежных учёных из разных регионов мира: США – Дж. Шевалье [237], Турции – М. Дж. Тезич [196]; Китая – Вэй Цень Фан [61]; Украины – И. Отрощенко [163].

Отметим социолингвистические исследования, наиболее полно освещающие функциональное развитие тувинского языка и правовые аспекты использования государственных языков в Республике Тыва: Т.Г. Боргояковой [40; 43; 45], М.Б. Мартан-оол [136; 137; 138], Ч.С. Цыбеновой [214; 215; 216], а также перечислим работы, посвящённые рассмотрению психолингвистических аспектов тувинского билингвизма – Ч.С. Цыбеновой [214; 215], А.В. Колмогоровой [126], А.А. Натпит [156].

Обзор и анализ работ, посвящённых теме языковых контактов и двуязычия в Туве, свидетельствует об интересе учёных к данной проблематике, многоаспектности этих исследований. В то же время содержание социолингвистических работ за последние десятилетия свидетельствует о высокой динамичности современной языковой ситуации в Туве, обусловленной глубокими трансформациями, произошедшими в общественно-политической жизни всего государства, приведшими к кризису в 1990-х гг., а также последовавшими за ними глобализационными процессами, развитием

информационных технологий и т.д. Таким образом, потребность в систематическом мониторинге и анализе языковой ситуации в регионе обоснована изменчивостью её характера и актуальностью для планирования языковой политики.

1.3. Методологическая база социолингвистического исследования билингвизма и языковой ситуации в Республике Тыва

1.3.1. Основные подходы к изучению социолингвистических явлений в отечественной и зарубежной науке

Отечественные и зарубежные традиции изучения социолингвистических явлений несколько различаются с точки зрения методологических позиций. Считается, что термин «социолингвистика» был введён в научный оборот в 1950-х гг., после того как его впервые использовал американский лингвист Х. Карри [243], хотя интерес к проблеме связи языка и общества возник значительно раньше. Представители разных научных школ и поколений разделяли позицию рассмотрения языка как социального феномена, однако, как отмечает Ф.П. Филин, «признание социальной детерминированности языка не мешало представителям различных лингвистических направлений совершенно по-разному трактовать вопросы языка и общества» [208, с. 5-6]. Совершенно разные социолингвистические проблемы или аспекты этих проблем становились предметом исследования учёных в разных странах.

Фундамент отечественных социалингвистических исследований был заложен в 20 – 30-е гг. прошлого столетия такими видными учёными как В.В. Виноградов [56], В.М. Жирмунский [91], Б.А. Ларин [133], Е.Д. Поливанов [169], М.В. Сергиевский [186], Р.О. Шор [222], Л.П. Якубинский [228] и др., которые, понимая язык как общественное явление, опирались на принципы исторического материализма и марксистско-ленинскую теорию «о языке как о важнейшем средстве человеческого общения, о роли языка в процессе формирования и развития наций, об общественных функциях языков и диалектов» [219, с. 4]. Идеи основоположников социально-лингвистического учения нашли развитие в трудах советских учёных В. А. Аврорина [1], Ю. Д. Дешериева [71], Л. Б. Никольского [157], А. Д. Швейцера [220], Ф. П. Филина [208], М. И. Исаева [106; 107], Л. П. Крысина [129] и др. и закономерно привели к становлению советской школы социалингвистики.

Значительный вклад в формирование и развитие социалингвистики и в выработку её ключевых понятий внесли работы французских социалингвистов, опирающиеся на традицию, заложенную в трудах А. Мейе [273] и Ж. Вандриеса [51], а также исследования чешских лингвистов В. Матезиуса [142], Б. Гавранека [63], И. Вахека [52] и др. Не менее ценным считают вклад немецких языковедов Г. Фрингса, Г. Бельмана, Р. Гроссе, П. Поленца, В. Флейшера [220] и др., исследовавших проблемы социальной диалектологии и социальной стратификации языка.

60-е гг. XX в. ознаменовались бурным развитием социалингвистики во всем мире. Плодотворным данный период становится и для американского социалингвистического направления, видными представителями которого являются Э. Хауген [257], У. Лабов [265], Ч. Фергюсон [245], У. Брайт [236], Д. Хаймс [258], Дж. Гамперц [255], Дж. Фишман [247] и др. В работах основоположников западной социалингвистики отражены позитивистские и бихевиористские тенденции американской социологии того времени, а также

идеи американской антропологической лингвистики или этнолингвистики о моделях речевого поведения, изоморфизма языка и культуры и др. А.Д. Швейцер, вводя в советский научный дискурс работы представителей зарубежной социолингвистики («Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике»), отмечает избыточную социально-стратификационную ориентированность этих трудов – предметом изучения является не сам язык как таковой, а его отражение в социально-классовой структуре общества, языковая вариативность и языковая дифференциация социальных слоёв [219]. «Стремление американских лингвистов «построить модель языка в отрыве от его социального окружения» [там же, с. 10] обнажает слабые стороны их лингвистических теорий. Более того, расцвет американской социолингвистики в 1960-е гг. объясняется отечественными учёными наличием «небескорыстного» интереса США к национально-языковым трудностям, с которыми тогда столкнулись молодые развивающиеся государства Азии и Африки [157, с. 25]. Советские лингвисты, часто подвергая критике подходы западной науки к изучению общественной природы языка, тем не менее, не отрицают их вклад в разработку сложной и многогранной проблемы связей между языком и обществом, «многие из разработанных ими исследовательских приёмов представляют определённый интерес и заслуживают внимания» [219, с. 102]. С другой стороны, лишь немногие западные учёные того времени (например, Г. Льюис [269]), упоминают в своих трудах достижения советских учёных, что было и остается обусловленным идеологическими разногласиями между государствами.

Советская социолингвистика во многом развивалась в научной парадигме марксизма, в чем заключалось главное её отличие от западной социолингвистики. Теория развития общественных отношений воспринималась советскими лингвистами единственно верным подходом к исследованию комплексной проблемы «язык и общество» [220, с. 8]. Анализ общественно-исторических условий развития языка с позиций исторического материализма, по их мнению,

позволял увидеть пути к решению таких важных социолингвистических проблем как соотношение языка народности и языка нации, общенародного языка и его территориальных диалектов [208], а также о воздействии социальных факторов на язык через развитие их общественных функций [71]. Продуктом советского языкознания является теория национального языка, основанная на принципах марксистской социологии - «о процессе формирования наций, в ходе которого происходит концентрация диалектов в единый национальный язык, обусловленная экономической и политической концентрацией» [Цит. по 220, с. 9].

Распад СССР и появление новых национальных государств в начале 90-х гг. XX в. стали началом нового этапа в отечественной социолингвистике: усиливается экологический аспект языковой политики, связанный с угрожающими темпами сокращения количества языков в мире. Специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры, включающее достопримечательности в список Всемирного наследия (ЮНЕСКО), обращает внимание мирового сообщества на проблемы защиты глобального языкового разнообразия [105], актуализирует проблемы двуязычия и многоязычия на международном уровне. Расширение языковых прав народов бывшего СССР способствовало развитию этнической (региональной) социолингвистики.

Анализу языковых ситуаций постсоветской России посвящены работы В.М. Алпатова, В.Ю. Михальченко, А.Н. Баскакова, Н.Б. Вахтина, Ю.Н. Караулова, российские регионы с этой позиции исследуют Т.Г. Боргоякова, А.Н. Биткеева, Г.А. Дырхеева, Н.И. Иванова, Э.В. Хилханова, Ч.С. Цыбенкова, А.В. Гусейнова и многие др.

В целом в лингвистике к началу XXI в. постепенно происходит смена научной парадигмы – функциональное и антропоцентрическое направления стали занимать более важные позиции: значимая роль отводится «человеческому

фактору», что находит выражение в применении новых методов исследования, ориентированных на «человека говорящего» в конкретном социальном контексте.

1.3.2. Языковая ситуация

Термин «языковая ситуация» входит в число наиболее многопонятных категорий социолингвистики и не имеет однозначного общепринятого определения. Хотя ещё в начале XX века определённое видение таких социолингвистических понятий, как языковая ситуация и языковая политика, освещается в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ [38], а в работах Е.Д. Поливанова [169] и Л. Якубинского [228] озвучиваются идеи языкового строительства. С конца 50-х гг., с развитием общетеоретических основ отечественной социолингвистической науки, сущность термина «языковая ситуация» раскрывается яснее в трудах В.А. Виноградова [56], В.А. Аврорина [1], Ю.Д. Дешериева [71], Л.Б. Никольского [158], А.Д. Швейцера [219; 220], Ф.П. Филина [208], В.Н. Ярцевой [134] и других.

Согласно определению, предложенному в Словаре социолингвистических терминов, *языковая ситуация* (далее ЯС) представляет собой «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [190, с. 266].

Отечественный социолингвист Л.Б. Никольский определяет ЯС как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [157, с. 79-80].

Другой известный советский социолингвист В.А. Аврорин, посвятивший свой труд проблемам функциональной стороны языка, определяет ЯС как «функционирование языка в тех или иных сферах общественной деятельности при определённых социальных условиях жизни народа» [1, с. 119-120]. Однако, по мнению исследователя, сама ЯС «недоступна для непосредственного наблюдения и чувственного восприятия» [там же] и более целесообразным представляется наблюдение именно за речевой ситуацией, которая является отражением или результатом ЯС.

Американские социолингвисты Х. Карри [243], Д. Хаймс [258], Дж. Гамперц [255], У. Брайт [236], У. Лабов [265], Дж. Фишман [246; 247; 248], Э. Хауген [257], Ч. Фергюсон [245] и др. также занимались проблемами, связанными с функционированием языка, хотя основное их внимание было направлено на изучение не языковой, а конкретно речевой ситуации, на характеристику участников коммуникативного акта, на его общую обстановку, на тематику речи и др. аспекты.

Ч. Фергюсон, раскрывая понятие «языковая ситуация» (language situation), говорит о важности количества носителей языка, качества владения ими языка, а также в целом о «коммуникативной мощности языка в определённом ареале в синхроническом соотношении, оценке, языковые установки» и прочее [245].

В понимании А.Д. Швейцера, ЯС может представлять собой «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [220, с. 133-134].

Как видно, понятие ЯС является многоаспектным и предполагает сложную типологию. Далее рассмотрим виды ЯС, представленные в ССТ в самом общем

понимании: «эндогlossная ЯС как совокупность подсистем одного и того же языка и экзогlossная ЯС как совокупность подсистем разных языков; гомогенная (родственные языки) или гетерогенная (неродственные языки) ЯС, гомоморфная (сходные языки) или гетероморфная (различные языки) ЯС; равновесная / неравновесная ЯС – языки, равные или не равные по уровню функциональной и демографической мощности; сбалансированная / несбалансированная ЯС – языки, имеющие одинаковую или различную функциональную нагрузку в пределах данной социально-коммуникативной системы» [190, с. 9].

Определяющими параметрами ЯС являются статус языка – юридический (официальный) и фактический [220], общность или коллектив носителей языка, его демографическая и функциональная мощность, реализация в сферах общения, которая может носить характер функционального расширения или, напротив, функционального сужения [144, с. 42].

При одновременном изучении языковых ситуаций в разных регионах выявляют конвергентные и дивергентные параметры. *Конвергентными* называют похожие или общие признаки, которые сформировались в разных независимых друг от друга условиях, а *дивергентными* принято считать расходящиеся признаки. Так, например, Т.Г. Боргоякова при выявлении особенностей ЯС трех тюркоязычных южносибирских регионов – республик Алтай, Хакасия и Тыва – относит к конвергентным факторам их официальный статус, наличие языкового законодательства, этнодемографические, социальные и другие признаки населения, определённые тенденции развития общества и т.п. [40, с. 82-83]. К дивергентным исследователь причисляет такие факторы как «разные экономические и социокультурные потенциалы республик, разный удельный вес титульных народов в республиках, разную степень развитости и длительность письменных традиций государственных языков, различия в языковой компетенции населения республик, различия в темпах языковых контактов,

различия в принадлежности тюркских народов определённому религиозно-культурному ареалу» [там же, с. 86-87].

Несомненно, языковая ситуация в условиях полиэтничности и языкового многообразия в Российской Федерации характеризуется сложностью и неоднородностью по многим параметрам. Опираясь на признаки конвергентности и дивергентности, можно попытаться рассмотреть социолингвистические проблемы некоторых тюркоязычных этносов России. Впервые к этой теме обратились А.Н. Баскаков и О.Д. Насырова в своем специальном исследовании, посвященном языковым ситуациям в регионах с тюркоязычным компонентом [29].

Попытаемся выстроить рейтинг тюркских языков по числу владеющих ими граждан Российской Федерации с упоминанием доли всех указавших владение тем или иным языком в процентном соотношении. По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее – ВПН-2010) владение языками указали 138,312,535 жителей России, а в десятку наиболее мощных с демографической точки зрения тюркских языков РФ попали татарский (4,280,718 чел., 3,72 %), башкирский (1,152,404 чел., 0,96 %), чувашский (1,042,989 чел., 0,92 %), азербайджанский (473,044 чел., 0,47 %), якутский (450,140 чел., 0,32 %), казахский (401,455 чел., 0,39 %), удмуртский (324,338 чел., 0,32 %), узбекский (273,451 чел., 0,17 %), тувинский (253,673 чел., 0,17 %), турецкий (146,363 чел., 0,11 %) языки. Далее идет адыгейский язык с 117,489 носителями по РФ, что составляет 0,09 % от ее населения, и другие тюркские языки. Как видно, тувинский язык входит в данный рейтинг, что демонстрирует более высокий уровень его демографической мощности в сравнении с алтайским и хакасским языками с числом их носителей в 55 720 чел. (0,04 %) и 42 604 (0,03 %) соответственно [58].

По данным ВПН-2020, демографическая мощность вышеперечисленных языков несколько снизилась: из 135,125,671 жителя России, указавших владение

языками, татарским языком владеют 3,261,155 чел. (2,4 %), башкирским – 1,086,423 чел. (0,8 %), чувашским – 700,222 чел. (0,51 %), азербайджанским – 291,484 чел. (0,21 %), казахским – 265,703 чел. (0,19 %), удмуртским – 255,877 чел. (0,189 %), узбекским – 228,962 чел. (0,169 %), турецким – 132,147 чел. (0,097 %), адыгейским – 81,294 чел. (0,06 %), якутским – 377,722 чел. (0,2 %), тувинским – 252,953 чел. (0,187 %), алтайским – 62 572 (0,042%), хакасским – 29 010 (0,019%) [59].

Таблица 1 – Доля носителей некоторых тюркских языков РФ от общей численности населения России / населения республик РФ, %⁴

Языки	Татарский в РФ / Респ. Татарстан	Башкирский в РФ / Респ. Башкортостан	Чувашский в РФ / Чувашской респ.	Якутский в РФ / Респ. Саха (Якутия)	Удмуртский в РФ / Удмуртской респ.	Тувинский в РФ / Респ. Тыва	Адыгейский в РФ / Респ. Адыгея	Алтайский в РФ / Респ. Алтай	Хакасский в РФ / Респ. Хакасия
ВПН 2010	3,72 / 49,3	0,96 / 19,94	0,92 / 56,5	0,32 / 47,5	0,32 / 15,64	0,17 / 80	0,09 / 25	0,04 / 26	0,03 / 7,5
ВПН 2020	2,4 / 38	0,8 / 22,9	0,51 / 40,3	0,2 / 43,7	0,189 / 14	0,187 / 77	0,06 / 16	0,042 / 28,5	0,019 / 5,1

Демографическая мощьность тюркских языков России, перечисленных в таблице 1, в общероссийских масштабах снижается с 0,71% в 2010 году до 0,49% в 2020 году, а средний показатель их демографической мощьности по регионам – с 36,3% в 2010 году до 31,7% в 2020 году. При высоком уровне демографической мощьности тувинского языка в РТ – 80% в 2010, в 2020 году зафиксировано его снижение на 3% (77%), что является одним наименьших уровней снижения демографической мощьности среди языков тюркских народов России.

⁴ Всероссийские переписи населения 2010 и 2020 гг.

1.3.3. Языковой сдвиг, языковая лояльность, родной язык

Ещё одним важным и обсуждаемым социолингвистическим явлением является проблема языкового сдвига, представляющая собой «процесс и результат утраты этносом этнического языка» [190, с. 276] с переходом на другой язык. О языковом сдвиге принято говорить, если при определённом уровне владения этническим языком в двуязычном сообществе наблюдается устойчивая тенденция к ослаблению его демографической мощности (сокращению числа носителей этнического языка среди представителей самого этноса) [там же]. Этот негативный процесс может привести к «полной потере этнического языка» [190, с. 276-277]. Однако возможен и обратный ход развития - «обратный языковой сдвиг, т.е. возврат к прежнему, использовавшемуся ранее языку, что случается крайне редко» [там же, с. 152]. По мнению А.А. Кибрика, в России негативные процессы вытеснения языков происходили не столь интенсивно, что «даёт исторический шанс затормозить этот процесс, если российское общество и сами этнические группы будут готовы приложить необходимые усилия и предпринять определённые шаги» [121, с. 21].

В монографии Н.Б. Вахтина «Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига» приводится обзор трудов, посвящённых теме языковой смерти [53, с. 200-209]. Автор работы считает, что первым термин *языковая смерть* использовал в 1934 году Ж. Вандриес в статье “La mort des langues” (в пер. с французского языка – *Смерть языков*), а первое монографическое исследование по данной проблематике вышло в 1957 году (книга под авторством Ion Coteanu “Cum dispere o limba” – в переводе с румынского языка «*Как умирает язык*») [там же]. Однако ещё в XIX веке гипотезы о причине исчезновения языков сформулировал в своих работах И.А. Бодуэн де Куртене [38]. Американский лингвист М. Сводеш в своей статье 1948 г. выразил идеи о необходимости систематического сбора биографических данных носителей языков, «которые уже

встали на путь утраты первоначального языка» [189, с. 41], в контексте исчезновения языков, процессов перехода с одного языка на другой, обоснования выбора того или иного языка и т.п. С 1970-х гг. тема смерти языка поднимается в работах Дж. Фишмана, В. Дресслера, Н. Дориан, С. Гал и др., которые стали фундаментом для дальнейшего развития исследований феномена языкового сдвига.

Наиболее убедительным описанием процесса языкового сдвига Н. Б. Вахтин находит «Теорию языкового сдвига», статью Х. Зассе, в которой тот приводит решающие факторы – социально-экономические, исторические особенности языковой ситуации в периоды упадка языка и образцы речевого поведения разных слоёв носителей языка в предшествующий исчезновению языка период. Так, *первичный языковой сдвиг* происходит, когда «существенная часть двуязычной общности одновременно или почти одновременно переходит с одного «первого» языка на другой» [Цит. по 53, с. 204]. Хотя мотивы этого перехода могут быть разными, почти всегда присутствует некий фактор «социально-экономического или социально-психологического давления, которое заставляет экономически более слабую или численно меньшую группу отказаться от своего языка» [там же, с. 204]. Вторая стадия, называемая *упадком языка* является решающей и выражается в полужычии его носителей, т.е. их несовершенном знании языка: «морфология в высшей степени дефектна, они теряют важные грамматические категории – такие как время, вид, наклонение ... их речь демонстрирует упрощения синтаксиса» и т.д. [Цит. по 53, с. 204]. Упадок языка в конечной степени приводит к *языковой смерти* или *замене языка*.

Очевидно, что в процессе языкового сдвига так или иначе возникает ситуация выбора языка. Коллокация «выбор языка», являясь емким социолингвистическим понятием, довольно часто встречается и в институциональном дискурсе, например, в тексте Конституции РФ, языковых законах РФ: «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный

выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества...» [127]. Необходимость выбора языка постоянно возникает в жизни билингвального сообщества в зависимости от коммуникативной ситуации или сферы общения. *Выбор языка*, как пишет Э.В. Хилханова, это «речевое поведение языкового сообщества в условиях языкового контактирования, ведущее либо к отказу от старого языка, либо к его сохранению в ситуации, когда был возможен переход на новый язык» [210, с. 38]. Исследователь считает, что «на выбор языка влияют внешние (социолингвистические, социокультурные, социально-психологические и культурно-антропологические) и внутренние факторы (психолингвистические, субъективные и прагматические)» [там же].

В процессе языкового сдвига важную роль играет степень приверженности языкового сообщества к своему языку, или *языковая лояльность*, т.е. «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса» [190, с. 261]. Например, «признание родным своего этнического языка, выбор его в качестве языка обучения, языка общения» [там же, с. 262] определяют языковую лояльность этноса. С другой стороны, *языковая лояльность* может пониматься как «*языковая терпимость* (толерантность), которая проявляется в уважительном отношении со стороны численно или социально доминирующего на какой-либо территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам этнических групп, проживающих на той же территории» [там же, с. 267].

Одним из самых неоднозначных и противоречивых понятий является термин «родной язык», который тесно связан с языковой лояльностью. В ССТ родной язык определяется как «1) материнский язык; 2) этнический язык; 3) функционально первый язык; 4) национальный язык» [там же, с. 187]. Однако с данными трактовками термина не согласны Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин: «материнский язык – не обязательно родной, родной язык – не обязательно первый» [54, с. 46]. В определении родного языка М. И. Исаевым упоминается

«первый язык, который усвоен человеком с детства (язык колыбели)... Бывают случаи, когда человек впоследствии усваивает другой язык, который порой становится «первым», т. е. языком, которым он чаще пользуется» [107, с. 127]. Очевидно, что исследователь указывает на более функциональный язык индивида, его основное средство общения.

В ситуациях двуязычия многозначный термин «родной язык» часто заменяется понятиями «первый язык», «второй язык», «функционально первый язык», «функционально второй язык». *Первым языком* может быть, «во-первых, родной (материнский) язык билингва; во-вторых, *функционально первый язык* билингва, который может и не совпадать с его родным (этническим) языком» [190, с. 163]. Соответственно, *вторым языком* билингва называется «тот язык, которым индивид овладел после родного» [там же, с. 41] и который может стать функционально первым при определённых жизненных обстоятельствах. *Функционально вторым языком* билингва является язык, «используемый им с меньшей степенью интенсивности» [там же, с. 237].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин определяют родной язык как «язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте» [31, с. 22]. «Язык народа, к которому принадлежит индивид, авторы называют этническим, а функционально первый язык – основным (доминирующим). Как видно из приведённых выше подходов, большинство исследователей справедливо относят к числу обязательных критериев определения родного языка уровень владения им, а также фактор этнического происхождения. Причём языковая компетенция на родном языке может колебаться от свободной до практически нулевой» [там же, с. 22].

Кроме того, некоторые исследователи считают, что родных языков у индивида может быть более одного [96]. Например, это могут быть как языки, полученные от родителей, освоенные в раннем детстве, так и языки с максимальным уровнем языковой компетенции. Или это может быть язык,

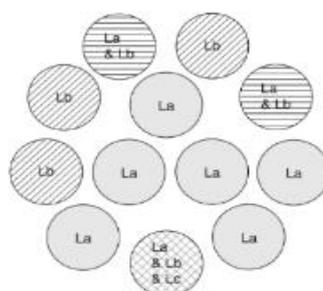
связанный с этнической самоидентификацией индивида. В таких ситуациях авторы труда предлагают использовать термин «домашний язык», связывая его с языком семейно-бытового общения или этническим языком. «Человек может также отождествлять себя с тем языком, на котором говорит его народ и сообщество, даже в тех случаях, когда он сам им не владеет» [96, с. 9].

Общепринятые понятия *L1* (*first language* или *первый язык*) и *L2* (*second language* или *второй язык*), в свою очередь, также неоднозначны. Под *первым языком* (*first language*) может пониматься: а) хронологически первый усвоенный индивидом язык; б) «более сильный», функционально первый или доминантный язык; в) «материнский» язык; д) язык, который используется им чаще. Кроме того, встречается дефиниция *primary language* (первый или *первичный язык*), которая обозначает «язык билингва / полилингва, в котором тот более компетентен или который им более предпочтителен, и это не обязательно первый усвоенный им язык» [232, с. 211]. Таким же сложным и многогранным является и понятие *второго языка* (*second language*), под которым может подразумеваться: а) хронологически второй усвоенный индивидом язык; б) более «слабый», функционально второй язык; в) не «материнский» язык; г) менее интенсивно, реже используемый язык [там же, с. 213].

Однако различают понятия *второй язык* (*second language*) и *иностраный язык* (*foreign language*): «владение английским языком как вторым и владение им как иностранным языком – не одно и то же; здесь различаются не только разные уровни языковой компетенции, но и функциональная нагрузка на разные языки в речевой практике индивида» [190, с. 32]. Как видно, расплывчатость и неоднозначность трактовок вышеперечисленных понятий может привести к ещё большей терминологической неясности.

Французский исследователь двуязычия Ф. Грожан при определении феномена билингвизма выделяет следующие ключевые критерии: 1) изменчивость или динамичность самого явления в зависимости от возраста

индивида - «с годами языки билингва будут то усиливаться, то ослабевать» [254, с. 10]; 2) уровень его языковых компетенций во владении языками; 3) функционирование языков в разных сферах или так называемых *доменах* (domains of life): язык общения с родителями, братьями и сёстрами, родственниками, друзьями, в рабочем коллективе, в разных общественных местах, язык, используемый при ознакомлении с материалами СМИ и т.д. [там же]. Лингвист считает, что двуязычие представляет собой временное явление, которое может переходить как к монолингвизму в связи с утратой одного из языков, так и к многоязычию по мере овладения новым языком / новыми языками и, соответственно, не разграничивает понятия *двуязычие* и *многоязычие*. Учёным предлагается несколько иная схема обозначения языков билингва в зависимости от хронологической последовательности усвоения языков – *La, Lb, Lc* (т.е. *язык А, язык В, язык В*) и т.д. Графически учёный изображает каждую сферу использования языка индивидом в виде соответствующих кругов (см. рис. 1) [254, с. 11]:

The domains covered by a bilingual's three languages (La, Lb, and Lc).

Рисунок 1 – Сферы использования языков *La, Lb, Lc* билингвом

В рассматриваемом примере один из языков, *La* охватывает шесть сфер, *Lb* – три сферы, две сферы обслуживаются двумя языками – *La* и *Lb*, и одна сфера – тремя: *La, Lb* и *Lc*. В целом, в условиях терминологической неясности данная схема может быть применена при определении билингвальных и/или монолингвальных общественных сфер в том или ином регионе.

В нашей работе мы используем вышеперечисленные термины в следующих значениях: *родной язык* как «этнический язык» или «язык этноса»; *функционально первый язык* как язык, используемый с большей интенсивностью в определённых сферах общения, *функционально второй* – соответственно, используемый реже, менее интенсивно.

1.4. Национально-языковая политика

1.4.1. Основы теории государственной языковой политики

Тема взаимосвязи языка и политики является предметом дискуссий не только в социолингвистике, но также в политологии, этнологии, философии, юриспруденции, истории и пр. Собственно и социолингвистика рассматривает проблемы языковой политики и языкового планирования с учётом теоретических и эмпирических данных смежных наук.

Будучи социальным феноменом, с одной стороны, язык подвержен воздействию происходящих в обществе политических процессов, с другой стороны – он сам может выступать средством влияния на политику, являясь её инструментом.

Ещё в начале XX века И.А. Бодуэн де Куртене, рассуждая о социальной природе языка и необходимости опоры в лингвистических исследованиях на психологию и социологию, допускал «возможность и целесообразность организованной социальной политики в области языка» [38, с. 220].

Особенно важной задачей государства в условиях культурного и языкового многообразия РФ видится проведение адекватной и взвешенной национально-

языковой политики, под которой понимается «регулирование национальных отношений, сознательное воздействие общества на язык» [190, с. 265], и которая на самом деле включает довольно широкий перечень проблем. Языковая политика (*далее* – ЯП), являясь важнейшей составляющей национально-языковой политики и будучи интегрированной в общую политику, представляет собой деятельность государства, иной формы власти или общественности, которая нацелена на изменение или сохранение языковой ситуации (регулирование функционирования языка / языков в обществе). Так, результатом ЯП могут быть перераспределение функций языков, установление определённых языковых норм, т.е. вмешательство не только в функциональное развитие языка, но и в его структуру [190, с. 265].

Основные принципы ЯП России заложены в положениях Конституции РФ: «государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык; республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации; государство гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [127]; в языковых законах «О государственном языке Российской Федерации» [205], «О языках народов Российской Федерации» [93]; в указе президента РФ «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» (*далее* – Основы ГЯП РФ) [203]. В целом третья декада XXI в. ознаменована принятием ряда основополагающих для ЯП России нормативных актов.

Указ президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» был принят 11 июля 2025 года [203]. Документ состоит из 40 пунктов и в нем даны основания для выработки государственной языковой политики, уточнены ее цели и задачи, детализированы принципы, направления, инструменты и механизмы реализации, а также ожидаемые результаты реализации ГЯП РФ. За год до этого, 14 июня

2024 года, правительством РФ утверждена Концепция государственной ЯП РФ (далее – Концепция), разработанная Министерством просвещения по поручению президента РФ, в которой определены основные цели государственной ЯП РФ: «обеспечение прав и свобод человека и гражданина в языковой сфере; создание условий для функционирования русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения; сохранение языкового многообразия и развитие языков народов РФ» [180]. В Концепции *государственная языковая политика РФ* (далее – ГЯП РФ) определяется как «система стратегических приоритетов и совокупность мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, кадрового и иного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, в целях обеспечения конституционных принципов, прав и свобод граждан Российской Федерации в языковой сфере, формирования единого коммуникативного пространства, сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения и родных языков народов Российской Федерации» [180].

Кроме того, в контексте общепризнанных принципов и норм международного языкового права, Россия активно включилась в процесс разработки, а затем и реализации мероприятий Глобального плана Международного десятилетия языков коренных народов, провозглашённого ООН на период 2022-2032 гг. [65].

Фундамент теории и методологии ЯП заложили в своих работах отечественные языковеды – В.А. Аврорин [1], В.М. Алпатов [4; 5; 6], К.В. Бахнян [23], В.Г. Гак [64], Ю.Д. Дешериев [71; 72], М.В. Дьячков [88; 89; 90], М.И. Исаев [106; 107], Н.Б. Мечковская [143], В.Ю. Михальченко [144; 145], В.П. Нерознак [224], Л.Б. Никольский [158], А.Д. Швейцер [219; 220] и др. В перечисленных

трудах учёных советской и постсоветской эпох ЯП и языковое планирование рассматриваются в синхроническом и диахроническом аспектах. Из основополагающих зарубежных исследований выделяются труды Дж. Кроуфорда [240], Д. Кристала [241], Ч. Фергюсона [245]; Дж. Фишмана [247; 248], Э. Хаугена [257], Х. Клосса [262], Р. Уильямсона [283], Т. МакКарти [272].

На сегодня проблемы ЯП особенно актуальны и находят выражение в таких её аспектах как *языковой менеджмент, языковые права, языковое равенство, языковая справедливость* и пр. и особенно динамично развиваются в зарубежной социалингвистике (Б. Спольски [277]; С. Джао и Р. Балдоф [286]; Т. Уайли и О. Гарсиа [282]; Дж. Коста [238]; М. Гацола [250; 251]; Д. Джонсон [261]; Э. Риера-Гил [275]; П. Ван Парийс [280]).

В нашей стране проблемами федеральной и региональной языковой политики постсоветской эпохи занимаются В. М. Алпатов [4; 5; 6], В. Ю. Михальченко [144; 145], А. А. Кибрик [120; 121], М. А. Марусенко [141], О. А. Казакевич [221], А. Н. Биткеева [34; 35; 36], Т. Г. Боргоякова [40; 42; 43; 44; 46], Г. А. Дырхеева [86; 87], Н. И. Иванова [101; 103; 104], Э. В. Хилханова [211], К. Ю. Замятин [96; 97; 98; 99], Н. М. Мухарямов [152 - 155], О. Б. Януш [229] и др. Следует отметить активную роль и вклад Института языкознания РАН в продвижение и усиление понимания ценности языкового многообразия России в последние годы. К наиболее значимым проектам в этой области можно отнести разработку проекта федеральной программы по сохранению и развитию языков России создание и деятельность дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике под руководством А. А. Кибрика.

1.4.2. Субъекты языковой политики Российской Федерации

Основными объектами российской государственной языковой политики являются государственный язык РФ, государственные языки республик РФ, каждый из языков народов России как часть языкового достояния мира и каждый из языков народов России как родной язык.

В Концепции ГЯП России определяются понятия *языковое многообразие*, *государственный язык РФ*, *государственные языки республик РФ*. Необходимо отметить, что в ней термин *носитель языка* приобретает отличное от словарного значение. В документе под *носителем языка* понимается «человек, владеющий тем или иным языком, т.е. обладающий способностью говорить на данном языке и (или) понимать смысл сказанного на нем»; а в трактовке ССТ – это индивид, владеющий данным языком, как родным, т.е. владеет им на довольно высоком уровне. Кроме того, даётся содержание формулировки *языки официального общения населения в местностях его компактного проживания* как «языки коренных малочисленных народов Российской Федерации и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, используемые в местностях их компактного проживания в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации наряду с государственным языком Российской Федерации и государственными языками республик Российской Федерации» [180].

Так же, как любая политическая система основана на единой нормативно-ценностной базе и на взаимодействии её субъектов, так и ЯП государства основывается на определённом механизме, подразумевающем деятельность и взаимодействие её субъектов. В рамках данной работы мы не углубляемся в теорию языковой политики и понимаем термины «субъекты», «акторы» как

близкие по значению. Однако в политологическом дискурсе эти понятия «относятся к различающимся проекциям языковых и политических начал в их взаимодействии» [152]. Э.В. Хилханова подробно рассматривает смысловое содержание каждого из перечисленных понятий в контексте явления языкового активизма в [211].

В работах Т. Вайли и О. Гарсиа [282] субъекты или акторы занимают определённые уровни: уровень власти (представители государственной власти, особенно осуществляющие судебную власть в сфере ЯП); эксперты высокого уровня в области ЯП; авторитетные лица (учёные, писатели, активисты-общественники, обладающие влиянием и др.); заинтересованные лица (обычные люди, которые могут участвовать в принятии решений об использовании языка, включая семьи и сообщества [Цит. по: 211].

По мнению Э.В. Хилхановой, «в странах с сильной централизацией власти решающим моментом в деятельности и позициях акторов на поле ЯП является степень их институционализированности, что прямо влияет на наличие или отсутствие у них свободы воли и свободы действий (agency)...» [211, с. 765]. Исследователь выделяет три основных уровня акторов: 1) «акторов государственно-законодательного уровня, обладающих «свободой воли и свободой действий», или так называемой agency; 2) «институциональных акторов или имплементаторов ЯП в официальных структурах разных уровней – федерального, регионального и муниципального, не обладающих свободой действий»; 3) «внеинституциональных акторов - языковых активистов, членов этнических сообществ, учителей, университетских преподавателей, учёных и т. д., обладающих некоторой свободой воли (agency)» [там же]. Предложенная Э.В. Хилхановой классификация акторов ЯП является наиболее приемлемой и применимой в реалиях России.

Известный социоллингвист Б. Спольски предлагает анализировать ЯП как совокупность таких трёх независимых, но взаимосвязанных компонентов, как

языковая практика (использование языка), *языковые убеждения* (идеология) и *управление языковой политикой* (языковой менеджмент) [277]. По мнению учёного, во-первых, в сфере языковой политики следует разграничивать такие понятия как «сторонники» (активисты вне власти) и «управленцы», а во-вторых, отмечается важность самоуправления и вклад в улучшение коммуникации на личностном уровне [там же]. Эти идеи созвучны с мнением исследователей явления языкового активизма.

Принятие нормативных актов в языковой сфере на уровне государства (языковое законодательство) входит в область планирования, направленного на решение и / или предупреждение языковых проблем.

1.4.3. Языковое планирование

Термин «языковое планирование» подразумевает широкий спектр действий: от управления процессами функционирования языков, а также соотношением сфер их функционирования, до проблем кодификации и др. общественно-языковых вопросов [190, с. 270]. Обычно понятие «языковое планирование» неотделимо от ЯП – в литературе часто встречается словосочетание «языковая политика и планирование» (*далее ЯПП*).

Понятие «языковое планирование» было определено американским лингвистом Э. Хаугеном как «любое воздействие на язык, осуществляемое со стороны официальных организаций или частных лиц, имеющее официальный или неофициальный характер» [цит. по: 188, с. 127]. Хауген определил условия, при которых возможно языковое планирование: наличие официального языкового стиля в письменной форме и «речевых коллективов, в которых возникают коммуникативные неудачи» [там же]. Так, нация или субнациональная группа,

выступающая как речевой коллектив, выступает объектом языкового планирования.

Советские социолингвисты, часто отождествляя понятия «языковое строительство» и «языковая политика», определяли это понятие как «целенаправленное сознательное вмешательство общества в стихийный процесс языкового развития, именуемое языковым строительством (или языковой политикой), которое является одним из важнейших экстралингвистических факторов развития языка» [106, с. 83], т.е. понятие «языковое строительство», включая ЯП, означает способность общества осуществлять активное вмешательство в развитие языков вплоть до воздействия на саму их структуру, результатом которого являются нормированные литературные языки.

Примерно такой же смысл вкладывает в понятие языкового строительства Л. Б. Никольский. Создание литературных языков для бесписьменных народов, разработка алфавитов, изменение существовавших алфавитов, создание терминологии требуют научного изучения не только языковых фактов и вскрытия специфики языков, но тщательного учёта социологических факторов, а языковое планирование имплицитно прогнозирует дальнейшее развитие языков [157].

Об управляемости или сознательности, с одной стороны, и стихийности процессов развития языка, речевой практики, с другой стороны, писал В. А. Аврорин, обращая внимание на то, что субъективное проявление воли говорящих в конечном итоге приводило к тем или иным изменениям в языке. Хотя сознательное изменение языка и стихийность процесса как элементы субъективного и объективного начал учёным не противопоставляются, однако им подчёркивается независимость функциональной стороны языка от его структуры, и, напротив, зависимость последней от первой: «Функциональная сторона языка направляет хотя бы часть процессов, протекающих в структуре языка. Структура в какой-то степени зависима от функциональной стороны...» [1, с. 157-176].

Б. Спольски считает, что в сфере языкового планирования важен факт признания государством возможности присутствия субъектов ЯП разного уровня: от уровня семьи до уровня международных организаций. Однако, по мнению исследователя, даже при ведении эффективной ЯП и при максимально грамотном языковом планировании общество / страны не застрахованы от воздействия неязыковых факторов, которые могут препятствовать дальнейшему внедрению мер и планов этой ЯП (войны, геноцид, завоевание, колонизация, привнесенные болезни, рабство, коррупция и стихийные бедствия) [277].

В академическом дискурсе языковое планирование рассматривается как система, состоящая из трёх взаимосвязанных компонентов (уровней): статусного планирования, корпусного планирования и планирования овладения языком [122].

В то же время языковое строительство определяется как «совокупность государственных мер, направленных на позитивное изменение функционального статуса языков в обществе: создание письменности, введение языков в систему образования, массовую коммуникацию и т. п. Параллельно с этим обычно идёт работа по совершенствованию структуры языка – пополнение лексики, создание терминологии, нормализация и кодификация» [190, с. 272].

Опыт языкового строительства в СССР по своим масштабам и охвату следует признать колоссальным. Его результатом стало создание литературной формы для более, чем 50 языков, решение проблем письменности (более 110 языков были бесписьменными), а также улучшение и создание новых письменностей, что дало возможность в кратчайшие исторические сроки подготовить национальные кадры во всех областях экономики и культуры. Однако существует проблема недостаточного освещения в социолингвистических трудах результатов более глубокого изучения основных этапов языкового строительства в СССР и недостаточно обобщённого опыта решения языковой проблемы в многонациональном государстве [145].

В рамках параграфа 1.4. рассмотрены определения понятий *национально-*

языковая политика, языковая политика, субъекты или акторы ЯП, языковое планирование, языковое строительство; рассмотрены уровни, типология субъектов и механизмы взаимодействия акторов ЯП. Анализ содержания вышеперечисленных терминов в трудах разных исследователей показал, что некоторыми учёными смысл таких понятий как *языковая политика – языковое планирование* отождествляется, так же как в некотором смысле сближаются понятия *языковое планирование – языковое строительство*. Однако развитие направления исследований языковой политики не только в области социолингвистики, но и в других теоретических и прикладных отраслях, обусловило необходимость разграничения ключевых понятий, а также внедрения новых терминов. Так, в Концепции ГЯП РФ содержится всеобъемлющее определение термина *государственная языковая политика* [180], которое подразумевает совокупность различных мер, систему стратегических приоритетов, т.е. долгосрочное планирование, с учётом конституционных принципов в языковой сфере, что подчёркивает роль языкового планирования в качестве компонента (инструмента) ЯП. Основы ГЯП РФ утверждены и детализированы в указе президента РФ № 474 от 11 июля 2025 г. [203]. В документе актуализируется проблема этноязыковой политики государства - сокращение численности носителей языков народов РФ и сфер их использования отнесены к рискам и угрозам языковой политики, обусловленным незаверщённостью нормативно-правового регулирования языковых отношений. К принципам реализации государственной языковой политики относится необходимость опоры на научные знания и исследования в языковой сфере.

1.5. Методы социолингвистического исследования

1.5.1. Традиционные социолингвистические методы исследования

При проведении исследовательских процедур *сбор данных* производился посредством следующих методов: *анкетирование, интервьюирование, контент-анализ, анализ документальных источников.*

Анкетирование проводилось в форме онлайн-опроса в 2020-2021 гг. Общая совокупность респондентов тувинской и русской национальностей составила 150 человек. Данное анкетирование представляло собой пилотажное исследование, т.е. пробно-поисковую форму для определения содержания и основных направлений инструментария опросника, а также выявления наиболее / наименее информативных разделов с целью последующего их включения / исключения.

В работе также использованы *результаты социолингвистического опроса*, проведённого Институтом гуманитарных исследований и Саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова ⁵ (далее – ИГИСАТ), в рамках которого в 2020-2021 гг. были опрошены 660 жителей городов и районов РТ в возрасте от 17 до 61 лет и старше.

Эмпирическую базу исследования дополнили итоги Всероссийской переписи населения 2020 года в сравнении с данными предыдущих всероссийских и всесоюзных переписей населения (2010, 2002, 1989 гг.), а также данные статистических ежегодников. Обычно в исследованиях языковой ситуации репрезентативность выборки обеспечивается разделением генеральной совокупности по определенным критериям: способу расселения (город / село), по

⁵ В рамках научного проекта «Динамика и перспективы взаимодействия языков в республиках Южной Сибири», по итогам которого в совокупности было опрошено более 4 тыс. чел., жителей трех республик Южной Сибири – Тувы, Хакасии, Алтай.

национальному / этническому признаку, половозрастным и собственно языковым характеристикам. Данные такого рода подвергаются *многомерному статистическому анализу*, а в комбинации с полученными при помощи опросов и интервью полевыми материалами – *корреляционному анализу*. Корреляции могут быть как полными, так и неполными в их функциональной взаимозависимости. Выявленные зависимости интерпретируются по уровням или разрезам и презентуются в виде табличных данных, графиков зависимостей, *дисперсного анализа, факторного анализа* и т. д. [134].

Перечисленные *методы обработки социолингвистических данных* также можно разделить на количественные и качественные, синхронные и диахронные.

В исследованиях последних лет получили распространение такие качественные методы анализа данных как *дискурс-анализ, нарративный анализ языковых биографий*. Кроме того, растёт число исследований, представляющих *анализ лингвистического ландшафта* населённого пункта (местности) в социолингвистическом контексте. В настоящей работе нами применены как отдельные элементы, так и комбинации элементов анализа контента и дискурс-анализа. Рассмотрим эти относительно новые для социолингвистики методы подробнее.

1.5.2. Анализ дискурса, контент-анализ

Понятие «дискурс» имеет множество трактовок и определений в философии, лингвистике, социологии, психологии, истории и др. областях знания. Даже в рамках одной языковедческой науки, но в разных ее отраслях, например, в психо-, социо-, прагмалингвистике, лингвокультурологии, лингвистике речи и др.,

как верно заметил В. И. Карасик, термин «дискурс» трактуется весьма неоднозначно [116]. В рамках настоящего исследования не ставится задача рассмотрения и истолкования различных определений понятия «дискурс». Ограничимся лишь двумя определениями (ЛЭС и ССТ), которые интерпретируются практически однозначно: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [134]; «текст, рассматриваемый в совокупности с экстралингвистическим контекстом, а также речь как компонент, участвующий во взаимодействии людей» [190, с. 61]

Однако содержание понятия «дискурс-анализ» также неоднозначно и варьируется в зависимости от концепций дискурса и исследовательских традиций. В.Е. Чернявская выделяет по меньшей мере три школы дискурсивного анализа: 1) англоамериканская (дискурс понимается как диалог, интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего); 2) немецко-австрийская (анализ связной речи); 3) французская (дискурс является частью дискурсивной практики, обусловленной социально-историческими факторами) [218, с. 103-104].

Работы представителей французской школы дискурсивного анализа (М. Фуко, П. Серио, М. Пеше и др.) считаются наиболее теоретически наполненными, хотя в первую очередь в них закладывался смысл скорее исторических, философских, а не лингвистических концепций. В теории дискурса выдающегося мыслителя XX в. М. Фуко собственно лингвистический анализ вторичен или незначителен, а дискурс предстаёт как множество высказываний одной формации. Высказывание же представляет собой часть человеческого знания и соответствующей дискурсивной практики, включающей в себя как речевые, так и неречевые действия. Работы М. Пеше и П. Серио [185] посвящены рассмотрению идеологии как базы для анализа дискурса. Представители немецкой школы

дискурсивного анализа У. Маас [271], Ю. Хабермас [209] и др., перенимая идеи французских коллег, развивают концепцию дискурса в литературоведческом ключе.

Среди многочисленных направлений дискурсно ориентированных исследований особую роль отводят критическому анализу дискурса (Critical Discourse Analysis), основы которого заложены в трудах Н. Фэрклоу [244], Т. ван Дейка [50]. Язык рассматривается в качестве инструмента власти, дискурс предстаёт в совокупности и когерентности текстов.

Особый интерес представляет *дискурс-социолингвистический подход* – исторический дискурс-метод, опирающийся на социолингвистическую теорию планирования текста, разработанную Р. Водак [284]. Метод заключается в анализе интервью, дискуссий для выявления намерения говорящих и релевантных экстралингвистических переменных (социологических и психологических детерминант) [197, с. 212].

Таким образом, дискурсивный анализ представляет собой: 1) выявление экстралингвистического фона на формирование тех или иных языковых закономерностей; 2) рассмотрение разных типов текстов, объединённых одной сферой общения или тематикой; анализ специальных дискурсов/типов дискурса, например, медицинского, политического, рекламного и т.п.; 3) анализ речевых ситуаций и выявление релевантных экстралингвистических детерминант.

Мы считаем, что в социолингвистическом исследовании вышеперечисленные подходы могут взаимодополняться и найти применение в виде комбинированной методики. Более того, отмечается потенциал анализа и синтеза на трансдискурсивном и/или интердискурсивном уровнях [2; 37].

В нашей работе анализу подверглись нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней: конституции, законы о языках, концепции, стратегии и программы Российской Федерации и Республики Тыва, составляющие институциональный дискурс языковой политики региона.

Параллельно проводился анализ академического дискурса, основную часть которого составили труды учёных-тувиноведов. Отслеживание точек пересечения двух дискурсных линий в части констатации, декларирования и/или планирования билингвальных практик позволило синтезировать модель развития билингвизма в Туве (см. об этом в п.п. 2.3 и 2.4) .

Значительное внимание в работе уделяется исследованию функционирования государственных языков РТ в цифровой среде, что в условиях актуализации развития интернет-контента и заменой/утратой традиционных форм видится неизбежным. Соответственно, под интернет-дискурсом мы понимаем текст, являющийся результатом коммуникации или общения посредством сети Интернет. В научной литературе встречаются разные варианты этого термина: онлайн-дискурс, сетевой дискурс, виртуальный дискурс, электронный дискурс. Так как в работе основное внимание уделяется сфере социальных сетей, часто употребляется термин «дискурс социальных сетей».

Исследования дискурса социальных сетей показали эффективность данного метода в комбинации с контент-анализом. Различия между первым и вторым методами заключаются в качественной ориентации анализа дискурса и в количественном характере последнего. Так, комбинированная методика была применена в отношении текстового материала, собранного в период 2022 - 2024 гг. в сети Интернет и представленного публикациями, комментариями в официальных и неофициальных сообществах социальной сети «ВКонтакте», мессенджере Viber и др. источниках.

О важности рассмотрения национальных и региональных языковых политик в дискурсивном аспекте говорят исследователи-политологи [154; 155]. Например, в работе [44] рассмотрена современная языковая политика Республики Хакасия через анализ трёх разных уровней дискурсивной деятельности – официального, медийного и академического; отдельно проведён сравнительный анализ

медийного дискурса по проблемам функционирования этнических государственных языков республик Хакасия, Тыва и Алтай.

Таким образом, данный подход выявил основные аргументативные линии в общественной оценке результативности языковой политики в регионах. Ведь СМИ и общественность всегда являлись важнейшими агентами языковой политики. К тому же с переходом от традиционных форматов масс-медиа к сетевым в интернет-пространстве сформировалась социальная среда, представленная различными группами населения и, при соответствующих условиях, цифровое пространство может вполне объективно отражать языковую ситуацию, её динамику, мнения власти, общественности, жителей страны и региона.

1.5.3. Изучение лингвистического ландшафта

О комплексном и многоаспектном характере исследований лингвистического ландшафта, о методах и перспективах лингволандшафтных исследований пишут в обзорных статьях зарубежные [235; 249] и отечественные учёные [62; 66].

В социолингвистическом аспекте языковой ландшафт (далее ЯЛ) обычно рассматривается как один из показателей функционирования языков на определённой территории. Определение понятия *linguistic landscape* (лингвистический ландшафт) как «визуальной представленности всевозможных государственных и торговых знаков на определённой территории» [267, с. 23] связывают с именами Р. Лэндри и Р. Бурхиса. Тема рассмотрения статуса языка (языков), его (их) функционирования в городской среде, направления ЯЛ в регионах России посредством изучения текстов информационных вывесок,

дорожных указателей, рекламы получает развитие в трудах отечественных учёных: В. В. Барановой [22], Г.Ф. Габдрахмановой [62], А.П. Долговой [73], В.В. Иванова [100], Н.И. Ивановой [102], А.В. Кирилиной [123], М.В. Китайгородской [124], Г. Купцовой [131], Н.П. Пешковой [167], Л.З. Подберезкиной [168], Р.Т. Садуовым [182] и др. Функционирование русского языка в лингвистических ландшафтах за рубежом рассматривается А. Павленко [166].

В работах зарубежных учёных подход к пониманию ЯЛ как материального общественного пространства с вывесками считается несколько ограничивающим [235; 285]. В основе изучения ЯЛ лежит понятие *общественного пространства*, но «с углублением и расширением исследований в этой области термин *общественное пространство* также расширяется и распространяется на частное, внутреннее и виртуальное пространства» [цит. по: 249, с. 18]. Термин *виртуальное пространство* как компьютерно-опосредованное общение в отношении ЯЛ был применён в труде [259, с. 18]: «виртуальный лингвистический ландшафт (virtual linguistic landscape) описывает языковое киберпространство точно так же, как лингвистический ландшафт описывает язык в городском пейзаже» [там же, с. 19]. Авторы обращают внимание на сходства физического мира и виртуальной среды не только в способности отражать многоязычие, но и в возможности многоязычного взаимодействия и обмена информацией даже в рамках одного коммуникативного дискурса в последнем; обозначают важную роль веб-сайтов и социальных сетей в создании пространства для взаимодействия людей, а также рассматривают такие аспекты как ЯЛ в онлайн-играх, лингвистическая киберэкология, языки-доминанты в сети Интернет; анализируют виртуальный языковой ландшафт (далее – ВЯЛ) двух правительственных веб-сайтов с целью проиллюстрировать их информационные и символические функции. Таким образом, актуальными являются вопросы «расширения границы лингвистических ландшафтов и переноса их в онлайн-пространство» [285, с. 215] и «рассмотрения социальных сетей в качестве общественного пространства, где

происходит взаимодействие пользователей» [234, с. 8; 256, с. 175] (здесь и далее перевод автора - Д.Ч.). В [260, с. 2] подчёркивается дискурсивный характер исследований ЯЛ: «дискурс формирует лингвистический ландшафт, а также сам формируется лингвистическим ландшафтом» [цит. по 249; 276, с. 311].

Тема изучения онлайн-карт в лингволандшафтных исследованиях рассматривалась в работах некоторых зарубежных учёных [239; 264; 270]. Цифровая карта представляет собой не только «наглядное пособие и методологический инструмент, но и также является средством передачи знаний о существовании языков и их носителях» [239, с. 228].

В нашей работе была сделана попытка применить современные интернет-технологии в изучении лингвистического ландшафта: были использованы данные онлайн-карт за 2024 г. и другие графические цифровые материалы сети Интернет за период 2022 – 2024 гг.

1.5.4. Нарративный анализ языковых биографий

С развитием антропоцентрического направления современной лингвистики традиционный метод социолингвистического интервьюирования находит выражение в языковых биографиях / автобиографиях отдельных индивидуумов [274; 231; 83]. В этом отношении особый интерес представляют словари языка писателей, которые Ю.Н. Караулов считал важным эмпирическим материалом для установления особенностей языковой личности [117]. При этом представляется возможным «проследить изменения, связанные с различными экстралингвистическими факторами, к которым, например, можно отнести владение двумя языками или формами одного языка и использование их в соответствии с ситуациями общения...» [3, с. 106]. Такой анализ не даст полного представления о языковой ситуации того или иного региона в тот или иной

исторический период, однако может дать определённые сведения, которые, возможно, заполнят образовавшиеся лакуны. Ценность эмпирического материала, полученного данным методом, в нашем случае заключается в возможности установить развитие билингвизма в Республике Тыва, отследить и описать характер его изменений. В этом случае особую ценность будут представлять сведения представителей старших поколений тувинцев, являющихся свидетелями массового распространения тувинско-русского двуязычия или, возможно, ставших первыми русско-тувинскими билингвами в результате изменения функционального соотношения идиомов.

Участниками разработанных нами полуструктурированных интервью (для составления языковых биографий) стали 30 человек: в возрасте от 7 до 72 лет, проживающих в настоящее время в г. Кызыле. Большинство информантов родились в районах и мигрировали в город в разные этапы жизни – кто-то в раннем детстве, а кто-то уже во взрослом возрасте. Информанты отвечали на вопросы об использовании языков в разные периоды жизни и в различных сферах общения, давали субъективную оценку языковой ситуации в их детстве, молодости, в период обучения, в рабочем коллективе, оценивали свои языковые компетенции в РЯ и ТЯ, языковую политику и т.п.

1.5.5. Методы проспективной социалингвистики

Понятие социалингвистического прогнозирования носит несколько абстрактный характер в связи с неразработанностью его терминологического аппарата и неопределённостью инструментария. Тем не менее, идеи планирования и прогнозирования были выражены в трудах советских социалингвистов, хотя в несколько абстрактной форме и в иных дефинициях.

Сейчас сложно ответить на вопрос, сбылись бы позитивные прогнозы В.А. Аврорина [1] в отношении языков некоторых малых народов, если бы не распад СССР в 90-х годах прошлого века, или процесс упадка языка уже невозможно было остановить. Понятно, что учёный не рассматривал подобный негативный сценарий и основывался на данных, которые были доступны ему на тот момент в социальной и идеологической парадигме советского общества. Прогнозирование, основанное лишь на линейной модели, неинформативно в вопросах языка и языковой политики в силу сложности общественно-политических процессов.

Обычно попытки языкового прогнозирования строятся на основе рассмотрения тенденций в языковой политике и языковом планировании. По мнению В. Ю. Михальченко, принципы научного прогнозирования, применявшиеся в процессе языкового строительства в СССР, должны лежать в основе языкового планирования [144]. Эти принципы базировались на анализе развития языка, его внутренней структуры, общественных функций, диалектной дифференциации и учёте других социолингвистических факторов. Итогом стало создание более пятидесяти письменностей и совершенствование структуры существующих письменных языков, что считается самым масштабным опытом языкового строительства и языкового планирования в истории человечества [там же].

Традиционные методы прогнозирования включают подробное обследование разных языковых общностей, изучение способов организации их языковой жизни, речевой практики, а также оценку приверженности родному языку и готовности приложить усилия для поддержки своего языка в разных этнолингвистических условиях.

Учёными рассматривается возможность применения подхода *факторной модели сценария языковой политики*, подразумевающего рассмотрение комплекса параметров эффективности языковой политики: во-первых, учёта таких общенаучных параметров как системность, комплексность; адекватность; во-

вторых, других параметров, связанных с языковой ситуацией (историчность, многоязычие и демократичность) [35].

На особенность развития регионального билингвизма, по мнению Т. Г. Боргояковой, влияют такие условия как длительность контактирования этнического языка с русским, этнодемографические и коммуникативные характеристики [43, с. 83]. Позднее условия были дополнены и представлены в виде *метода параметрического анализа* (применительно к языковой ситуации): кроме демографической и коммуникативной мощности, предлагается рассмотреть комплекс таких параметров как тип расселения, степень компактности проживания этнической группы, языковая компетенция, символическая мощность языка и конфессиональные характеристики этнической группы [35].

Рассматривая языковое планирование как совокупность трёх компонентов, а именно статусного и корпусного планирования, а также планирования освоения языков в некоторых регионах России, С.В. Кириленко считает, что условием успешного языкового планирования является сознательное воздействие на язык, опирающееся на результаты тщательного анализа результатов и перспектив развития языковой ситуации и рассмотрение её динамики в виде различных *прогностических моделей* [122, с. 108].

Научное прогнозирование содержит несомненный потенциал, как один из инструментов языкового планирования, и требует дальнейшей разработки в теоретическом и практическом плане с привлечением конкретных региональных и локальных материалов и разработок.

Выводы по первой главе

В отечественном языкознании учёные пришли к пониманию социальной обусловленности языка ещё в 20-30-х гг. XX века, что позволило заложить основы для социалингвистических исследований. Зарождение отечественной социалингвистической науки связывают с именами В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, М. В. Сергиевского, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского и др. видных учёных. Позднее в 60-70-е гг. XX века советские лингвисты В. А. Аврорин, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, А. Д. Швейцер, Ф. П. Филин, М. И. Исаев, Л. П. Крысин и др., развивая идеи предшественников, заложили основу советской социалингвистической школы.

Понимая важность достижений мировой науки, они, несмотря на имевшиеся в то время противоречия в научных и общественных парадигмах и не без доли критики, тем не менее, отмечают значительный вклад зарубежных лингвистов в формирование и развитие теории социально-лингвистического учения: А. Мейе и Ж. Вандриеса, В. Матезиуса, Б. Гавранека, И. Вахека, Г. Фрингса, Г. Бельмана, Р. Гроссе, П. Поленца, В. Флейшера, Э. Хаугена, У. Лабова, Ч. Фергюсона, У. Брайта, Д. Хаймса, Дж. Гамперца, Дж. Фишмана и др. Основные различия заключались в том, что фокус внимания западных социалингвистов был направлен на проблемы социальной стратификации языка, позитивистские и бихевиористские идеи, в то время как внимание советских лингвистов было сосредоточено на проблемах соотношения языков народностей и наций, воздействия социальных факторов на язык через развитие его общественных функций, т.е. на функциональной стороне языка и более комплексных подходах к исследованию языка в социальном контексте.

Тенденции конца XX - начала XXI вв. обусловлены произошедшими формационными изменениями в социально-политической жизни государства.

Происходит постепенная смена научной парадигмы, усиление экологических аспектов языковой политики, её уровней и акторов, в разрезе особенностей развития билингвизма.

В тувиноведении начало работ по собственно социолингвистическому исследованию тувинского языка было заложено М. Б. Мартан-оол. Заметный вклад в изучение языковой ситуации РТ внесли Т. Г. Боргоякова и Ч.С. Цыбенова. Работы этих авторов способствовали привлечению внимания к проблемам языковых контактов и развитию социолингвистических исследований в регионе. Однако в связи с динамичностью языковой ситуации РТ сохраняется потребность в её дальнейшем комплексном исследовании.

Основу любого социолингвистического исследования включает изучение терминологической базы. Такие базовые социолингвистические категории, как «билингвизм», «языковая ситуация», «языковой сдвиг», «выбор языка», «языковая лояльность», «родной язык», «функционально первый / второй язык», «языковая политика», «языковое планирование» и другие рассмотрены как в общетеоретическом смысле, так и применительно к локальной языковой ситуации и понятийного аппарата настоящего исследования.

Языковая политика, будучи предметом изучения самых разных теоретических и прикладных дисциплин, представляет собой сложноструктурированную иерархическую систему. Проблемы общегосударственной языковой политики РФ заведомо имеют особую важность, что обусловлено сложностью её государственного устройства, историческими, культурными, общественно-политическими и экономическими предпосылками сосуществования и взаимодействия её многочисленных народов, их языков. В условиях геополитических трансформаций и обострения международных отношений, вопросы национальной безопасности, сохранения единой общности и стабильного развития государства приобретают первостепенную значимость. В последнее десятилетие наблюдается оживление в языковой жизни страны,

принимается ряд основополагающих для языковой политики РФ нормативных актов.

Важным представляется подписание президентом РФ в 2025 году указа «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», в котором прописаны основания для выработки государственной языковой политики, уточнены её цели и задачи, детализированы принципы, направления, инструменты и механизмы реализации, а также ожидаемые результаты государственной языковой политики РФ. В соответствии с принятой в 2024 году Концепцией государственной языковой политики РФ, «государственная языковая политика» охватывает области долгосрочного языкового планирования, совокупность мер законотворчества и законодательства в языковой сфере на основе конституционных принципов, прав и свобод граждан. Обзор традиционных и сравнительно новых методов социолингвистического исследования позволил сделать обоснованный выбор комбинированных методик с элементами анализа дискурса, цифрового контента, языковых биографий, лингвистического ландшафта.

Таким образом, итоги изучения в рамках настоящей главы теоретико-методологических основ билингвистических исследований актуализируют проблемы в области этноязыковой политики РФ и необходимость систематического мониторинга региональной языковой ситуации.

2. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Наиболее релевантными экстралингвистическими факторами для описания региональной языковой ситуации являются социально-демографические параметры населения наряду с историческими, культурными, территориально-географическими, политическими, экономическими и другими характеристиками региона. «Демографическая статистика остается незаменимым источником информации для социолингвиста, изучающего современное состояние и динамику языковых ситуаций» [31, с. 168].

2.1. Социально-демографическая характеристика Республики Тыва

В отличие от других республик РФ, официально Тува стала частью СССР лишь 80 лет назад в 1944 г. на правах автономной советской социалистической республики в составе РСФСР. Данный временной фактор, несомненно, продолжает оказывать влияние на динамику языковой ситуации в регионе, отличая её от других республик РФ.

Согласно данным переписи населения 1989 г., тувинцы составляли 64,3% населения республики, доля признающих тувинский родным языком составляла 99% [40]. В начале 1990-х гг. Тува приобрела статус республики в составе РФ, и в соответствии с республиканским языковым законодательством два языка – тувинский и русский – получили юридический статус государственных.

На сегодня Республика Тыва как субъект РФ входит в состав Сибирского федерального округа (далее – СФО). Площадь территории Республики Тыва (по

данным Росреестра на 1 января 2023 года) составляет 168,6 тыс. кв. км. По административно-территориальному делению она состоит из 17 муниципальных районов, 2 городских округов, 4 городских и 120 сельских поселений. Административным центром республики является город Кызыл.

По данным ВПН-2020, численность населения республики составила 336,651 человек. По данным Росстата, к началу 2024 года население республики составляет 337,5 тыс. человек [191]. Регион характеризуется высокой степенью этнической однородности населения: наиболее многочисленные этнические группы – тувинцы и русские. Доля тувинцев составляет 83% (279 789 чел.), русских – 9,5% (31 927 чел.) [59]. Численность постоянного населения городского округа г. Кызыла на 1 января 2024 г. – 130,0 тыс. человек [191].

Городское и сельское население республики распределилось следующим образом: 54,6% населения РТ (183 931 чел.) проживают в городе, 45,3% (152 720 чел.) – в сельской местности. При этом доля тувинского городского населения составляет 41,1% (138 683 чел.), а сельского – 41,9% (141 106 чел.). Доля русского городского населения составляет 7% (23 615 чел.) и, соответственно, русского сельского населения – 2,4% (8 312 чел.) [там же].

Таблица 2 – Соотношение численности тувинцев и русских в РТ по типу расселения (в чел. / %)⁶

Все население	Всего, чел.	Всего, %	Город, %	Село, %
Тувинцы	279 789	85,2	41,1	41,9
Русские	31 927	9,48	7	2,4
Все этнич. группы	336 651	100	54,6	45,3

Как видно из приведённой выше таблицы, соотношение тувинцев и русских, проживающих в городе и селе, имеет существенное различие при наименьшей доле сельских жителей русской национальности.

⁶ ВПН-2020

Сравнение демографических показателей предыдущих всесоюзных (1979, 1989 гг.) и всероссийских (2010 и 2002 гг.) переписей населения с данными последней (2020 г.) позволяет наглядно отследить изменения, произошедшие в структуре населения РТ. Данные ВПН-2020 свидетельствуют о значительных изменениях в национальном составе населения: по сравнению с 2010 годом увеличилось число тувинцев на 30 тыс. (с 249 300 чел. до 279 789 чел.) и снизилось число русских на 17 тыс. чел. (с 49 400 чел. до 31 927 – см. табл. 3).

Таблица 3 – Динамика этнической структуры населения Тувы

(по численности, чел., и доле, %)⁷

Население	1979		1989		2002		2010		2020	
	чел.	%								
всего чел.	267 599	100	308 557	100	305 510	100	307 930	100	336 651	100
тувинцы	161 888	60,5	198 360	64,3	235 313	77	249 299	82	279 789	85,2
русские	96 793	36,2	98 831	32,0	61 442	20,1	49 434	16,3	31 927	9,5

Табличные данные свидетельствуют о том, что при общем приросте населения республики сохраняется динамика сокращения численности русскоязычного населения, особенно в сельской местности. Снижение этого показателя на 37 тыс. чел. в период 1989 – 2002 гг. тувинские ученые объясняют достаточно устоявшейся напряженностью в отношениях между основными этническими группами, вылившейся в 1990 году в межэтнический конфликт. С этого времени Тува «продолжает оставаться одним из наиболее своеобразных и противоречивых регионов» России [9, с. 16], с радикальной моделью билингвизма [6] (см. подробнее об этом в п. 2.4).

С целью урегулирования этнополитической ситуации в Туве, а также систематизации причин негативных процессов, имевших место в тувинском обществе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в 1998 году республиканскими

⁷ Всесоюзные переписи населения 1979 и 1989 гг., всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2020 гг.

властями была принята Концепция государственной национальной политики Республики Тыва [9, с. 16]. В упомянутом документе было сказано, что эти конфликты имеют идеологическую и социально-экономическую основы: «деформации в области экономики, идеологии, неудовлетворённость условиями труда и быта в советский период создали условия для этнического противостояния и роста межнациональных противоречий» [там же, с. 16].

По данным этносоциологического опроса, проведённого З. В. Анайбан, к моменту проведения ВПН-2010, межэтническая ситуация стабилизировалась [там же]. Однако регион все так же характеризуется как «депрессивный», т.е. его современное развитие сопровождается проблемными или кризисными процессами, ведущими к снижению уровня и качества жизни населения [25, с. 13]. В свою очередь, усиление темпов отставания региона по уровню жизни от общероссийских показателей сказывается «на росте социальной напряжённости и миграционных настроениях её жителей» [26, с. 87]. Так, учёные приводят некоторые числовые данные темпов отставания по уровню обеспеченности и социального благополучия жителей РТ от средних показателей по России: среднедушевой доход ниже на 46,8% общероссийского / на 30,6% ниже по Сибири; доходы ниже установленного прожиточного минимума у 30% жителей Тувы при общероссийском показателе 12,6%; низкая обеспеченность жильём (65,8% от общероссийского уровня); один из наиболее высоких уровней по безработице в общероссийских масштабах и самый высокий по Сибири [там же].

Миграционные процессы в Республике Тыва имеют неоднозначный характер. С одной стороны, наблюдается внешняя (за пределы региона) миграция, причём доля мигрировавшего нетувинского населения республики значительно превышает долю коренного: 89,5% (57,3% русских и 32,2% представителей других этносов) против 10,5% тувинцев. Для коренного же населения характерна интенсивная внутрирегиональная подвижность за счёт переселения сельского

населения в города, что также приводит к снижению уровня жизни мигрировавшего населения, «консервации бедности, усилению стремления к этнической замкнутости и напряжённости на рынке труда» [там же, с. 91]. С другой стороны, данный тип миграции, т.н. «рурализация», является одним из факторов, способствующих сохранности этнического идиома [217]. В целом, в общем объёме миграции в РТ сохраняется превышение числа выбывших над прибывшими на протяжении долгого времени [11].

Данные последних двух всероссийских переписей населения свидетельствуют о тенденции увеличения среднего возраста населения Тувы: в 2010 средний возраст жителя республики достигал 27,2 года, а в 2020 году – 30,4 года. Отмечая позитивные сдвиги, исследователи, тем не менее, обращают внимание на то, что средний возраст жителя Тувы заметно ниже среднего возраста жителя Хакасии (39 лет) и Красноярского края (40,1 лет) [11, с. 62]. При сохранении одних из наиболее высоких показателей по уровню рождаемости (коэффициент рождаемости 3,027 в 2010 г., 2,971 – в 2020 г.), уровень смертности населения в республике остаётся все ещё высоким. «Понятно, что все эти проблемы напрямую связаны как с имеющимися условиями жизни, так и уровнем жизни людей, живущих в этом регионе» [11, с. 65].

Таким образом, при улучшении некоторых социально-демографических показателей, РТ сохраняет темпы отставания по уровню социально-экономического благополучия жителей по СФО. Учёные считают, что ситуация межэтнической напряжённости, имевшая место в 1990-х гг., на сегодня нормализовалась, хотя состав населения становится все более однородным – доля русского населения продолжает снижаться.

2.2. Тувинско-монгольский билингвизм

Территориальная близость, хозяйственно-бытовые и этнокультурные связи предопределили непрерывный контакт тувинского и монгольского языков в приграничных зонах. На территории современной Тувы монгольский язык и письменность получили довольно широкое распространение в период властвования Империи Цин в Китае. Использовались они представителями буддийского духовенства, местной управленческой элиты, зажиточными слоями тувинского общества. Однако в основном население было безграмотным, лишь в приграничных с Монголией районах простые араты использовали разговорно-бытовой монгольский в повседневной жизни [108, с. 259-265].

К началу XX в. весьма немногочисленная и только зажиточная часть населения Тувы достигла определённого уровня образованности на основе старомонгольской письменности. В это время «уровень культурных и информационных запросов в среде привилегированной части населения Тувы возрос настолько, что появилась потребность в регулярном чтении печатной периодики... в ставку амбын-нойона – верховного правителя Тувы (до 1921 г.) регулярно доставлялись монгольские газеты, созданные с помощью правительства России в начале XX в.: «Монголын сонон бичиг» (Монгольская газета), «Нийслэл хурээний сонин бичиг» (Ургинская столичная газета), «Монголын усэг» (Монгольская азбука) и др.» [114, с. 29].

Образование Тувинской Народной Республики в 1921 г. актуализировало проблему формирования общенародной информационной среды для продвижения в массы нового политико-идеологического курса. И хотя с первых лет существования Тувинской Народной Республики в числе приоритетных задач партии стояло повышение уровня грамотности и культуры населения, за неимением собственной письменности в качестве языка делопроизводства продолжали использовать монгольский язык и письменность. «Старописьменный

монгольский язык использовался до 1930 года в качестве официального в Туве, а в период 1925–1931 гг. он изучался массово в школах ввиду отсутствия национальной тувинской письменности» [150, с. 222]. Также с 1925 г. в Туве начинается выпуск прессы на монгольском языке: газеты «Эрх чолоот Танну-Тува» (Свободная Тува), «Танну-Тувагийн унэн» (Правда Танну-Тувы), журналы «Хувисгалт арат» (Революционный арат), «Залуучуудын зорилго» (Задачи молодёжи). В силу незнания монгольской письменности аратскими массами, содержание периодической печати передавалось посредством громких чтотк и публичных разъяснений партийных материалов специально обученными людьми – агитаторами [108, с. 140-141].

С усилением влияния Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) происходит её идейное противостояние с буддийским духовенством. К тому же с проникновением советских идеологических установок в ТНР меняется и отношение народа, в сознании которого монгольский язык является «языком феодалов», что, по-видимому, стало причиной его отторжения / неприятия массами. С другой стороны, вполне возможно, что столь кратковременного периода введения монгольского языка в массы просто оказалось недостаточно для закрепления его позиций.

Таким образом, весьма незначительную долю населения можно было отнести к тувинско-монгольским билингвам. В основном это были либо служители буддийской сангхи, либо представители местной правящей элиты из числа бывших нойонов и феодальных чиновников. Однако и среди служителей буддийского культа владение монгольским языком демонстрировали не все. К примеру, из 33 делегатов Всетувинского съезда лам, прошедшего в Кызыле в 1928 г., разговорным монгольским владели только 16 лам, письменным монгольским – только 7 чел. При этом читать по-тибетски могли все 33 делегата, и только один из них говорил по-тибетски [108, с. 256-257].

Вопрос разработки тувинской письменности остаётся крайне важным, и в 1926 г. на IV съезде ТНРП принимается решение о её создании, но в силу ряда объективных и субъективных причин в намеченные сроки решить эту задачу не удалось. И только после рассмотрения многочисленных вариантов и проектов в 1930 г. декретом правительства ТНР была введена тувинская национальная письменность на основе латинизированного новотюркского алфавита [там же, с. 270], после чего использование монгольской письменности сходит на нет.

На данный момент на территории Республики Тыва тувинско-монгольскими билингвами является лишь небольшая часть населения и выходцев из приграничных с Монголией районов Тувы (Эрзинского, Тес-Хемского, Овюрского, Монгун-Тайгинского, Тере-Хольского и Тоджинского районов). Количество владеющих монгольским языком жителей Тувы составляет 1550 чел. (0,49 % из числа всех указавших владение языками по РТ), из которых 639 чел. (0,2 %) используют его в повседневной жизни [59]. Национальную принадлежность «монголы» указали только 34 чел. из всего числа охваченных ВПН-2020 жителей РТ, столько же признали монгольский язык родным [там же]. Большинство указавших владение монгольским языком жителей Тувы проживают в сельской местности – 1174 чел. (0,37 % из числа всех указавших владение языками жителей РТ) против 376 (0,1 %) проживающих в городе [там же].

К билингвам монгольско-тувинского типа относятся проживающие в Монголии группы этнических тувинцев, расселённые дисперсно по нескольким аймакам (районам) страны – Баян-Улэгэйского, Кобдоского, Хубсугульского, Селенгинского и Центрального аймаков. М.В. Монгуш пишет, что их численность не определена, варьируется в пределах 8 – 20 тысяч чел. [150, с. 211], и наиболее компактно эти группы проживают в сумонах Цэнгэл, Цагаан-Нур и Буянт, первый из которых примыкает к территории Монгун-Тайгинского района Тувы, а второй - к её Тоджинскому району [149]. Монгольско-тувинское двуязычие, ввиду немногочисленности представителей групп его носителей, т.е. низкой

демографической мощности, имеет не массовый, а скорее *групповой* характер. Кроме того, подавляющее большинство тех же цэнгэльских тувинцев Монголии являются скорее полилингвами, владеющими наряду с тувинским и монгольским, ещё казахским языком [30]. Как видно, языковые ситуации в указанных регионах обладают специфическими чертами, обусловленными политическими, административно-территориальными, этносоциальными и др. факторами.

Последний вид двуязычия приводится лишь в качестве примера обратного соотношения компонентов. Эти два вида билингвизма нельзя отождествлять не только из-за их различий по территориально-географическому, региональному, этническому критериям, но и по демографическим и социальным признакам, по доминирующим речевым навыкам и сферам использования языков, по способам усвоения второго компонента и, возможно, некоторым иным характеристикам.

2.3. Развитие национально-русского билингвизма в Туве

При рассмотрении феномена двуязычия в социолингвистическом аспекте первостепенные роли отводятся территориальному (географическому) и этническому факторам. *Региональный* тип двуязычия основан на географической ситуации той или иной административной или территориальной единицы. В основе же *национального* типа двуязычия лежит этнический критерий [190, с. 147]. Языковая ситуация РТ во многом определяется историческим и демографическим факторами. Под тувинско-русским билингвизмом в широком смысле мы понимаем *национально-региональный билингвизм* в РТ или иначе *тувинский региональный билингвизм* (билингвизм, характерный для коренного населения Тувы).

Анализ работ исследователей позволяет выявить динамику и направленность развития билингвизма в Туве в более узком смысле по разным критериям: по административно-территориальным / географическим признакам, по степени экстенсивности, по этноязыковому признаку, по характеристике преобладающих сфер употребления, по количеству двуязычных носителей, по способу усвоения второго языка, по способу софункционирования языков, по принципу регулирования их использования и т.д. Одной из первостепенных задач нашего исследования видится определение типов билингвизма в Туве ввиду использования тувиноведами многочисленных и не всегда раскрывающих суть феномена двуязычия дефиниций. Для решения поставленной задачи мы провели анализ академического и институционального типов дискурса (с учетом интер- и трансдискурсивности) и изучили труды, в которых так или иначе определяется характер билингвизма в Туве в досоветский, советский и постсоветские периоды.

Н.А. Сердобов пишет, что в досоветскую эпоху, т.е. до 1944 г., связи тувинцев и русских были весьма ограничены, а процесс языкового взаимодействия практически не осуществлялся [Цит. по: 40, с. 114]. Это подтверждает тувинский исследователь А.К. Кужугет, которая выделяет три крупные волны русских переселенцев в Туве: 1) приезд купцов в 1860-70-х гг.; 2) приезд старообрядцев и крестьян после установления в 1914 г. протектората России над Урянхайским краем, как тогда называли русские Туву; 3) массовый заезд русских рабочих, учителей, врачей, инженеров и др. начинается с 1944 года, с вхождением ТНР в состав СССР [130, с. 261]. Именно с последней волной ученый связывает начало установления близких контактов тувинцев с русскими: «Достаточно долго русские и тувинцы, живя в одной местности, практически не общались друг с другом...» [там же, с. 261], «... близко тувинцы и русские начали общаться только после вхождения республики в Советский Союз» [там же].

В советское время Б.И. Татаринцевым была предложена периодизация видов билингвизма, преобладавших в Туве в разное время. Основываясь на

материале русско-тувинских лексических заимствований, исследователь выделяет три периода тувинско-русского двуязычия в Туве: 1) «период *индивидуального билингвизма*, бытовавший с конца XIX до начала 30-х гг. XX в.» [194, с. 14]; 2) «период *группового (культурного) билингвизма*, преобладавший с начала 1930-х до середины 1940-х гг.» [там же]; 3) «период *массового билингвизма* [там же], который начинается со второй половины 1940-х гг. и продолжается вплоть до конца 1980-х гг. Кроме того, учёный пишет о существовании *группового русско-тувинского двуязычия у русского населения Тувы в XIX в. в период индивидуального тувинско-русского билингвизма у тувинцев*. Последний «был вторичным по отношению к ранее существовавшему *групповому двуязычию*, в котором вторым языком был монгольский и, которое было весьма длительным и *массовым*» [там же, с. 17]. С 30-х гг. XX в. тувинско-русское двуязычие приходит на смену тувинско-монгольскому билингвизму и совпадает с началом формирования тувинского литературного языка [там же]. Конечно, в указанной работе двуязычие рассматривается, прежде всего, в контексте пополнения лексики тувинского языка посредством заимствований из русского, и характеризуется им как «*культурный билингвизм*» [там же, с. 45]. С увеличением числа функционирующих в речи тувинцев слов, заимствованных из русского языка, билингвизм приобретает *массовый* характер, а русский становится *вторым языком тувинцев*, считает учёный, тем не менее, особо подчёркивая важность в этих процессах именно факторов внеязыкового характера: «значение факторов экстралингвистического, социального характера явно недооценивается, что в особенности относится к билингвизму» [там же, с. 52]. *Массовый* характер билингвизм коренного населения Тувы начинает приобретать только в 1950-е гг., тогда как среди других нерусских народов различных автономий национально-русское двуязычие массово распространилось на два десятилетия раньше [Цит. по: 150]. Ч.С. Цыбенова считает, что период *функционального тувинско-русского* двуязычия начинается с 1944 г., когда ТНР вступает в состав СССР: происходит

расширение функций русского языка и наблюдается его доминирование в официальных сферах, и продолжается он вплоть до конца 80-х гг. XX в. [215, с. 34].

В своей работе, опубликованной в 1973 г., Ш. Ч. Сат охарактеризовал двуязычие в Туве как смешанное: «В связи с распространением русского языка среди тувинцев возник тувинско-русский билингвизм смешанного типа» [183, с. 25]. Как было указано выше (в параграфе 1.3), данная форма билингвизма трактуется двояко: во-первых, имеется в виду «идеальный случай владения родным и вторым языками, являющимися для говорящего равноправными коммуникативными системами» [190, с. 195], которые не смешиваются в процессах речевоспроизведения и речевосприятия; во-вторых, подразумевается менее идеализированный вариант двуязычия, когда два языка используются в качестве альтернативы один к другому и наоборот, «не всегда с одинаковой компетенцией, но в одном и том же социальном контексте» [там же, с. 196]. Учитывая тот факт, что понятие смешанного билингвизма применимо к его индивидуальному, но не к массовому типу, можно предположить, что тувинский языковед имел в виду менее идеализированный вариант национально-русского двуязычия у коренного населения. Тем не менее, он акцентирует внимание на контактном характере тувинско-русского двуязычия, отметив, что «часть русских и представители некоторых других национальностей, живущих в Туве, практически владеет тувинским языком» [183, с. 25]. Очевидно, что это была очень небольшая доля представителей нетитульного этноса. Из данных переписи населения 1979 г. следует, что 58,9% тувинцев свободно владеют русским языком и 0,8% русских, проживающих в Туве, свободно владеют вторым языком народов СССР (без указания конкретного языка).

2.4. Двуязычие в постсоветской Туве

Распад СССР в начале 1990-х гг. сопровождался процессами национального возрождения в республиках РФ. Учёные характеризуют этот период созданием языкового законодательства, нормативным закреплением статуса государственных языков в российских автономиях, расширением прав национальных языков России [4; 5; 68; 69; 84; 85; 198; 199; 140; 141 и др.].

Первый языковой закон в Туве был принят до появления федерального закона - в 1991 году. Его принятию в декабре 1990 г. предшествовало бурное обсуждение его проекта [170]. Тувинский язык был провозглашен государственным языком Тувинской АССР, русский – языком межнационального общения на равноправной основе с тувинским. И хотя «данная разница в определении статуса языков вызывала негативные комментарии о попытках умалить значение русского языка в РТ» [43, с. 31], данным законом декларировалась «государственная забота о всестороннем развитии национально-русского и русско-национального двуязычия и многоязычия» [Цит. по: 215, с.155]. В 1994 году в данный закон были внесены изменения и дополнения. «Тувинский язык был провозглашён государственным языком республики, а русский язык – официальным языком, языком межнационального общения» [43, с. 31].

В новом законе «О языках в Республике Тыва», принятом в 2003 г., оба языка – тувинский и русский – получили статус государственных языков республики. С этого времени отмечается период *официального* билингвизма в Туве. Формулировка «официально признанный билингвизм» присутствует в академическом дискурсе при описании языковой ситуации РТ [42, с. 294]. Статус тувинского языка как государственного языка РТ наряду с русским языком закреплён в Конституции республики, принятой в 2001 году. Также статья 5

Конституции РТ «обеспечивает гарантии соблюдения прав всех национальностей на сохранение родного языка, создания условий для его изучения и развития» [128].

В постсоветской Туве этнический язык софункционирует с русским [9; 40; 215]. Однако учёные обращают внимание на другую, нетипичную, сторону развития билингвизма с ослаблением функций русского языка, которая возникла в «обособленных регионах с малым процентом русских», включая Туву, где «после 1991 года почти не стало промышленности, а процент русских невелик» [6, с. 31] и отмечается «очень слабое владение русским языком у представителей младшего поколения и особенно детей» [там же, с. 31], «имеется один господствующий язык, а другие языки имеют права и поддерживаются государством на региональном уровне» [там же, с. 28].

Т.Г. Боргоякова пишет, что «особенность языковой ситуации РТ в данный период состоит в том, что наряду с наиболее крупной билингвистической социально-коммуникативной системой (далее СКС) с тувинским компонентом здесь имеют достаточно широкую социальную базу две *монолингвистические* СКС – русскоязычная и тувиноязычная» [40, с. 113]. «В 1990-е гг. около 40% тувинцев были одноязычными и владели только родным, либо только русским языком» [Цит. по: 40, с. 113]. «Русскоязычная СКС обслуживала в 1994 г. 33,5% населения Тувы, в том числе порядка 1,5% тувинцев, не владеющих тувинским языком и признающих родным русский. Тувиноязычная СКС обслуживала 36,6% тувинцев, не владеющих или слабо владеющих русским языком. *Билингвистическая* СКС с тувинским компонентом включала 63,4% населения Тувы, этнических тувинцев, признающих тувинский родным и хорошо владеющих им и русским языком, а также небольшую часть населения (0,57%), которую составляли русские, владеющие тувинским языком» [там же, с. 114].

Односторонний характер двуязычия в Туве в 2000-е гг. отмечает З.В. Анайбан, имея в виду невладение русским населением республики тувинским языком, затруднявшее межэтническое общение [9, с. 21]. Параллельно выявлено

снижение уровня владения русским языком тувинской молодёжью [там же, с. 20]. Однако уже ближе к 2010-ым гг. отмечается «тенденция изменения ситуации в сторону оживления и расширения области использования русского языка наравне с тувинским языком» [там же], что для исследователя, очевидно, является показателем развития двуязычия в сторону *сбалансированности*.

Специфика выбора языка общения городскими и сельскими жителями республики характеризуется М.В. Монгуш как *реальное* и *потенциальное* двуязычие: «Потенциальное двуязычие осуществляется в реальной речевой деятельности лишь частично, поскольку в городах в большей степени реализуется знание русского языка, а в сёлах – тувинского» [150, с. 126]. Под потенциальным двуязычием подразумевалось одно лишь знание второго языка без его применения, под реальным двуязычием – широкое употребление второго языка в различных сферах жизни [47, с. 25].

Преобладающие языки общения в РТ распределены не только в разрезе город / село, т.е. русский язык преобладает в городе, а тувинский – в селе, но и варьируются сферы реализации этих языков. Например, «даже в такой сфере как семья, где национальный язык обычно сохраняет прочные позиции, 1/3 тувинцев-горожан пользуются при общении русским языком и более половины – двумя языками» [150, с. 125]. В сельских тувинских семьях языком общения почти всегда выступает тувинский, однако двуязычие может проявиться «в общественно-политической сфере и трудовой деятельности» [там же]. Анализ социолингвистических данных, проведённый в тот период, также подтверждает доминирование русского языка в официальных сферах, а тувинского – в неофициальных [215, с. 117-118]. Таким образом, характер билингвизма к концу первого десятилетия XXI в. можно описать как *функциональный тувинско-русский билингвизм* в неофициальной сфере и *функциональный русско-тувинский билингвизм* в официальной сфере, что демонстрирует чёткую функциональную дистрибуцию между языками.

В период 2000 – 2010 гг. в институциональном дискурсе языковой политики РТ отмечается ориентированность на развитие двуязычия и указывается *изменение тувинско-русского* двуязычия в начале 2000-х гг. в сторону ослабления его русского компонента.

Учёт данной тенденции находит отражение в принятых программах: сначала в тексте республиканской программы «Русский язык в Республике Тыва на 2008 - 2010 годы», а затем и в формулировках государственной программы «Развитие русского языка на 2014 - 2018 годы». К задачам, обозначенным в программах, относится создание центров по развитию русского языка, комиссий, утверждение должности инспектора по русскому языку, а также проведение других мероприятий: «Основой языковой политики в Республике Тыва является стратегия сохранения и упрочения *сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия*»; «изменилась концепция развития тувинско-русского двуязычия, что привело к ослаблению значения русского языка, это, в свою очередь, отрицательно повлияло и на отношение к проблемам двуязычия» [171]. В основных положениях программы «Государственные языки в системе образования Республики Тыва» на 2011-2013 гг. ставится задача создания «комфортных условий для гармоничного развития русского и тувинского языков» [Цит. по: 9, с. 22], «развитие *гармоничного двуязычия* в многонациональной республике» [там же]. В 2017 принимается государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017 - 2020 годы», которая реализуется параллельно с госпрограммой по развитию русского языка. Действие последней также продлевается до 2020 года. Эти более поздние варианты государственных языковых программ также нацелены на достижение в республике «*сбалансированного*» двуязычия.

В то же время учёные-языковеды отмечают тенденцию *ослабления тувинского компонента* билингвизма в Туве, наметившуюся еще в 2000-х гг. [16, с. 62; 193].

К 2020-м гг. в работах учёных все чаще стала упоминаться тема дисбаланса соотношения компонентов билингвизма в РТ. Например, [14, с. 258] пишут: «В Туве действительно распространился асимметричный билингвизм или семилингвизм (полуязычие), что означает появление людей, усваивающих оба языка, но не в полной мере. Один язык они могут использовать на уровне разговорно-бытового и / или языка художественной литературы, другой – разговорно-бытовой и / или язык деловой и т. п.» [там же, с. 258].

Асимметричный билингвизм нередко проявляется *пассивными* формами двуязычия, когда индивид в состоянии понимать речь на языке, но не может синтезировать текст [190, с. 162]. Похожую тенденцию отмечают А.Н. Биткеева и Ч.С. Цыбенова [34]. По мнению исследователей, русский язык становится доминирующим языком в жизни детей дошкольного и младшего школьного возраста: «В силу особенностей своего возраста, когда языковые и социальные навыки ещё недостаточно развиты, дети, глядя и слушая телепередачи на русском языке, незаметно осваивают его, даже несмотря на общение родных в семье на тувинском»; «Эти дети не владеют родным (тувинским) языком активно, разговаривают исключительно на русском языке, который был освоен путём просмотра телевизионных передач, мультипликационных фильмов» [там же, с. 18]. В то же время в работе Т.Г. Боргояковой и А.Н. Биткеевой отмечается «ослабление функциональной мощности тувинского языка не только как государственного, но и как родного языка титульного этноса республики» [42, с. 50]. По данным авторов, только около 70% молодых тувинцев (18-30 лет), владея тувинским языком свободно, передают его своим детям. Таким образом, наблюдается *сокращение* числа *активных тувинско-русских* билингвов. В последних работах обозначена проблема языкового сдвига у молодого поколения и детей, связанная с полной или частичной утратой тувинского компонента.

В Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период 2024-2033 гг. [202] проблема языкового сдвига

выражена эксплицитно и, по мнению социолингвистов, эта ситуация не нова: «тревожные симптомы языкового сдвига в тувинском компоненте *официально признанного билингвизма* в Республике Тыва, особенно заметные среди городской молодёжи, стали получать экспликацию в научном дискурсе с начала 2000-х гг.» [42, с. 294].

В Стратегии ставится задача развить «*паритетный тувинско-русский и русско-тувинский билингвизм* в Республике Тыва» [202]. В ССТ термин «паритетный билингвизм» использован как синоним понятия «двусторонний билингвизм», т.е. подразумевается вид контактного билингвизма, при котором оба коллектива владеют двумя языками [190, с. 52]. Подобные формулировки о паритетном или равноправном функционировании русского языка и языков народов РФ использовались в принятой в начале 2000-х гг. федеральной целевой программе «Русский язык на 2002 - 2005 годы»: «Основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации, поощряется изучение национальных языков населением ее республик и создаются условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации» [171]. Однако с тех пор, как справедливо отмечено в [229, с. 142], «двуязычие как норма стратегического планирования стала упоминаться на федеральном уровне все реже и реже» [там же].

Результаты анализа нормативных актов и научных работ, характеризующих и / или декларирующих характер билингвизма в Туве, позволяют представить путь развития двуязычия в Туве с конца XIX века вплоть до наших дней в виде таблицы (см. Таблицу 4).

Таблица 4 – Развитие билингвизма в Туве

период	Годы	Историко-политический контекст	Характер билингвизма этнических групп	
			тувинцы	русские
досоветский	1870–1880	Первая волна русских переселенцев (староверы, купцы)	МОНОЛИНГВИЗМ	
	1914	Установление над Тувой протектората Российской империи; 2 волна переселенцев	МОНОЛИНГВИЗМ / инд. ТМБ ⁶	
	1921	Создание Тувинской народной республики	группов. ТМБ / инд. ТРБ ⁶	
	1930е	Создание тувинской письменности; формирование литературного ТЯ ⁸	группов. ТРБ; культурный билингвизм	
советский	1944	Вступление ТНР в состав СССР «Третья волна переселенцев» (специалисты различных профилей, интеллигенция)	контактный билингвизм	
	1944–сер. 1950х		массовый ТРБ	
	1980е		функциональн. ТРБ (село) РТБ (город)	
постсоветский	1990е	Создание республики; «Закон о языках Тув. АССР»: статус ТЯ – гос. язык РТ, статус РЯ - язык межнац. Общ. Общ. Общ. Общ.	усиление ТК ⁶ / ослабление РК ⁶	
	2000е - 2003	Закон «О языках в Республике Тыва»: ТЯ и РЯ ⁶ – оба гос. Языки	официальный Б.	
	2008–2014	Программы по развитию РЯ в РТ; введение должности инспектора по РЯ; 2014 год объявляется годом РЯ в РТ.	стремление к «гармоничному двуязычию», сбалансирован. ТРБ и РТБ	
			декларативно – ослабление РК	
			фактически – тенденция к ослаблению ТК	
	2016	утверждается День тувинского языка	функциональн. ТРБ и функциональн. РТБ	
	2017–2018	Программа по сохранению ТЯ в РТ	стремление к сбалансирован. ТРБ и РТБ	
	2020 – 2024	Программа по развитию государственных языков РТ (РЯ и ТЯ)	функциональн. ТРБ и функциональн. РТБ / асимметричный ТРБ	
	2023	Стратегия развития тувинского языка на период 2024 – 2033 гг.;	декларативно – несбалансирован. ТРБ и РТБ / языковой сдвиг	
2023	Принимается гос. прогр. РТ «Развитие гос. языков РТ»;	стремл. к паритетному ТРБ и РТБ		
2025	Внесение изм. в гос. прогр. РТ «Развитие гос. языков РТ»	фактически – функциональн. ТРБ и РТБ / языковой сдвиг / групп. детск. Монолингвизм		

⁸ ТЯ – тув. язык; РЯ – русс. язык; ТМБ – тув.-монгольск. билингвизм; ТРБ – тув.-русс. билингвизм; РТБ – русско-тув. билингвизм; ТК – тувинский компонент билингвизма; РК – русский компонент билингвизма

Как видно из таблицы 4, билингвизм в Туве приобретает контактный и массовый характер только с середины прошлого столетия, после вхождения ТНР в состав СССР на правах автономной области. В то же время двуязычие в Туве приобретает функционально-дистрибутивные свойства как по типу расселения (тувинско-русский билингвизм в селе / русско-тувинский билингвизм в городе), так и по сферам использования его компонентов (русско-тувинский билингвизм в официальных / тувинско-русский билингвизм в неофициальных сферах общения). Формируется новый тип билингвов – этнических тувинцев, в основном городских жителей, для которых русский является функционально первым языком, т.е. наблюдаются признаки языкового сдвига в условиях языкового контакта. В досоветский период тувинский и русский языковые коллективы практически не контактировали между собой. Очевидна корреляция между историческими событиями / политическими решениями и изменением структуры регионального двуязычия. В качестве примера можно привести ситуацию в 2000-х гг., когда республиканские власти продолжали декларировать проблему ослабления русского компонента тувинско-русского билингвизма без учёта всей сложности и противоречивости актуальной на тот момент языковой ситуации в республике – параллельно происходило ослабление тувинского компонента тувинско-русского двуязычия. Важной в этой ситуации оказалась вовлеченность представителей научного сообщества в обсуждение и актуализацию вопросов языковой политики региона [16; 34; 42; 193]. Действительно, учеными-языковедами эта проблема поднималась, но она не нашла выражения в принимавшихся в период с 2008 по 2014 гг. программах. Когда соответствующий документ был принят, то не все стоявшие в нем задачи были достижимы с учётом особенностей языковой ситуации на тот момент.

Языковая политика РТ в постсоветский период проходит несколько основных этапов: 1) в последнее десятилетие XX в. в условиях нового уровня полученной автономии в статусе республики языковая политика РТ имеет

радикальные черты укрепления тувинского компонента билингвизма; 2) в период с начала 2000-х гг. до середины 2010-х гг. она отличается непоследовательностью с фокусом на поддержку преимущественно РЯ без соответствующего обсуждения на уровне экспертного научного сообщества и других институтов гражданского общества; 3) с середины 2010-х по 2020-е гг. наблюдается предрасположенность к конструктивному подходу, выраженному в стремлении республиканских властей взаимодействовать с общественностью и академическим сообществом в вопросах языкового планирования.

Для более глубокого понимания динамики и особенностей языковой ситуации необходимо сопоставить полученные результаты с доступными и валидными эмпирическими данными. Кроме того, при изучении языковой ситуации важно рассмотрение регламентируемых сфер функционирования языка, наиболее значимыми из которых являются система образования и средства массовой коммуникации.

2.5. Государственные языки Республики Тыва в сфере образования

Одним из важнейших параметров функционирования языка является использование языка в сфере школьного обучения. О становлении литературной нормы языка в процессе обучения в роли консолидирующего языковую общность фактора писала В.Ю. Михальченко [144]. А.Н. Баскаков видит важным условием сохранности языка обучение в школе [27; 28]. Советские социолингвисты В.А. Аврорин [1], Ю.Д. Дешериев [71; 72], Л.Б. Никольский [157] признают важную роль национальных языков в системе народного образования СССР. По мнению М.А. Горячевой, именно в сфере образования «формируется языковая

компетенция населения, которая создаёт предпосылки для последующего функционирования языков в других коммуникативных сферах» [67, с. 13].

По данным Ш.Ч. Сата [183], в функциональном отношении литературный *тувинский язык превалировал* в жизни тувинцев в период ТНР «до середины 40-х годов XX века, как язык устного общения, личной переписки, как язык партийной, государственной и общественно-политической жизни, производственной деятельности, художественной литературы, печати, радио, театра и художественной самодеятельности, а также как *язык обучения в начальной и средней школе, воспитания в дошкольных детских учреждениях* и т. д. Доля общественных функций русского литературного языка в жизни тувинцев того времени была ограничена лишь такими сферами использования как общение с русскими и представителями других национальностей, местная печать на русском языке, контакты с организациями и учреждениями СССР» [Цит. по : 215, ч. 93]. С вступлением ТНР в состав СССР в 1944 году «наметилась тенденция расширения общественных функций русского языка, а также совместно выполняемых русским и тувинским языками функций» [там же]. В период с середины 40-х гг. до 70-х гг. XX в. в соответствии с государственной идеей «объединения всех народов СССР в новую историческую общность на основе русской культуры, русский язык стал играть доминирующую роль» [там же], что способствовало переходу некоторых сфер общения с тувинского на русский язык. Так, делопроизводство было переведено на русский язык, однако в партийной, государственной и общественно-политической жизни в сёлах продолжал использоваться тувинский язык. Значимым событием в истории тувинской письменности считается переход с латинизированного алфавита на кириллицу в начале 40-х гг. XX века.

К 70-ым годам минувшего столетия происходит некоторое перераспределение сфер функционирования литературного тувинского и русского языков. Существенные изменения произошли в сфере образования – до 7 класса в

средних школах республики обучение велось на ТЯ, а с 8 по 10 классы в тех же школах, в средних учебных заведениях и вузе велось на РЯ. ТЯ остаётся языком воспитания в детских дошкольных учреждениях только в районах с моноязычным тувинским населением [215].

Положение языка обучения первых семи лет общеобразовательной национальной школы ТЯ сохраняет и в 80-е гг. [29, с. 44]. Однако потребность в компетентных специалистах в различных отраслях народного хозяйства, развитие промышленности, сельского хозяйства, соответственно, увеличение численности русскоязычного населения, а также его расселение по районам Тувы приводят к усилению влияния РЯ. «Языком науки и техники, а также высшего образования остаётся русский язык. Все больше тувинцев стали читать художественные произведения, научные труды на русском языке и, соответственно, исчезает необходимость перевода учебной литературы на тувинский язык» [215, с. 93]. Функция ТЯ в качестве языка обучения сужается.

В деловой жизни города и районных центров, в сферах СМИ, культуры, судопроизводства функционировали как ТЯ, так и РЯ. Это оказало влияние на то, что языком устного общения и личной переписки тувинской интеллигенции и студенческой молодёжи, помимо ТЯ, становится РЯ, хотя последний для большинства носителей ТЯ в данный период «несёт сугубо функциональное коммуникативное значение и выполняет функцию инструментального языка» [87, с. 62].

В начале 90-х гг. в содержание образования многих республик РФ начали внедрять национально-региональный компонент. Комплекс учебно-методических материалов разрабатывался с опорой на богатый опыт работы национальной школы ещё в советское время. Тува сохранила большую часть наследия советской национальной школы на титульном языке. Национальная школа была характерным атрибутом системы образования Тувы ещё с момента её создания.

М.Б. Мартан-оол приводит данные по сферам функционирования тувинского языка в РТ в отмеченные подъемом национального самосознания и возрождением национальных культур 1990-е гг. В сфере образования в то время в Туве происходит расширение функции ТЯ: насчитывается 167 школ, 134 из которых тувинские (национальные), 7 – русские и 26 – смешанные. ТЯ используется как язык обучения и как предмет изучения [137, с. 137-138]. Например, в 1992-1993 учебном году ТЯ вводится в качестве предмета изучения в русской начальной и средней общеобразовательной школе, а к 1995 году, в соответствии с программами «Национальные (нерусские) учебные заведения РСФСР (1990-1995 гг.)», планировалось продлить обучение на национальном языке в национальной школе до 11-летнего [Цит. по: 29]. Однако в этой связи возникают две серьезные проблемы: «неравномерность охвата средним образованием на родных языках различных этнодемографических и социально-профессиональных групп национального населения и более низкое по сравнению с русской школой качество образования в национальной школе» [там же, с. 46]. Обусловлены эти проблемы тем, что большинство тувинских национальных школ (72%) находятся в сельской местности, хуже обеспечены учебными пособиями, техническими средствами обучения, их преподавательский состав менее квалифицирован в плане владения литературными нормами РЯ и ТЯ [там же]. По приблизительным данным исследователя, около 70% тувинских школьников обучались на ТЯ. Одновременное сокращение учебной нагрузки на изучение русского языка в начальной школе впоследствии деструктивно отразилось на состоянии ЯС РТ в целом, а именно в несбалансированности компонентов ТРБ и РТБ.

По сведениям М. Ю. Мартыновой, в постсоветские десятилетия в Туве доля общеобразовательных учреждений с обучением на тувинском языке составляла 80% от числа всех школ республики (для сравнения: в Татарстане 60%, в Башкортостане – 45%, в Якутии – более 40%) [140, с. 335].

Г.М. Селиверстова охарактеризовала проблему сокращения часов на преподавание РЯ в начале 1990-х гг. как «языковой экстремизм некоторых политиков, принижающих роль русского языка» [184]. Кроме того, в статье автора приводятся данные проведённого в 1993 г. анкетирования районных учителей начальных классов по поводу сокращения часов на изучение школьниками РЯ: 3,5% высказались против изучения РЯ в национальной школе, 7,5% - за сокращение до 1 часа в неделю, 48% - за сокращение в два-три раза, все высказались за введение ТЯ в качестве языка обучения в тувинской школе вплоть до 10 класса. По результатам опроса, проведённого через 5 лет, ни один из 286 тувинцев не был против изучения РЯ в тувинской школе, 15,3% лишь высказались за то, чтобы языком обучения в национальной школе оставался ТЯ, 47,5% - за билингвальную систему обучения, 36,3% - за русскоязычное обучение с 1 класса, отдавая ТЯ роль предмета изучения [там же].

Если такая резкая перемена языковых ориентаций жителей Тувы всего лишь по истечении 5 лет объясняется низким качеством преподавания РЯ в национальной школе и обеспокоенностью будущим детей, которым предстоит получение высшего образования, то можно предположить ещё более кардинальные перемены языковых ориентаций (вплоть до языкового нигилизма), связанные с началом централизации системы российского образования с 2000-х гг. – с введением единых государственных экзаменов (ЕГЭ). Все это объясняет отмеченные нами ранее (см. п. 2.4.) тенденции ослабления ТЯ с начала 2000-х гг. и ещё раз подчёркивает важность присутствия родного языка в системе образования.

Ситуация усугубилась в 2007 г. в связи с фактической отменой регионального компонента, с выведением из обязательного школьного обучения предметов регионоведческой направленности на языках народов России. Как отмечает М.А. Горячева, «был произведён пересмотр принципов базисного учебного плана, разделяющего содержание образования на федеральный,

региональный и школьный компоненты. Фактически большая часть регионального компонента оказалась вынесена за рамки обязательной программы, а источники её финансирования оказались за рамками федерального бюджета» [67, с. 182-183].

Н. Ч. Серээдар, интерпретируя результаты проведённого в 2016 г. социолингвистического обследования с участием 1600 чел., также отмечает ориентированность массового родителя тувинского школьника на русский язык: «...считается необходимым, чтобы дети в первую очередь овладели русским языком, потому что образование идёт только на русском языке (детские сады, школа, затем – вузы). Считается, что тувинский язык дети каким-то образом изучат самостоятельно, стихийно в общении с родными, с бабушками и дедушками» [193, с. 13]. По мнению исследователя, «социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения» [там же]. Главную роль в передаче языка, в процессе его обучения, передаче культурных ценностей, народных обычаев и традиций играют семья, детский сад и школа [там же, с. 14].

Следующий фактор ослабления функциональной мощности тувинского языка в сфере образования – ситуация резкого снижения численности детей, обучающихся на родном тувинском языке с 2018 года ввиду необязательности (отсутствия императива), т.е. признания на законодательном уровне РФ факультативного статуса республиканских государственных языков в системе школьного образования. Несмотря на правовой статус тувинского языка как государственного языка РТ, «с 2019/2020 учебного года школьное образование в Туве стало полностью русскоязычным и динамика по обучению на тувинском языке резко пошла на спад» [14, с. 261]. «Тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, так как фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения» [там же, с. 267].

В Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва обозначены актуальные проблемы в части языкового воспитания и образования [202]. Например, в дошкольных образовательных учреждениях весь воспитательно-образовательный процесс ведётся на русском языке (кроме 20-минутных занятий тувинским для желающих), хотя 95% дошкольников РТ являются детьми тувинской национальности. Отсутствие учебно-методического сопровождения и специалистов – педагогов начального школьного и дошкольного уровней образования, а также отсутствие программ подготовки специалистов для учебных заведений с тувинским языком обучения и воспитания также стали препятствием для функционирования тувинского языка в системе образования. Между тем, учёные особо подчёркивают фундаментальную роль структуры национальной школы для нерусских народов РФ: «национальная школа», в которой родные языки народов страны используются в качестве средства преподавания – это жизненный институт культурно-лингвистического воспроизводства этнических сообществ в их полноценной «самости» [229, с. 9].

А.Н. Биткеева и Ч.С. Цыбенова отмечают несоответствие высокого уровня языковой лояльности тувинцев к родному языку и их языкового поведения: «Противоречивость соотношения языковой лояльности и языкового поведения тувинцев выражается в том, что у них практически нет принципиального отказа от родного языка. Но образование идёт только на русском языке, русский язык функционально доминирует, поэтому ему отдаётся предпочтение» [34, с. 23].

Из доступных нам данных ВПН-2020 наиболее многочисленными группами населения РТ по национально-возрастному критерию являются тувинцы, русские и тувинцы-тоджинцы. Рассмотрим параметры владения тувинским и русским языками представителями молодых поколений тувинцев в возрасте до 30 лет, родившихся в период 1990 – 2020 гг. Как видно из таблицы 5, наиболее многочисленны группы от рождения и до 14 лет. Затем наблюдается снижение с постепенным увеличением в старшей группе.

Таблица 5 – Национально-возрастной состав наиболее многочисленных групп населения РТ, чел. (младше 30 лет)⁹

возраст	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
тувинцы	27 412	31 826	31 951	20 022	16 065	21 171
русские	1 644	2 048	2 312	1 674	1 291	1 534
тув.-тодж.	770	926	809	555	609	415
Всего	29 826	34 800	35 072	22 251	17 967	23 120

Далее перейдём к анализу владения тувинским и русским языками в данных возрастных группах.

Таблица 6 – Владение государственными языками РТ населением младше 30 лет, чел.¹⁰

возраст	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
владеют РЯ	17 138	31 728	33 942	21 718	17 408	22 872
владеют ТЯ	22 367	27 660	27 973	17 286	14 016	18 273
не указали	5 155	2 411	1 450	1 392	1 233	946
монолингвы без РЯ	9 417	2 634	952	382	297	444
монолингвы только с РЯ	4 027	6 363	6 255	4 172	3 102	4 446
билингвы с РЯ	13 026	24 785	25 810	16 293	13 529	17 487

Представляется, что расчёт приблизительной доли билингвов / тувинских монолингвов / русских монолингвов оптимально произвести в совокупности «тувинцы» + «тувинцы-тоджинцы». Численность группы «русские» в каждой возрастной категории вычитывается из числа русских монолингвов (ввиду немногочисленности группы в целом и присущему её представителям монологичию – двуязычными по данным переписей разных лет считают себя 0,5 – 0,6%), поэтому допускаемая погрешность менее 1%. В генеральную совокупность «тувинцы» не включена доля лиц, не указавших владение языками / указавших

⁹ ВПН 2020 г., том 5, табл.8

¹⁰ ВПН 2020 г., том 5, табл.12

владение 3 и более языками / монолингвы, владеющие другим языком и прочие категории, разница варьируется в пределах 3-12% в зависимости от возрастной подгруппы.

Таблица 7 – Приблизительная доля билингвов, русскоязычных и тувиноязычных монолингвов среди тувинцев младше 30 лет, %

возраст	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
Всего тув. ¹¹	28 182	32 752	32 760	20 577	16 674	21 586
билингвы	46%	75%	78%	79%	81%	81%
монолингвы с РЯ	≈ 8,4%	≈ 13,1%	≈ 12 %	≈ 12,1 %	≈ 10,8 %	≈ 13,5 %
монолингвы с ТЯ	≈ 33,4%	≈ 8%	≈ 2,9%	≈ 1,8%	≈ 1,7%	≈ 2%
разница	12,2%	3,9%	7,1%	7,1%	6,5%	3,5%

Как видно из табл. 7, билингвами являются примерно от 75 до 81% тувинцев в возрасте 5-30 лет, более 10% в каждой возрастной категории являются русскоязычными монолингвами, а тувиноязычными монолингвами являются около 1,7-2% лиц в возрасте 15-29 лет, 2,9% детей 10-14 лет, 8% детей 5-9 лет. Обращает на себя внимание то, что доля представителей подгруппы 20-24 лет значительно ниже сопредельных с ней подгрупп на 5-6 тыс. чел., что вероятно объясняется миграцией значительной части представителей данной подгруппы за пределы региона на время обучения в вузах.

Выше говорилось, что сфера образования является одной из доминантных, «наиболее важных в плане предоставления возможностей функционального развития языка коммуникативной сферой» [190, с. 64]. Если в традиционно билингвальной доминантной сфере происходит снижение социальной роли и функциональной мощности одного из идиомов, то это закономерно приводит к усилению второго, то есть таким образом «освободившаяся» нагрузка переходит в зону ответственности второго компонента билингвизма. Поэтому заметной становится тенденция увеличения числа русскоязычных монолингвов среди

¹¹ Включая тувинцев-тоджинцев

тувинских детей дошкольного и младшего школьного возраста, «осваивающих в первую очередь русский язык, зачастую несмотря на общение в семье на тувинском языке и даже преимущественно в моноязычных районах Тувы» [42]. Под «преимущественно моноязычными» имеются в виду те районы Тувы, в которых традиционно проживает моноэтническое тувинское население, в повседневной речи которого преобладает тувинский язык. Подобная «неравновесная билингвальная ситуация в перспективе может привести к потерям в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры» [14, с. 267].

Негативные тенденции, ведущие к нарушению межпоколенческой передачи тувинского языка в тувинских семьях, уже отмеченные в работах учёных, подтверждаются и результатами проведённых нами в период с 2022 по 2024 гг. опросов. Например, одна из информантов поделилась историей семьи родственников:

- Я стала свидетелем того, как моя внучатая племянница, ребенок родителей, общающихся только на тувинском, впервые заговорила на русском, то есть речь у нее проявилась на русском... (инф. 7Ж-59).

Другой информант – бабушка трёх внучек 15, 10 и 8 лет – с сожалением отмечает, что у младшей из её внучек плохо развиты разговорные компетенции тувинского языка:

- Та, что постарше (10 лет) ещё понимает тувинский, и если люди вокруг говорят по-тувински, то и она тоже говорит, а младшая отвечает мне почти всегда по-русски (инф. 3Ж-66).

Анализ материалов интервью позволяет выделить причины такого явления, их зависимость от смены места проживания и языковых установок членов семей, например:

- Жили они тогда в деревне, где почти все тувинцы. Родители и все родственники говорим по-тувински. Сейчас она учится во втором классе в Кызыле, тувинский язык в школе не изучает, тувинскую речь

понимает, но отвечает на вопросы по-русски, а иногда не понимает меня и просит перевести (инф. 7Ж-59);

- *Не понимаю, почему даже бабушки и дедушки пытаются говорить с внуками на русском, всячески поощряют это, как будто гордятся этим. Ну а что брать с молодых родителей тогда, они почти все говорят с детьми только на русском (инф. 12Ж-38);*
- *Иногда и сам начинаю говорить с ним (с внуком – прим. авт.) на русском, хотя плохо знаю язык. Ребёнок не понимает совсем тувинский, что тут поделаешь, приходится (инф. 2М-64).*

Особенно данное явление характерно для городских жителей. Как справедливо отмечается в [34, с. 23], «повышение прагматической ценности образования среди молодёжи, распространение цифровых технологий, а также изменение системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом» являются одними из наиболее динамичных факторов, способствующих нарушению межпоколенческой передачи тувинского языка.

Следует отметить важность интервью как вида качественных методов. Хотя результаты нарративного анализа вышеупомянутых интервью дают несколько противоречивые данные, так как допускают субъективное восприятие языковой ситуации, была выявлена некоторая зависимость оценки преобладания одного из языков от уровня владения тувинским языком информантом, т. е. те, кто оценивают уровень своего тувинского языка как хороший, замечают преобладание русскоязычного компонента («особенно в речи детей и молодёжи»). С другой стороны, информанты, которые не обладают достаточными компетенциями тувинского языка, считают, что в общественных местах доминирует тувинский язык.

Таким образом, тувинский компонент вытесняется даже из такой значимой в условиях РТ сферы общения как сфера образования. Более того, процессы

изменения в образовательной политике РТ коррелируют с процессами прерывания межпоколенческой передачи тувинского языка в тувинских семьях.

2.6. Языковые компетенции тувинско-русских и русско-тувинских билингвов

В переписных листах последних трех ВПН¹² содержатся вопросы о владении языками (*Владеете ли вы русским языком? Какими иными языками вы владеете?*). В бланки ВПН-2010 и ВПН-2020 дополнительно внесены вопросы о признании родного языка, а в ВПН-2020 – уточняющие вопросы об использовании в повседневной жизни языков, которыми опрашиваемый владеет (таблица 8).

Таблица 8 - Содержание переписных листов ВПН 2002, 2010, 2020 гг. по национальной и языковой принадлежности

ВПН-2002	ВПН-2010	ВПН-2020
7. Ваша национальная принадлежность	7. Ваша национальная принадлежность	14. Ваша национальная принадлежность
9. Владение языками:	9. Владение языками:	
9.1. Владеете ли Вы русским языком? 1) да 2) нет	9.1. Владеете ли Вы русским языком? 1) да 2) нет	10. Владеете ли Вы русским языком? 1) да 2) нет
		10.1. Используете ли Вы его в повседневной жизни? * 1) да 2) нет
9.2. Какими иными языками Вы владеете? - до 3 вариантов	9.2. Какими иными языками Вы владеете? - до 3 вариантов	11. Какими иными языками Вы владеете? - до 3 вариантов
		11.1. Какие из них Вы используете в повседневной жизни? * - до 4 вариантов
-	9.3. Ваш родной язык	12. Ваш родной язык

¹² Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2020 гг.

Как видно из таблицы 8, в переписной лист ВПН-2020, помимо вопросов о родном языке и владении языками, включены вопросы об использовании языков в повседневной жизни.

Хотя результаты переписей населения не всегда объективны, именно они составляют важную эмпирическую базу социолингвистических исследований. Широкий охват всего населения страны обеспечивает валидность данных, позволяющих увидеть динамику языковых процессов конкретных регионов на фоне макросоциолингвистической картины. Следует отметить, что часть статистических этнолингвистических параметров населения, таких как национальная принадлежность и владение языками, доступны в первичной форме. В то же время получение сведений по численности, например, билингов в том или ином регионе, требуют дополнительных подсчётов с опорой на первичные данные. Так, например, в условиях довольно однородного состава населения РТ и высокой демографической мощности тувинского языка, можно определить доли тувинско-русских и русско-тувинских билингов, а также тувиноязычных и русскоязычных монолингов в структуре коренного населения республики.

Таблица 9 - Владение государственными языками тувинцами в РТ, чел.

	Общая числ-ть населения	Тувинцы	Владеют ТЯ	Владеют РЯ	Не указали национальную принадлежность
ВПН-2002	305 510	235 313	231 775 (98,5%)	198 496 (84%)	3
ВПН-2010	307 930	249 299	241 092 (96,7%)	204 213 (81,9%)	4 073
ВПН-2020	336 651	279 789	244 001 (87,2%)*	259 723 (92,8%)	21 093

* Ввиду отсутствия доступных данных в ВПН-2020 по числу указавших родным ТЯ тувинцам, было взято общее число указавших ТЯ родным

Данные переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., представленные в таблице 9, были взяты нами в качестве исходных для расчёта долей билингов и монолингов. Обращает на себя внимание динамика численности лиц, не

указавших национальную принадлежность, причём в ВПН-2020 их доля по РТ составила 6,2% всего населения республики. Данное явление характерно для общероссийских показателей и объясняется специалистами условиями проведения переписи во время связанных с пандемией Covid-19 ограничениями. Для изучения структуры билингвизма тувинцев РТ в генеральную выборку мы включили указавших национальную принадлежность «тувинец». Общая численность населения не рассматривается, так же как и не берется в расчёт владение иными языками, кроме русского и тувинского. Результаты расчётов представлены в таблице 10.

Таблица 10 – Билингвизм тувинского населения РТ (вторичные данные, выведенные из доступных данных ВПН 2002, 2010, 2020 гг.), чел.

	Численность населения РТ, указ. национ. принадлежность	Тувинцы	Тувинские монолингвы (тувинцы)	Русские монолингвы (тувинцы)	Численность РТБ и ТРБ	Доля РТ и ТР билингвов среди тув. населения, %
ВПН -2002	305 510	235 313	36 817 (15,6%)	3 538 (1,5%)	194 958	82,8 %
ВПН -2010	303 857	249 299	45 086 (18%)	8 207 (3,3%)	196 006	78,6 %
ВПН -2020	315 558	279 789	20 066* (7,1%)	35 789* (12,7%)	223 934*	80 %

* Доступных данных по владеющим ТЯ русским, проживающим в РТ, в опубликованных материалах ВПН-2020 не обнаружено. Учитывая стабильно невысокую долю представителей русского этноса, владеющих ТЯ (0,2-0,5%), было применено число указавших владение ТЯ по РТ (244 001 чел.) по отношению к представителям тувинского населения РТ.

Полученные на основе материалов ВПН 2002, 2010, 2020 гг. данные свидетельствуют о незначительном изменении доли билингвов среди тувинцев – 82,8%, 78,6% и 80% соответственно. К 2010 г., в сравнении с 2002 г., наблюдается снижение доли билингвов на 4%, увеличение доли тувиноязычных и русскоязычных монолингвов – на 2,4% и 1,8% соответственно. Однако к 2020 г. (в сравнении с 2010 г.) с увеличением доли билингвов на 1,4%, происходит

значительное снижение доли тувиноязычных монолингвов на 8,9% и увеличение русскоязычных монолингвов – на 9,4%. Два последних показателя по монолингвам служат подтверждением динамики языкового сдвига билингвизма в РТ – от ТРБ к РТБ. Впервые доля русскоязычных монолингвов превысила долю тувиноязычных монолингвов среди тувинцев (рис. 2).

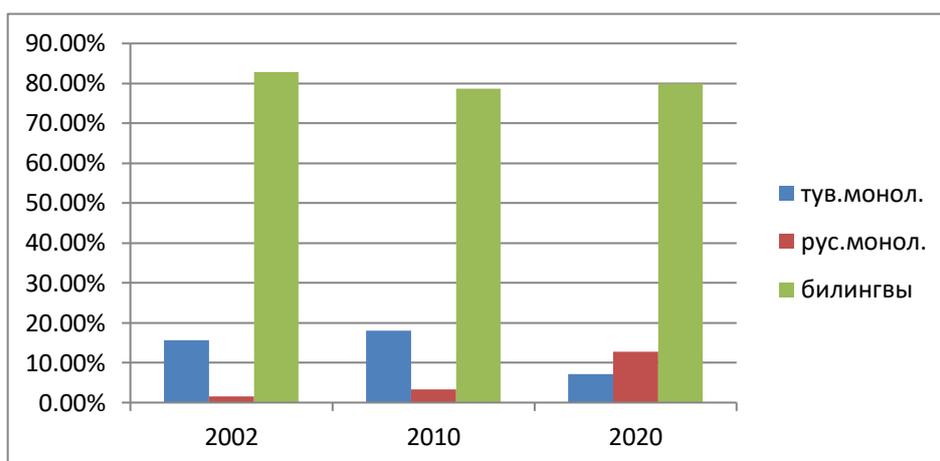

Рисунок 2 – Билингвы и монолингвы в доле тувинского населения РТ

По данным трех последних ВПН, наблюдается устойчивая динамика сокращения доли лиц, *владеющих* тувинским языком: в 2020 г. на 12,5% в сравнении с 2002 г. и на 9,5% в сравнении с 2010 г., что также демонстрирует *ослабление тувинского компонента* регионального билингвизма (см. рис. 3). Учитывая то, что не все указавшие владение ТЯ реально владеют им на достаточном уровне, то можно предположить, что степень языковой ассимиляции более существенна [78].

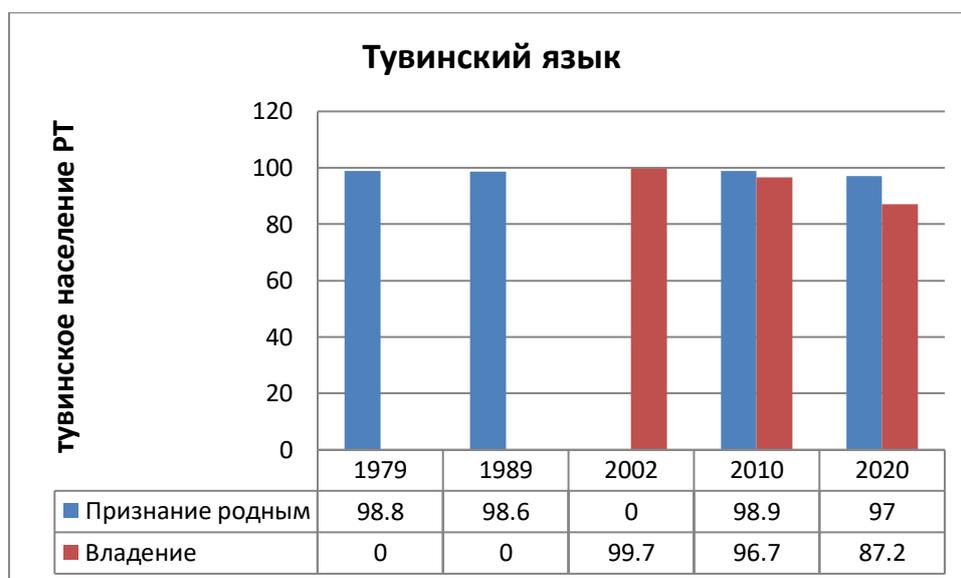

Рисунок 3 – Признание ТЯ родным / Владение ТЯ как родным, %¹³

Последние переписи объединяют два языковых показателя: признание родного языка и владение им (см. рис. 3). По данным ВПН-2020 заметно некоторое снижение уровня языковой лояльности тувинцев (на 1,9%) и сокращение количества носителей тувинского языка соответственно (на 9,5%).

Сравним полученные выше данные с результатами массового социолингвистического опроса¹⁴. В целом по данным опроса также выявлен высокий уровень языковой лояльности тувинцев к ТЯ: из 660 респондентов было опрошено 550 тувинцев (83,3%), 34 русских (5,2%) и 13 представителей иных национальностей (2%) и 63 человека, не указавших национальную принадлежность (9,5%); 43 человека (6,5%) признали родным языком русский, 554 (83,9%) – тувинский, 52 (7,9%) – оба государственных языка РТ, 7 (1,1%) – иной язык, 4 (0,6%) – не указали родной язык вовсе (табл. 11).

Таблица 11 – Этническая принадлежность респондентов

Указали национальность	чел.	%
Русский	34	5,2

¹³ Всесоюзные и всероссийские переписи населения (1979, 1989, 2002, 2010, 2020 гг.)

¹⁴ Опрос ИГИСАТ

Тувинец	550	83,3
Другую	13	2
Пропуск	63	9,5
Итого:	660	100

Таким образом, как данные последних переписей населения в целом, так и результаты массового опроса (табл. 12) свидетельствуют о высоких показателях языковой лояльности тувинцев.

Таблица 12 - Ваш родной язык

Язык	чел.	%
Русский	43	6,5
Тувинский	554	83,9
Русский и тувинский	52	7,9
Другой	7	1,1
Пропуск	4	0,6
Итого:	660	100

Данные опроса также говорят о скорее свободном уровне владения тувинским языком большинством респондентов: 577 (87,4%) человек из 660 считают, что владеют им свободно, 61 чел. – частично, 17 чел. – не владеют, 5 чел. – не дали ответов (см. табл. 13).

Таблица 13 - Уровень владения тувинским языком

Уровень владения	чел.	%
Свободно	577	87,4
Частично	61	9,2
Никак	17	2,6
Пропуск	5	0,8
Итого:	660	100

По данным массового опроса, наиболее свободное владение тувинским языком одновременно в разных видах речевой деятельности (аудирование, говорение, письмо и чтение) продемонстрировали респонденты в возрасте от 41 до 60 лет; несколько ниже показатели в группе лиц в возрасте 31-40 лет (снижение в диапазоне 5-8% по разным видам речевой деятельности) и 17-30 лет (снижение в диапазоне 6-10% по разным видам речевой деятельности в сравнении с первой группой); однако лица в возрасте от 60 лет и старше оценивают уровень владения тувинским языком ниже всех остальных (разница с первой группой в пределах 15-20%) (см. табл. 14).

Таблица 14 - Свободное владение различными видами речевой деятельности на тувинском языке в возрастной стратификации, %

Свободно	Возраст				
	17-30	31-40	41-50	51-60	61 и старше
Понимаю	85,5	88,2	93,3	94,0	76,7
Говорю	84,8	82,9	90,5	94,0	74,4
Пишу	75,2	80,9	85,7	84,0	69,8
Читаю	78,6	81,6	88,6	88,0	72,1

Из таблицы 14 видно, что довольно высокие показатели свободного владения тувинским языком выявлены у взрослых, родившихся в период с 1960-х гг. до 1980 г. (41-60 лет); качество владения языком у лиц младше, т. е. родившихся в период с начала 1980-х гг. по 2003 г. (17-40 лет) постепенно снижается. У родившихся в 1950-е гг. (61 и старше), напротив, отмечается наименьший уровень владения тувинским языком среди других возрастных групп. В целом показатели владения языком титульного этноса в РТ остаются довольно высокими в сравнении с аналогичными показателями других республик Южной Сибири (Хакасия, Алтай)¹⁵: 85,3 % тувинских респондентов сообщили, что свободно говорят на родном языке.

¹⁵ См. об этом в [Боргоякова и др. 2022]

Ещё одной назревшей языковой проблемой в РТ считается вопрос недостаточного владения русским языком представителями её сельского населения. Действительно, по данным опроса наиболее низкий уровень свободного владения русским языком коренным населением (47,7%) среди республик Хакасия, Алтай и Тыва выявлен в последней (табл. 15): 45,7% оценили свой уровень владения РЯ как средний, а 4,5% - как элементарный.

Таблица 15 - Уровень владения русским языком тувинцами в РТ, %

Уровень владения	Возраст				
	17-30	31-40	41-50	51-60	61 и старше
Свободный	46,9	46,1	55,2	58,0	65,1
Средний	43,4	46,1	37,1	32,0	27,9
Элементарный	8,6	3,3	4,8	6,0	2,3
Не владею	0,0	1,3	0,0	0,0	2,3
Пропуск	1,0	3,3	2,9	4,0	2,3

Так, наиболее высокий уровень владения РЯ выявлен у лиц в возрасте от 61 года и старше, т.е. родившихся в 1950-е гг. и ранее (в этой же категории выявлен самый низкий уровень свободного владения ТЯ). По-видимому, объясняется это более высоким уровнем демографической мощности РЯ в 1970-80-е гг.: вспомним, что по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года (когда представители данной возрастной категории находились в трудоспособном возрасте) национальный состав был иным: из общей численности населения Тувы в 267,6 тыс. чел., тувинцев насчитывалось 161,9 тыс. чел. (60,5%), русских – 96,8 тыс. чел. (36,2 %), представителей других этносов – 8,9 тыс. чел. (3,3 %). В связи с этим наши информанты, родившиеся в 1950-1960-е гг. (т.е. в период начала массового тувинско-русского двуязычия) и проживавшие в городе, отмечают невладение / низкий уровень владения ТЯ в дошкольном возрасте, о чем свидетельствуют факты из их языковых биографий:

- *Соседи почти все русские были. В садике была в основном русскоязычная среда. И воспитатели были русские. Это такой садик, в который*

отдают в понедельник, а забирают детей в субботу... Меня отправили к родственникам в деревню, чтобы подучила тувинский язык к школе (Инф. 3Ж-66).

- *Общался по-русски и в садике, и с друзьями по соседству. Они все русские были. Говорят, что я сначала ходил в круглосуточный садик, но не долго, пока не сбежал оттуда. И мама отдала меня в обычный дневной садик (Инф. 2М-64).*
- *Летом перед школой родители меня отправили в Барун-Хемчик к родственникам, чтобы я «подготовился» к школе, поучил тувинский язык... Тогда все говорили по-русски, соседи, продавцы в магазинах (Инф. 1М-67).*
- *Родители так «готовили» меня к школе, отправили в деревню, но мне не повезло, что там не было других детей, только взрослые, а так может быть и заговорила бы на тувинском... (Инф. 5Ж-67)*
- *В детстве я говорила и по-русски, и по-тувински, потому что соседи у нас были русские, а дома родители разговаривали по-тувински. А говорили мы с братьями и сёстрами в основном по-русски. Нас отец ставил в угол, требовал, чтобы мы разговаривали на родном, на тувинском языке. Да, дома не дай бог заговори по-русски, он сразу в угол загонит... отец требовал, чтобы мы не забывали тувинский... (Инф. 1Ж-72).*

Со слов этих и других информантов, характеризующих тот период, городские тувинские дети много времени проводили в русскоязычной среде (соседи, друзья во дворе, воспитатели в дошкольных учреждениях, также почти всеми упоминаются русские продавцы в магазинах). Кроме того, практиковалось пребывание ребёнка в круглосуточных детских садах, где языком общения был только РЯ, т.е. ранняя социализация происходила не в семье. Хотя функционально первым, а порой и единственным языком их родителей был ТЯ, с

братьями и сёстрами они в основном общались на РЯ. Своеобразная практика подготовки детей к школе, а именно целенаправленное их погружение в монолингвальную тувиноязычную среду (проживание у сельских родственников), возможно, говорила об обеспокоенности их родителей дальнейшей судьбой родного для них ТЯ. В некоторых семьях даже имела место практика наказания (ставили в угол) за общение на РЯ при родителях, что в случае с нашим информантом принесло свои плоды – она сама, её братья и сестры *активные русско-тувинские билингвы*. Независимо от своих языковых компетенций, функционального соотношения компонентов двуязычия, где нередко преобладал РЯ, представители данной возрастной категории демонстрируют высокий уровень приверженности к этническому ТЯ, признавая его родным.

К 1989 г. доля численности тувинцев, по данным переписи населения, повышается на 4% и происходит пропорциональное снижение доли численности русских. Однако снижение показателя было не настолько критическим в сравнении с данными следующей переписи, ВПН 2002 г., когда убыль русского населения составила более 37 тыс. чел. (см. табл. 2 в п. 2.1).

Довольно высокие показатели качества владения РЯ также выявлены у лиц в возрасте 41–50 и 51–60 лет. Кроме того, эти две категории респондентов также демонстрировали наилучшие показатели свободного владения ТЯ из всех представленных возрастных групп, что свидетельствует о развитии наиболее *сбалансированного типа русско-тувинского и тувинско-русского* двуязычия у тувинцев, родившихся в 1960-е и 1970-е гг., по сравнению с другими возрастными категориями.

У лиц в возрасте 17–30 и 31–40 лет значительно ниже качество владения РЯ и довольно низкие по сравнению с другими категориями (кроме тех, кому от 61 и старше) показатели владения ТЯ, что свидетельствует об изменении структуры национально-русского билингвизма у лиц, рождённых в 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. и его *несбалансированном* характере. Специфику данного вида двуязычия

можно определить исходя из подхода Дж. Шевалье, которая отмечает тенденцию субтрактивного двуязычия у молодёжи РТ в 2000-х годах, когда второй язык изучается в ущерб первому или родному языку [237].

Важный аспект в изучении языковых компетенций связан с местом проживания респондентов. Так, судя по данным, приведённым в таблице 16, о свободном уровне владения РЯ сообщило в среднем 54% городских респондентов, что превышает на 12% соответствующую среднюю самооценку сельских респондентов.

Наиболее низкие показатели в самооценке владения РЯ наблюдаются у жителей Монгун-Тайгинского, Тере-Хольского, Овюрского, Эрзинского, Бай-Тайгинского и Чаа-Хольского районов (табл. 16). В этих районах свободно владеют РЯ менее 25% жителей, в то же время 5% жителей Тере-Хольского района признались, что не владеют РЯ.

Таблица 16 - Владение русским языком / проживание в городах или районах РТ¹⁶

Город / район	свободный	средний	элементарный	не владею	пропуск
г. Кызыл	64,4	31,0	3,0	0,0	1,7
г. Чадан	33,3	66,7	0,0	0,0	0,0
г. Туран	76,5	17,6	5,9	0,0	0,0
г. Ак-Довурак	45,5	54,5	0,0	0,0	0,0
г. Шагонар	50,0	37,5	0,0	4,2	8,3
Монгун-Тайгинский район	15,0	45,0	40,0	0,0	0,0
Чаа-Хольский район	25,0	65,0	5,0	0,0	5,0
Овюрский район	22,6	51,6	22,6	0,0	3,2
Сут-Хольский район	37,5	62,5	0,0	0,0	0,0
Тес-Хемский район	57,1	28,6	0,0	0,0	14,3
Барун-Хемчикский район	45,5	36,4	9,1	0,0	9,1
Эрзинский район	23,4	68,1	2,1	0,0	6,4

¹⁶ Данные массового опроса ИГИСАТ

Бай-Тайгинский район	23,3	60,0	16,7	0,0	0,0
Улуг-Хемский район	33,3	60,0	6,7	0,0	0,0
Кызыльский район	60,0	40,0	0,0	0,0	0,0
Каа-Хемский район	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Тере-Хольский район	20,0	65,0	10,0	5,0	0,0
Тоджинский район	40,0	40,0	15,0	0,0	5,0
Тандынский район	60,0	40,0	0,0	0,0	0,0
Чеди-Хольский район	33,3	66,7	0,0	0,0	0,0
Пий-Хемский район	92,9	7,1	0,0	0,0	0,0
Дзун-Хемчинский район	25,0	50,0	12,5	12,5	0,0
ИТОГО:	50,0	41,2	6,1	0,5	2,3

Как видно, проблема недостаточного владения РЯ в отдельных районах остаётся все ещё актуальной. Районы, в которых выявлен наименьший уровень владения РЯ, традиционно считаются моноязычными из-за их этнически однородной среды. Не особо от них отличаются этническим составом и характером языковой среды Сут-Хольский, Тес-Хемский, Барун-Хемчикский и Дзун-Хемчикский районы, что также подтверждается данными в табл. 11.

Таблица 17 - Уровень владения русским языком в РТ¹⁷

Уровень владения	чел.	%
Свободный	330	50
Средний	272	41,2
Элементарный	40	6,1
Не владею	3	0,5
Пропуск	15	2,3
Итого:	660	100

В совокупности по всем возрастным категориям из 97,7% указавших уровень владения РЯ респондентов свободно им владеют – 50%, на среднем уровне – 41,2%, на элементарном – 6,1%, не владеют – 0,5% (табл. 17).

¹⁷ Данные массового опроса ИГИСАТ.

Так, только половина опрошенных свободно владеют РЯ, что контрастирует с данными этнолингвистического исследования, проведенного З. В. Анайбан в 1980-х гг., когда было выявлено, что даже «сельские жители тувинской национальности являются носителями развитого двуязычия», т.е. «свободно говорили (70,6 %), читали (70,1 %), писали (67,2 %) на русском языке» [Цит. по: 215, с. 63]. Причем в городских условиях эти показатели были значительно выше [там же, с. 64].

Приведем результаты и более ранних исследований: в Туве в 1967 г. под руководством В.А. Аврорина было проведено первое исследование социоллингвистической направленности. По его данным, «на селе родным ТЯ признали все тувинцы, а в городе – 88,3%; наряду с родным, РЯ знали и использовали на селе – 60,8 %, в городе – 88,7%» [Цит. по: 215]. Хотя отдельно эти сведения дают весьма обобщённое представление об уровне языковых компетенций тувинцев в 1960-е гг., однако при сравнении с данными более поздних опросов демонстрируют наметившуюся тогда тенденцию двуязычия к сбалансированности его компонентов.

В 2000-е гг., по мнению З.В. Анайбан, обозначилась «проблема низкого уровня владения русским языком учащимися национальных общеобразовательных школ и студентами высших учебных заведений республики» [9, с. 20]. Исследователь считает, что данная проблема стала последствием «недостаточного внимания со стороны соответствующих инстанций развитию русского языка в республике» в 90-е гг. XX в. [там же]. В той же работе приводятся данные опроса молодых тувинских женщин, проведённого в 2004 г., которые оценили свой уровень владения РЯ как: свободный – 57%, с некоторыми затруднениями – 26%, с большим трудом – 12% и не говорят вообще – 5% [там же].

Параллельно в академическом дискурсе начала проявляться проблема владения «тувинским языком, который вступил в критический этап своего

существования, появились признаки реальной ассимиляции» [16, с. 62]. В ходе проведённого сектором социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных наук в 2010 году социологического опроса, в котором приняли участие 300 кызылчан, было выявлено, что «многие дети и подростки не владеют литературным тувинским языком, а часть из них не знает родного языка даже на разговорном уровне, предпочитая тувинскому русский язык» [113]. Данная негативная тенденция продолжала набирать обороты, что подтверждалось статистикой и результатами исследований лингвистов.

По мнению Н.Ч. Серээдар, тувинский язык неуклонно проходит ступени регресса, что объясняется низким социальным престижем ТЯ. «Тувинцы владеют своим родным языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения...» [193, с. 13].

При кажущемся потенциале ТЯ, высоком уровне его демографической мощности, тувинский язык продолжает терять свои позиции в важнейших сферах, наблюдается ухудшение уровня языковой компетенции тувинцев, меняются языковые установки по отношению к родному языку, нарушение межпоколенческой передачи языка, снижение социального престижа тувинского языка [215, с. 122]. «Сохранность высоких позиций тувинского языка с точки зрения его демографической мощности и правового статуса происходит на фоне негативных процессов языкового сдвига, особенно заметного у молодого поколения городских тувинцев в последние два десятилетия...» [Боргоякова, Биткеева 2020: 58]. Изменение языковой лояльности, языковых установок тувинцев, нарушение межпоколенческой передачи этнического языка, изменение ценностных ориентаций, утрата позиций тувинского языка в качестве языка обучения, а также развитие цифровой среды, по мнению авторов статьи [42, с. 294], являются наиболее релевантными факторами языкового сдвига в РТ.

Таким образом, соотнесение этнолингвистических данных последних трёх ВПН с результатами социолингвистического опроса, интерпретацией языковых биографий и академического дискурса позволило установить взаимозависимость следующих тенденций, характерных для тувинского населения РТ: снижение уровня их языковых компетенций на родном языке, снижение численности владеющих родным языком, утрата позиций ТЯ в качестве языка школьного обучения, рост числа русскоязычных монолингвов.

Выводы по второй главе

Результаты дискурс-анализа нормативных актов и научных трудов, характеризующих особенности билингвизма в Туве, позволили выявить определённые тенденции, преобладавшие в тот или иной период. Для получения достоверных выводов к результатам дискурс-анализа была приложена эмпирическая база, включающая данные переписей населения, социолингвистических опросов, нарративных интервью (фрагментов языковых биографий).

Важными критериями определения характера билингвизма в условиях Тувы являются демографическая мощьность идиомов, их функциональное распределение, коммуникативная мощьность компонентов, особенностей динамики региональной языковой политики.

Двуязычие в Туве в его массовом понимании можно охарактеризовать как естественный контактный односторонний, несбалансированный (по языковым компетенциям), асимметричный (по социальной и функциональной неравноправности), функциональный (по преобладающим сферам общения) русско-тувинский (РТБ) и тувинско-русский (ТРБ) билингвизм.

С точки зрения хронологии, динамика развития билингвизма в Туве может быть представлена следующим образом.

1. Тувинско-русский билингвизм начинает приобретать контактный и массовый характер в середине прошлого столетия – после вступления Тувинской народной республики в состав СССР (1944 г.). С распространением массового двуязычия отмечается распределение сфер и областей функционирования тувинского и русского языков по типу расселения (преобладание ТРБ в селе и РТБ в городе) и по сферам использования его компонентов (РТБ в официальных / ТРБ в неофициальных).

2. В 70-ые гг. XX в. формируется новый тип билингвов – этнических тувинцев, в основном городских жителей, для которых русский язык становится функционально первым (РТБ) с сохранением тувинского языка в качестве функционально второго языка. Данные социолингвистических опросов и языковых биографий старшего поколения тувинцев подтвердили наличие процессов языковой ассимиляции в 1960-х – нач. 1970-х гг. в среде городских детей дошкольного возраста. Очевидно, равнодушие родителей, а затем и система национальной школы, сыграли важную роль если не в остановке наметившегося к тому моменту языкового сдвига, то в некотором его замедлении.

3. В 1990-х гг. в условиях повышения автономного статуса республики и подъёма этнического самосознания коренного этноса языковая политика РТ приобретает «радикальные» черты ориентации на укрепление тувинского компонента билингвизма. Как следствие соответствующих политических решений, в сфере образования наступает ослабление русского компонента билингвизма в Туве, в том числе в корреляции с сокращением доли русского населения республики.

4. В период с начала 2000-х гг. до середины 2010-х гг. вектор языковой политики РТ разворачивается в противоположную сторону – с фокусом на поддержку преимущественно русского языка, что нашло отражение в принятии соответствующих программных документов по поддержке и развитию русского языка в республике. Реформы в федеральной образовательной политике (введение ЕГЭ, исключение регионального компонента из содержания школьного образования) также незамедлительно отразились на смещении языковых ориентаций тувинских школьников, а в особенности их родителей, усугубив проблему ослабления тувинского языка.

5. С середины 2010-х по 2020-е гг. отмечается стремление к более конструктивной региональной языковой политике, ориентированной на развитие «сбалансированного русско-тувинского и тувинско-русского билингвизма» при

более активном взаимодействии с общественностью и академическим сообществом по вопросам языкового планирования. В то же время, с внесением изменений в Федеральный закон об образовании в 2018 г., ТЯ фактически перестаёт быть языком обучения, что способствует снижению уровня полноценного владения родным языком, его литературной формой особенно среди детей и молодёжи. Данные, полученные на основе материалов трёх последних переписей населения, подтверждают увеличение доли русскоязычных монолингвов среди тувинцев к 2020 году почти на 10%, составляя 12,7%. Впервые число русскоязычных тувинцев-монолингвов превысило численность тувиноязычных монолингвов.

Всё это свидетельствует об ускоряющемся языковом сдвиге, при котором происходит переход тувинского в категорию второго языка и / или увеличение численности тувинцев, утративших родной язык.

Особенность новейшей языковой политики РТ состоит в том, что, во-первых, республиканские власти официально признали проблему языкового сдвига; во-вторых, отмечается ориентация на долгосрочное языковое планирование; в-третьих, начинается активная деятельность по продвижению тувинского языка в реальном и цифровом измерениях (Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период 2024-2033 гг.).

3. ЦИФРОВОЕ И ЛАНДШАФТНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

3.1. Перспективы витальности тувинского языка в виртуальном пространстве

Жизнеспособность, или *витальность языка* (language vitality) подразумевает его функциональный потенциал к развитию, изменению и сохранению [190, с. 37]. Важными параметрами считаются удельный вес употребления языка, степень его нормированности и стандартизованности, демографическая мощьность, официальный статус языка и наличие соответствующей государственной поддержки, а также реальная востребованность языка в качестве средства общения [там же]. Так, в [221] важным параметром определения витальности языка является степень его присутствия и использования в качестве средства общения представителями всех поколений и на любые темы.

При оценке уровня языковой витальности традиционно применяются несколько разновидностей шкал или их комбинации. Например, известны шкалы Дж. Фишмана, ЮНЕСКО, EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale, ElCat (The Catalogue of Endangered Languages) и др., которые содержат различные критерии оценки жизнеспособности языка [там же].

С развитием информационно-телекоммуникационных систем цифровая среда становится неотъемлемой частью жизни людей и одной из важнейших сфер функционирования языков и их прогностического потенциала. Так появилось понятие *цифровой витальности языка* (digital language vitality), под которой

понимается степень присутствия и функционирования языка в сети «Интернет» с использованием различных цифровых устройств (компьютера, смартфона и т.п.) [230], уровень которой определяется в соответствии с разработанными критериями. Наиболее известная шкала цифровой витальности языков была разработана А. Корнаем [263], затем дополнена и доработана М. Гибсоном [253]. В основе предложенных шкал лежат 6 уровней цифровой витальности языка:

1. *доцифровой (pre-digital)* уровень характерен для языков без системы письменности или при наличии письменности, но отсутствии кодировки символов; инфраструктура для подключения ограничена или является слишком дорогостоящей для индивидуального пользователя, поэтому язык не распространяется в сети; либо подразумевает низкий уровень владения цифровыми технологиями у носителей языка;

2. *спящий (dormant)* – уровень, при котором обеспечиваются определенный уровень «выхода» языка (ов) в сеть; по крайней мере, часть носителей языка (ов) обладает цифровой грамотностью, но ограничены в технических средствах (например, отсутствует поддержка клавиатуры для записи языка), язык можно использовать в цифровом формате, но он нуждается в некотором базовом технологическом развитии;

3. *эмерджентный (emergent)*: язык пользуется очень ограниченной технологической поддержкой; текстовые сообщения и обмен сообщениями возможны, но могут быть громоздкими. В незначительной степени могут присутствовать как проекты Википедии, так и электронные словари;

4. *развивающийся (developing)*: язык используется на сайтах всех видов; есть Википедия, но не используется в социальных сетях; доступны языковые ресурсы, такие как словари, корпуса и грамматики;

5. *живой, энергичный (vital)*: язык широко используется в социальных сетях при отсутствии локализованного интерфейса; языковые ресурсы находятся в широком доступе; присутствуют крупные проекты в Википедии и активно

используются носителями языка; язык имеет потенциал использования во всех цифровых областях;

б. *процветающий (thriving)*: язык широко используется на всех современных цифровых платформах, от коммуникативных до транзакционных [263; 253].

В соответствии с критериями данной шкалы тувинский язык имеет «позитивный статус *vital (энергичный)*» и входит в число языков, вокруг которых выявлено больше всего интернет-сообществ, после удмуртского, якутского, башкирского, татарского языков» [Цит. по: 230, с. 276, с. 278]. Помимо распространения тувинского языка в социальных сетях, отмечается и его использование в таких значимых цифровых проектах как онлайн-переводчики (сервисы «Яндекс.Переводчик» и Google.Translate), российская многоязычная онлайн-эциклопедия «Рувики» др.

Учёные справедливо отмечают, что глобальная сеть «Интернет» обладает широким спектром средств языкового регулирования, являясь широкой площадкой общественного мнения. В то же время интернет-пространство не только объединяет, но и является местом возникновения конфликтных ситуаций [там же, с. 115]. Анализ тувиноязычного виртуального пространства позволил нам выявить его особенности и проблемные зоны.

С одной стороны, следует отметить, что социальные сети и мессенджеры¹⁸ действительно стали одной из сфер активного функционирования тувинского языка. Об этом свидетельствуют результаты соответствующих исследований, представленных в [132; 160]. По итогам социологического исследования, проведённого Ч. К. Ламажаа [132] названы самые популярные среди тувинцев соцсети и мессенджеры для общения – Viber¹⁹, Instagram²⁰, «Вконтакте». Социальная сеть «Вконтакте» стала одной из основных площадок функционирования тувинского языка в сети Интернет – в ней в 2021 году

¹⁸ Приложения или сервисы для обмена текстовыми сообщениями, файлами, видеозвонками, устанавливаемые на мобильные устройства, и обеспечивающие возможность общаться в реальном времени [БРЭ, интернет-ресурс].

¹⁹ В декабре 2024 г. после серии масштабных сбоев перестает быть популярной среди тувинцев.

²⁰ Признана экстремистской, запрещена и заблокирована на территории РФ.

насчитывалось более 5 тыс. тувинских сообществ [там же, с. 120]. Более подробно тема функционирования тувинского языка в соцсетях рассматривается в следующем подразделе данной главы (см. п. 3.1.1).

С другой стороны, отмеченное выше явление интенсивного языкового сдвига среди детей и молодёжи (см. п. 2.5) учёные также связывают с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Так, например, в работе А.Н. Биткеевой и Ч.С. Цыбеновой отмечается, что повсеместно по Туве учителями начальных классов и воспитателями дошкольных учреждений фиксируется типичная модель речевого поведения детей, имеющих доступ к ИКТ, когда «не имея достаточно развитых социальных навыков, они осваивают в первую очередь русский язык, зачастую несмотря на общение в семье на тувинском языке и даже преимущественно в традиционно тувиноязычных моноязычных районах Тувы» [34, с. 18]. В целом подобные процессы протекают во многих двуязычных и многоязычных регионах России.

Наши информанты солидарны с мнением учёных об отрицательном влиянии ИКТ на развитие языковых компетенций современных детей на родном языке:

- *Я думаю, это все потому, что она постоянно смотрела мультфильмы на русском... Это было так странно, мы все родственники говорим только по-тувински (инф. 7Ж-59);*
- *Мои младшие внуки 9 и 10 лет между собой общаются только на русском. Я не слышала, чтобы они говорили на тувинском. Это все связано с интернетом – групповыми играми в интернете, в которые они все вместе играют, и мультиками, которые они там постоянно смотрят (инф. 3Ж-66).*

Как видно, одной из причин наметившегося языкового сдвига у младших поколений носителей тувинского языка является низкая «доля представленности контента на тувинском языке в сети Интернет» [34, с. 7]. Стоит отметить, что

данная проблема не осталась без внимания и по возможности решается на уровне общественных институтов, языковых активистов, учёных, деятелей культуры и искусств и др. Примером может послужить начавшаяся работа по переводу и озвучиванию на тувинском языке популярных российских мультфильмов, которая положительно оценивается пользователями сети [151].

Отмеченная проблема нашла отражение в аналитической части принятой в 2023 г. Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в период 2024 – 2032 гг.: «... разработан план «Цифровое развитие тувинского языка на 2023-2032 гг.», целью которого является консолидация и координация деятельности различных учреждений и лиц, работающих в сфере цифровизации тувинского языка; создание Национального корпуса тувинского языка, а также цифровых продуктов для широкого функционирования тувинского языка в обществе и глобальной сети Интернет» [202].

3.1.1. Аксиологические аспекты развития билингвизма в Республике Тыва в дискурсе социальных сетей

Проведённые нами в 2021 году контент-анализ и дискурс-анализ социальных сетей в тувинском веб-пространстве показали активное участие жителей республики в обсуждении вопросов развития государственных языков Республики Тыва.

Анализ контента включал несколько этапов: во-первых, был произведён отбор сообществ, основной темой которых заявлены тувинский и русский языки в РТ; во-вторых, рассмотрены группы, попавшие в результаты поиска по ключевым словам и фразам, по тематике не относящиеся напрямую к языку, но в которых принята билингвальная практика общения; в-третьих, анализировались некоторые

количественные показатели (количество участников, среднее число публикаций, комментариев и т.п.).

В результате поиска в социальной сети «ВКонтакте» по ключевым комбинациям «тыва дыл» и / или «тувинский язык» был выявлен список из более чем 200 сообществ, а по ключевой фразе «русский язык в Туве» – более 10 сообществ. Анализ контента тувинского сегмента социальной сети ВКонтакте позволил выявить наиболее крупные из них: от сообщества под названием «Тыва дыл. Тувинский язык» с 11 311 подписчиками до малочисленного сообщества с 33 подписчиками; по ключевым словам «русский язык в Туве» выявлена довольно крупная группа с 979 подписчиками с названием «Русские в Туве» и относительно небольшая группа «Я русский бы выучил за то ...» с 55 подписчиками. Кроме того, были обнаружены следующие сообщества: республиканской ассоциации учителей тувинского языка «Республиканың тыва дыл башкыларының ассоциациязы» (328 подписчиков); стихотворений на тувинском языке (68 подписчиков); объявлений на тувинском языке «Чарлалдар» (302 участника); фильмов на тувинском языке (118 подписчиков) и более 20 других сообществ. Существует также группа «Объявления Тувы» (412 участников), в описании которой есть пометка о том, что публикуются объявления как на русском, так и на тувинском языках. Кроме того, представлены многочисленные группы на разную тематику, новостные паблики и т. д. Практически во всех вышеупомянутых сообществах имеются публикации на обоих государственных языках РТ – на русском и тувинском.

Отобранный материал был подвергнут качественному дискурс-анализу с точки зрения формы и содержания публикаций. Проанализированы публикации и реакции на посты в виде комментариев, в которых упоминались государственные языки Республики Тыва, деятельность государственной власти в части языковой политики с целью выявления наиболее «острых» и противоречивых моментов в обсуждениях билингвального пространства республики. Мы выявили два

сообщества, наиболее крупных по охваченной ими аудитории подписчиков, «условно представляющих интересы носителей государственных языков Тувы» [75, с. 169]: сообщества «Тувинский язык. Тыва дыл» (более 11 тыс. подписчиков на октябрь 2021 г.) и группы «Русские в Туве» (с 979 подписчиками на октябрь 2021 года) и провели анализ публикаций, размещённых в период с января 2015 г. по октябрь 2021 г.

Материалы сообщества «Тувинский язык. Тыва дыл» публиковались на русском и тувинском языках. Данная установка отражается и в названии группы. Содержание публикаций касалось вопросов перевода с русского на тувинский и наоборот, проблем этимологии тувинских слов, аспектов грамматики, лексики и орфографии тувинского языка, истории тувинского народа и языка, особенностей традиционной тувинской культуры, традиций и обычаев и т.д. Очевидно, что деятельность данного сообщества координировалась учёными и педагогами, о чем косвенно свидетельствуют различные ссылки на участие в опросах, исследования учёных-тувиноведов, тексты обучающего характера, рекомендации, объявления, обсуждения в нейтральном стиле. Как посты, так и комментарии участников сообщества, носят преимущественно нейтральный характер. По-видимому, основную аудиторию сообщества составляют представители интеллигенции, интересующиеся культурой, языком, литературой, а также желающие повысить уровень компетенций в ТЯ. Было выявлено несколько публикаций-запросов на изучение ТЯ, в т.ч. от этнических тувинцев, изъявивших желание выучить язык, которым они по той или иной причине не владели, но считали его «родным».

Наибольшая публикационная активность на странице сообщества выявлена в период с 2015 по 2017 г. Публикации содержали новости о мероприятиях (флешмобах), посвящённых Дням тувинского языка, родным языкам, публиковались видео носителей этнического языка, исполнителей стихов на тувинском и т. д. В указанный период наблюдается преимущественно позитивная оценка деятельности сообщества его участниками. К примеру, видео-выступления

участников флешмобов, посвящённых Дню тувинского языка, вызывали одобрение комментаторов, оценивались ими эмоционально положительно: *чараштыр!* (*очень красиво, прекрасно, браво* – здесь и далее перевод с тувинского языка автора – Д.Ч.), *эр хей!* (*молодец*) и т.п. Конфликтных ситуаций по поводу функционирования языков сообщества не выявлено, также как не обнаружено публикаций и комментариев, негативно оценивающих деятельность группы, хотя она активно функционировала в течение длительного периода 2015 – 2021 гг. Возможно, отсутствие контента проблемного (конфликтного) характера связано со своевременной деятельностью модератора сообщества, исключения случаев ущемления языковых прав представителей разных этнических групп. Данное интернет-сообщество является весьма стабильным виртуальным пространством, дающим исследователю возможность получить представление об общественном мнении на республиканскую языковую политику в рамках рационального дискурса.

Вторая группа «Русские в Туве», продемонстрировала более динамичный характер, публикации авторов были критически ориентированы. В довольно резкой форме выражена критика развития официального билингвизма на территории РТ с негативной оценкой усиления его тувинского компонента. Большинство публикаций, представленных как в текстовом виде, так и в виде видеоматериалов, являлись так называемыми перепостами (перепубликациями) из других источников. Многие комментарии к публикациям содержали негативную оценку деятельности сообщества, представленную ключевыми фразами «разжигание межнациональной розни», «однобокая политика», «субъективный взгляд». Судя по количеству заблокированных материалов, на деятельность сообщества неоднократно поступали жалобы за нарушение Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Например, 4 июня 2016 года был размещён материал под заголовком «В Туве опасаются возвращения к русским погромам 1990-х»,

который являлся перепубликацией интернет-издания «Колокол России» от 25.05.2016, в котором говорилось об обращении некоего Союза русскоязычных граждан Тувы «Россияне» к президенту России по поводу «притеснения русскоязычных в Туве». Однако позднее существование упомянутого союза было поставлено под сомнение официальными представителями русскоязычной общественности Тувы, а предмет его обращения к президенту определен как клевета [60].

Дискурс-анализ данной публикации и комментариев к ней позволил выявить также ключевые топосы: *«отток русскоязычного населения», «проблемы русских в Туве», «экономические, социально-политические проблемы», «слабое знание русского языка тувинцами», отсутствие русскоязычной среды в некоторых районах, отсутствие «среды русскоговорящих на уровне органов власти», проблемы в области преподавания и неудовлетворительные результаты ЕГЭ по русскому языку.* Наиболее активные комментаторы связывают вышеперечисленные проблемы с действующим статусом тувинского языка как государственного в республике. Деятельность данного сообщества носит непостоянный, стихийный характер, наблюдается корреляция с политической жизнью региона и страны. Участники сообщества в комментариях объясняют это также активизацией электоральных процессов. Пик проблемных «национальных» публикаций, приходится на 2015-2016 гг., в немногочисленных постах 2017-2018 гг. (всего 3 публикации) наблюдается скорее осуждение политической деятельности страны в целом и критика в сторону судебной системы региона. Отсутствуют публикации за 2019-2020 гг. В 2021 году был опубликован фильм, в котором снова поднимается «национальный вопрос» в его связи с языковой политикой в республике. Отследить реакции участников группы на последние её публикации не представилось возможным в связи с ограничением функции комментирования.

Следует отметить, что доля контента на тувинском языке в местных интернет-сообществах, пабликах социальных сетей (особенно в VK), группах мессенджеров (особенно в Viber) постоянно растёт (см. об этом в [78]). Наметились новые тенденции, характеризующие языковую ситуацию и развитие билингвизма в Туве.

В социальной сети «ВКонтакте» период 2022-2023 гг. отмечен ростом числа сообществ, основным языком в которых является тувинский. Поиск по ключевым словам, например, «медээлер» (в пер. с тув. *новости*) на январь 2023 г. выводил на более чем 30 сообществ, некоторые из которых имели многотысячные аудитории подписчиков. Например, по ключевому слову «оолдар» (*парни, мальчики*) можно было найти более 200 различных групп.

Проведённый контент-анализ публикаций одного из сообществ «Чоннун оолдары (*Сыновья народа*)» в социальной сети «ВКонтакте», в котором на январь 2023 г. числилось 62,5 тыс. подписчиков, выявил, что большинство материалов опубликованы на тувинском языке, русский язык присутствует в основном в разделах объявлений. Материалы обновлялись в среднем один раз в три дня (11 публикаций в январе 2023 г.). Наиболее злободневные проблемы находят отклик пользователей в виде многочисленных комментариев. Например, под публикацией анонимного автора о чрезмерном употреблении его/её сыном алкоголя на тувинском языке от 31 января 2023 года было оставлено 214 комментариев, основным языком которых является тувинский: менее 4% (7-8) комментариев опубликованы на русском языке.

Контент-анализ групповых чатов в мессенджере Viber позволил выявить наличие моноязычных сообществ, где языком общения является тувинский по тем или иным причинам: например, в силу традиционного уклада жизни его участников (*Эрес-кежээ малчыннар* в переводе с тув. 'активные животноводы', 2448 участников), либо по причине преклонного возраста его участников (*Ак бааштыглар оргээзи* перев. с тув. 'сообщество седовласых / старейшин', 1382

участника), а в некоторых сообществах и по требованию их администраторов, которые мотивируют это необходимостью практиковать тувинский в связи с ослаблением его позиций (*Бугу тыва чон* перев. с тув. как 'Весь тувинский народ', 6801 участник), либо транслирующие пуристские взгляды по отношению к использованию родного языка (*Торээн дылым – чоргааралым* с тув. 'Мой родной язык – моя гордость', около 2000 участников).

Как упоминалось выше в [132], одним из наиболее популярных мессенджеров в тувиноязычной среде является Viber. Однако с декабря 2024 года наблюдаются масштабные сбои в работе сервиса – 1 декабря происходит массовое отключение мессенджера в некоторых регионах России, которое длится почти сутки, а 13 декабря – работа мессенджера на территории России была заблокирована [174]. Как группы с многочисленными аудиториями подписчиков, так и малые сообщества (чаты рабочих коллективов, друзей, родственников и т.д.) переместили свою деятельность в мессенджер Telegram. Количество участников и подписчиков таких крупных групп в Telegram как *Эрес-Кэжээ Малчыннар*, *БУГУ ТЫВА ЧОН* в 4-5 раз ниже числа подписчиков и участников одноимённых групп, действовавших до декабря 2024 года в сервисе Viber. Тем не менее, в сообществах, созданных на базе альтернативного приложения, наблюдаются следующие тенденции: 1) постепенное увеличение численности аудитории (по 20-50 участников в день); 2) высокая активность в обсуждении актуальных новостей, обиденных вопросов и т.д., что свидетельствует об инструментальной ценности ТЯ как основного средства общения в среде взрослого тувинского населения РТ.

Ещё одной параллельной тенденцией стало двуязычное представление информации в публичных чатах (*ЧП Тыва Кызыл*, более 23 500 участников; *Чёрный список Кызыл*, более 9500 подписчиков), когда к тексту на тувинском языке прилагается краткий перевод на русский язык в виде аннотации.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в деятельности местного сообщества социальной сети «ВКонтакте» оппозиционно-политической

направленности была эксплицитно выражена проблема межэтнических языковых конфликтов. Хотя в данном случае языковой конфликт скорее являлся сознательным конструктом – инструментом для манипуляций, однако наличие обратной связи, откликов на эти посты свидетельствует о случаях имеющейся языковой нетерпимости между представителями языковых коллективов республики на тот момент, т. е. о конфликтогенном потенциале развития официального билингвизма в Туве, а также об актуальности проблемы низкого уровня владения РЯ сельским населением, несмотря на принятие ряда мер по улучшению качества обучения русскому языку (см. об этом в п. 2.2.).

Отсутствие острых тем и споров по поводу функционирования языков в РТ в других интернет-сообществах не является показателем неконфликтности, а лишь свидетельствует о соблюдении их администраторами законодательства РФ в части гражданских прав и свобод. Выявлены так называемые «периоды активности» деятельности в рассмотренных выше интернет-сообществах в «Вконтакте», которые приходятся на 2015 - 2016 гг. и коррелируют с определёнными политическими решениями. Именно тогда власти Тувы обратили внимание на ещё одну проблемную сторону ТРБ – ослабление его тувинского компонента (см. об этом в п. 2.2), что, по мнению научного сообщества, требовало принятия мер на значительно более раннем этапе. Так, с 2016 г. в РТ 1 ноября объявляется Днём тувинского языка и принимается ряд госпрограмм, направленных на развитие тувинского языка (см. об этом в п. 2.2.). С этого момента на официальном уровне были признаны негативные и противоречивые тенденции развития билингвизма в Туве, что нашло выход в принятии мер по развитию государственных языков РТ программного и концептуального характера (см. там же).

Результаты проведённого в 2023 г. контент-анализа тувинского сегмента социальной сети «Вконтакте» свидетельствуют о расширении присутствия в нем тувинского языка. Подобные тенденции наблюдаются и в местном пространстве

публичных чатов / сообществ мессенджеров. Причём ограничение деятельности одних сервисов, в которых активно функционирует тувинский язык в качестве основного средства общения, побуждает носителей тувинского языка к поиску альтернатив для создания пространства общения на родном языке на базе других сервисов, что также подтверждает высокий уровень инструментальной ценности языка в виртуальной среде и его цифровой витальности. Тем не менее, аксиологические аспекты языка и речи в тувинском интернет-пространстве сопровождаются эмоционально-экспрессивным контекстом, что проявляется в его высоком конфликтогенном потенциале (см. об этом в п. 3.1.2).

3.1.2. Языковые конфликты и их отражение в интернет-дискуссиях

Конфликтогенный потенциал билингвального пространства РТ раскрывается с конца 1980-х и начала 1990-х гг. Отмеченный учёными «радикальный поворот» [6] или радикальное изменение структуры двуязычия, получившее распространение в некоторых национальных субъектах РФ, объясняется кардинальными изменениями в общественно-политической, экономической сферах жизни государства и последовавшей за ними определённой дезориентацией региональных властей, что вызвало волну языковых конфликтов в субъектах РФ в начале 1990-х гг. [там же].

Изучением языковых конфликтов занимается один из разделов социалингвистики, называемый лингвистической конфликтологией и призванный выявлять причины возникновения конфликтов и находить пути их предотвращения и нейтрализации [190]. Предупреждение языковых конфликтов возможно при проведении взвешенной национально-языковой политики и соответствующего языкового планирования. Социалингвистическое определение

понятия «языковой конфликт» не обусловлено обязательным наличием двух и более акторов. Так, например, языковой конфликт определяется как столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком [190, с. 276], а «языковая конфронтация» - противостояние групп людей, причиной которого являются языковые проблемы, например, стремление демографически и / или социально доминирующего этноса ущемить языковые права других этнических групп или нежелание разных этнических групп изучать язык доминирующего этноса; «языковая дискриминация» - нарушение гражданских и / или экономических прав личности (этнической группы) по причине невладения или слабого владения языком численно или социально доминирующего на данной территории этноса [там же]. Выделяют такие виды языкового конфликта как *внутриэтнический* и *межэтнический*. Несомненно, языковые конфликты, возникающие между разными этническими группами, протекают в более острой форме.

Представляется, что понятия «языковая конфронтация», «языковая дискриминация» скорее означают процессы, которые могут привести / приводят к языковым конфликтам, поэтому мы предлагаем рассматривать языковой конфликт как конечное звено в цепи *конфликттоген – языковая конфронтация и / или языковая дискриминация – языковой конфликт*. Таким образом, акт языковой конфронтации и / или дискриминации является причиной языкового конфликта. Конфликттогеном, первопричиной, в данном случае может выступить любой фактор, лингвистический или экстралингвистический (политическая и социальная напряжённость, экономическое неблагополучие, культурные различия, разные ценностные ориентации т.п.). В. М. Алпатов отмечает, что «язык часто выступает одним из компонентов конфликтов, имеющих политические и / или экономические причины» [6, с. 17]. При этом существуют и «собственно лингвистические факторы, которые способствуют возникновению и развитию конфликтов», к которым учёный относит «объективное противоречие между

потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [там же]. Потребность идентичности заключается, по мнению М.Ю. Михальченко, в том, что «и для общества, и для отдельного индивида комфортнее пользоваться одним языком, преимущественно родным, освоенным в детстве, так как не нужно прилагать усилий при усвоении второго и третьего языков» [145, с. 223]. Однако такой привилегией пользуются, как правило, носители доминантных национальных языков [46].

Причину межэтнических конфликтов, имевших место в Туве в начале 90-х гг. XX в., учёные объясняют социально-экономическими проблемами [8; 9; 24; 68; 69; 141]. И хотя не все они являлись чисто языковыми по своей природе, почти все из них имели языковой подтекст.

О последовавших в результате упомянутых событий изменениях в демографической структуре общества говорилось в п. 2.1. Однако доля русскоязычного населения в РТ продолжает снижаться (см. табл. в п. 2.1), несмотря на отмечаемую некоторыми учёными стабилизацию межэтнической обстановки в РТ [9, с. 23]. Тем не менее, межэтнические языковые конфликты имеют место, что подтверждается нашими информантами:

- *Такого раньше не было, таких конфликтных ситуаций, барьера не было. А сейчас вот же далеко не надо ходить, например, многие уезжают из региона именно русские (Инф. 2Ж-66).*

Одна из интервьюируемых вспомнила некоторые замечания по поводу её несовершенного владения русским языком от представителей русского этноса:

- *Некоторые могли себя повести таким образом, что вот «не знаешь ты русского языка», свою негативную оценку высказать (Инф. 17Ж-25).*

Наши взрослые информанты признались, что были свидетелями случаев языковой конфронтации и языковой дискриминации или слышали о них от знакомых, а двое из опрошенных – ощутили их на себе. Анализ нарративных интервью показал, что чаще неодобрение или критику в свой адрес получают

лица тувинской национальности, не владеющие или слабо владеющие тувинским языком («не знающие родного языка») от представителей своего же этноса. Например, описываются случаи дискриминации по языковому признаку:

- *В Туве иногда замечал такие случаи, когда тувинцы могли оскорблять русских либо тувинцев, которые говорят на русском... Укоряли их в том, что они не понимают тувинский... (Инф. 6М-23);*
- *Были единичные случаи, когда среди тувинцев меня критиковали, что я говорю на русском среди тувинцев. Это очень редко было, может два-три раза... А еще однажды на юбилее одногруппницы по училищу я решила написать поздравление в общий чат на тувинском, и одна моя одногруппница сделала мне замечание... Она сказала, что я плохо владею тувинским языком... (Инф. 3Ж-66);*
- *В детстве нас обзывали, дразнили орус, потому что мы не говорили по-тувински... Вот дочь моя тоже жалуется, что в группе (в техникуме за пределами Тувы) у неё много тувинцев, все между собой хорошо общаются, а её не хотят принимать в свой круг, не слушаются её, хотя она у меня староста группы... (Инф. 6Ж-58);*
- *Если в больнице, например, человек славянской внешности или кто-нибудь обращается к очереди «кто последний?» на русском, ему никто не отвечает. Могут просто посмотреть на него и всё. А если, спустя какое-то время, подходит человек и спрашивает на тувинском, ему сразу отвечают... Иногда люди могут обсуждать на тувинском, например, какого-то человека, не знающего тувинский язык, при нем же... (Инф. 20Ж-23).*

Первопричину конфронтации в описанных ситуациях сложно определить. С одной стороны, присутствуют некоторые признаки межэтнического языкового конфликта (см. подчёркнутые слова и фразы в вышеуказанных репликах: «русский», «орус», «человек славянской внешности»). С другой стороны, в тех же

самых ситуациях эти признаки не исключают соответствующее отношение к представителям тувинского этноса, не владеющих этническим языком. Таким образом, в одних и тех же ситуациях в РТ возможно иметь дело как с межэтническим, так и с внутриэтническим языковым конфликтом, в зависимости от ситуации.

Поиск причин внутриэтнических языковых конфликтов, подразумевающих столкновение по языковому вопросу между представителями одного этноса [190], выявил актуальность проблемы территориальных вариантов номинации в тувинском языке. Так, одна из информантов упоминает довольно распространённый случай терминологического несогласия между носителями тувинского языка из западных и центральных районов Тувы:

- *Да, если по региону, то есть конфликты: есть у нас такой знаменитый вечный спор про муху и комара. Получается, в западной части Тувы мы говорим «муха (ымыраа) - это то, что жужжит, чёрное, толстое, летающее насекомое», а вот «комар (ыргак-сээк) - это насекомое, которое кусает человека. А вот люди, живущие в Улуг-Хемском районе, говорят наоборот. Этот неутихающий спор связан с тем, что составитель словаря – представитель Улуг-Хемского района... (Инф. 19Ж-23).*

В основе конфликта лежит «борьба» западных и центральных тувинцев за выбор опорного диалекта в качестве литературной нормы. Хотя в разрешении проблемы языкового сдвига это не играет большой роли, однако является одним из триггеров конфликтов между взрослыми носителями тувинского языка по территориальному признаку (Рис. 4 и Рис. 5).

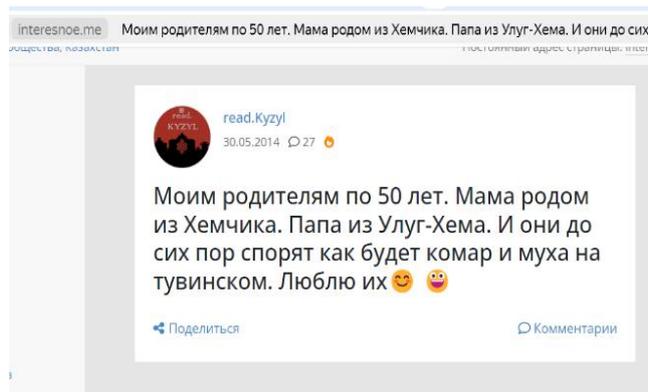

Рисунок 4. Публикация в социальной сети (сайт interesnoe.me)

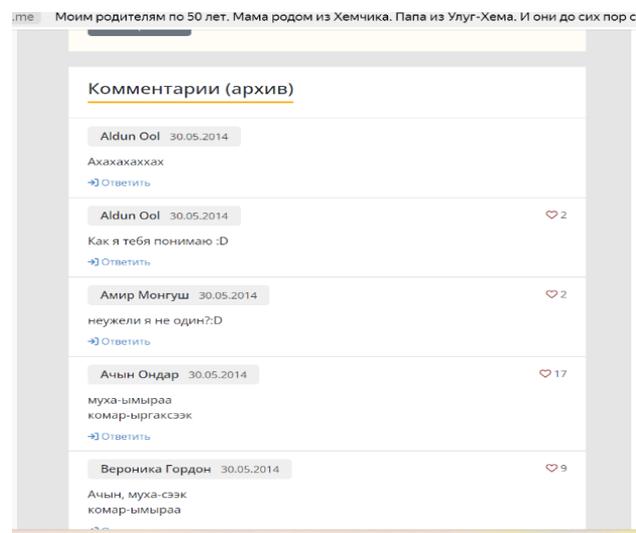

Рисунок 5. Комментарии к публикации на Рис. 4.

Кроме того, привлекают внимание случаи языковой конфронтации в тувинском интернет пространстве, связанные с негативными оценками одних носителей тувинского языка культуры речи других и с критическими замечаниями по поводу отклонений от норм литературного языка. Например, пост анонимного автора, опубликованного в сообществе «Женская группа. Тыва» в соцсети «Вконтакте» (от 24 февраля 2023 г.) на тувинском языке был прокомментирован 90 раз, примерно каждый десятый комментарий содержал резкую критику в отношении вкраплений на русском, смешивания русских и тувинских слов и фраз, орфографических и грамматических ошибок:

- *Я училась в русском классе, тувинский не изучала, но даже мне было сложно читать это;*

- ... как минимум ДОЛЖНА написать грамотно, не говоря уже о «фарше» русско-тувинских предложений. Либо на тувинском, либо на русском пишете, ну читать не возможно...;
- люди, у которых дети растут, должны знать ... важно воспитание в ребёнке грамотности, именно из-за таких родителей вырастают дети бестолочи...;
- ... РОДИТЕЛИ ... УЧИТЕ МАТЕРИАЛЫ, ПРОГРАММУ ШКОЛЬНУЮ ХОТЯ БЫ ДО 5-6 КЛАССА !!! (ЖГ, 24.02.2023).

Данная критика, в свою очередь, вызвала недовольство других читателей:

- ... ваши высказывания слишком категоричны. Если хотите, можете отдельный пост написать на эту тему;
- ... ничего не должна! Если заметили ошибки, просто пропустите. Нечего делать из этого проблему. Да, мне самой неудобно было читать, но прочитала. Неужели люди из-за грамматики не могут ничего писать? ... ПРОСТО ПРОПУСТИТЕ И ВСЕ! (ЖГ, 24.02.2023).

Тенденции активного реагирования на допускаемые ошибки в тувинской речи наблюдаются в тувинских сообществах мессенджеров (группа в Viber *Торээн дылым – чоргааралым «Мой родной язык – моя гордость»*, около 2000 подписчиков). Например, в записи от 14 июля 2023 г. один из пользователей высказывает критику в сторону речи дикторов местного телеканала на тувинском языке:

- ... грамотный тувинский язык должен начинаться с тувинского телевидения... Когда в эфире гостелерадиокомпании говорят на неправильном тувинском языке, народу сложно освоить правильный язык... (пер. с тув., Viber, ТДЧ, 14.07.2023).

Замечание находит отклик других пользователей:

- ... вы очень верно подметили ошибки в речи дикторов. Они, молодые люди и девушки, конечно, очень стараются, но с другой стороны, им необходимо еще работать над исправлением своих ошибок... Никогда не поздно учиться... (пер. с тув., Viber, ТДЧ, 14.07.2023).

или

- В первую очередь мы должны начинать с себя. Тувинский язык не появился с телевидением. (пер. с тув., Viber, ТДЧ, 14.07.2023).

Довольно часто пользователи данного сообщества выражают негативное отношение к лицам, поддерживающим со своими детьми, внуками и другими малолетними родственниками разговоры на русском языке. Один из членов группы делится наблюдениями за семьями своих знакомых (запись от 17 июля 2023 г., перев. с тув.):

- Есть такой момент, что люди преклонного возраста, проживающие в сельской местности, очень восторгаются, когда их внуки говорят на русском языке, всячески поощряют это стремление и поддерживают беседы с ними на русском языке. Не понимают, какая это беда... (Viber, ТДЧ, 17.07.2023) [78].

На уровне дискуссий языковых активистов в интернет-сообществе «Тыва дылым – чоргааралым» постоянно поднимаются темы образования и воспитания. В этих вопросах участников сообщества можно поделить на тех, кто возлагает вину за «невладение родным тувинским языком современных детей» на государство, а именно на его образовательную политику в части отмены обязательного обучения на родном языке / его изучения в школе; отсутствия необходимого количества часов, посвящённых изучению тувинского языка в детских садах и, с другой стороны, тех, кто возлагает ответственность исключительно на семью, родителей [там же].

Как правило, тревожатся о нормированности и чистоте языка лица, хорошо владеющие родным языком. В основном эта озабоченность проявляется в

реакциях (комментариях) в пабликах тувинского интернет-сообщества. Чаще они носят негативный, осуждающий характер. Естественно, что язык, как социальное явление, постоянно подвергается изменениям. Исследователь русско-тувинского билингвизма М.В. Бавуу-Сюрюн отмечает, что русский язык влияет на тувинский на уровнях лексики, грамматики, стилистики и фонетики [19, с. 116]. Кроме того, анализ публикаций в нескольких группах социальной сети Vk.com показал довольно низкий уровень письменного тувинского языка у жителей республики, для которых тувинский является родным и преобладающим в повседневной жизни. Наблюдаются нарушения норм письменного языка: усечения слов (*ус* вместо *улус*), пропуски гласных (*слр* вместо *силер*), слова на русском языке употребляются в соответствии с правилами морфологии тувинского языка (*папавыс* — наш папа, *обращениялаар* - обращаться) и т. д. Перечисленные явления с одной стороны говорят о снижении качества тувинской языковой среды, а с другой — все же демонстрируют неравнодушие к проблемам тувинского языка со стороны общества в лице людей старшего возраста. Разный уровень владения языковыми нормами тувинского языка, характерный для носителей старшей и младшей возрастных групп, неблагоприятно влияет на саму языковую среду и может усугубить негативные последствия языкового сдвига. Оздоровление языковой среды возможно при согласованных действиях общества и государства.

С одной стороны, существуют определённые проблемы функционирования тувинского языка в коммуникативном пространстве республики, представленные снижением уровня культуры речи, отклонениями от норм литературного языка, а также отношением к этим явлениям со стороны самих носителей тувинского языка. С другой стороны, учёные и тувинская общественность поднимают тему языкового сдвига, показателем которого является сокращение числа этнических тувинцев, говорящих на тувинском языке [42, с. 52]. Таким образом, поднимаются проблемы разных уровней: как внутри сообщества владеющих тувинским языком

жителей республики, так и на уровне владения / невладения тувинским языком жителями республики в целом.

Дискурс-анализ собранного материала выявил некоторые возможные причины этих конфликтов, которые сводятся к нескольким наиболее частотным ключевым аттракторам: «уважение / неуважение к родному языку», «дети, не знающие родного тувинского языка», «угроза тувинскому языку», «умрёт тувинский язык – не станет тувинского народа». Как видно, они являются распространёнными топосами, когда речь идёт об угрозе языковому благополучию. Таким образом, в основе языковых конфликтов среди носителей тувинского языка лежит тревога / обеспокоенность дальнейшей судьбой тувинского языка в связи с угрозой его витальности. По сути, возникающая между носителями тувинского языка напряжённость является «защитной реакцией» на наметившийся языковой сдвиг, что стимулирует его носителей к расширению его функций, особенно в таких нерегулируемых сферах как социальные сети и мессенджеры.

3.2. Тувинский язык и ценности этнической идентичности

Тесная взаимозависимость языка и этнической самоидентификации народа не может гарантировать стабильность состояния языка. Хотя РТ входит в число немногих субъектов России с «повышенным национальным самосознанием» [Губогло 2003: 239], а «тувинский язык является важным аспектом тувинской этничности» [74, с. 157], язык титульного этноса утрачивает свои позиции, что продемонстрировали результаты ВПН-2020. Высокий уровень языковой лояльности жителей по отношению к тувинскому языку и его демографическая

мощность, тем не менее, не помешали существенному снижению (на 12,5%) уровня его коммуникативного веса в последние два десятилетия. Учёные отмечают, что лица, владеющие тувинским слабо либо не владеющие им вовсе, указывают его родным, а себя – тувинцами [112].

Наши информанты, жители г. Кызыла, оценившие свой уровень владения тувинским языком как «не владею» (6Ж-58), «плохо» (5Ж-67), «бытовой» (1М-67) считают тувинский язык родным, причём два последних информанта указали его родным наряду с русским языком. Напротив, информант, низко оценивающий свой уровень ТЯ («не владею»), указал его единственным родным, отождествляя этническую принадлежность с языковой:

- *Раз родилась от родителей-тувинцев, значит, родным языком должен быть тувинский (6Ж-58).*

Опрошенные нами дети в возрасте 8, 9, 13 и 15 лет (информанты 21Ж – 24Ж, соответственно) указали родным ТЯ, однако двое из них признались, что им легче формулировать мысли на РЯ:

- *ТЯ что-то близкое, родное... Я лучше говорю на РЯ (инф. 24Ж-8; мать информанта оценивает уровень ее владения ТЯ как «бытовой»);*
- *Родной ТЯ я ценю... На РЯ мне легче выразить мысли (инф. 22Ж-13; родители информанта оценивают уровень владения ТЯ ребёнка как «средний»).*

В то же время другие дети отметили у себя одинаковый уровень владения как ТЯ, так и РЯ (родители 21Ж-15 и 23Ж-9 считают, что уровень их владения ТЯ «хороший» и «средний» соответственно). Лица, оценивающие свой уровень владения ТЯ как «хорошо», признают оба языка родными, т.е. уровень языковых компетенций не влияет на уровень языковой лояльности.

Если представители старшей возрастной группы билингвов (40-70 лет), независимо от уровня владения тувинским языком, отождествляют этническую и языковую идентичность, т.е. относят себя к тувинцам по национальному признаку

и указывают тувинский язык родным, то молодое поколение (10-40 лет) демонстрирует склонность к двойной языковой идентичности, указывая два языка родными. Причём чем моложе, тем чаще указывают оба языка родными, вероятно, вкладывая в понятие «родной язык» оба значения – как функционально первый язык, так и этнический язык.

Городские дети тувинской национальности дошкольного и младшего школьного возраста, для которых русский является либо функционально первым, либо единственным языком общения, порой демонстрируют склонность к самоопределению себя русскими, по-видимому, не различая языковую и этническую принадлежность в силу раннего возраста. Историей из своей жизни поделилась информант:

- Сын 7 лет не говорит на тувинском. Во дворе он играет и с русскими, и с тувинскими мальчишками. Однажды он мне рассказывал про своего друга Айрата, которого назвал «тувинцем». Я удивилась, спрашиваю у него: «Если Айрат тувинец, то ты кто?», а он мне ответил, что он русский. Я начала уточнять, почему. Оказывается, он назвал Айрата тувинцем, потому что тот говорит на тувинском, а мой сын считал себя русским, потому что на тувинском не говорит. Вот так вот. (Инф. 12Ж-38)

В работе [135] описан случай, когда в результате обследования учащихся начальных классов кызылских школ в 2020-21 учебном году, выяснилось, что 29 из 154 тувинских детей идентифицировали себя как русских.

Так, при определённых условиях (городская русская школа, этнически неоднородная смешанная среда, ранний возраст) может наблюдаться изменение соотношения компонентов-концептов в связке «тувинский язык – тувинская этничность» в зависимости от возраста ТР и РТ билингвов: поколение молодых РТБ чаще демонстрирует двойную языковую идентичность по сравнению с РТБ старшего поколения. Существует феномен сдвига этнической

самоидентификации детей-тувинцев, являющихся русскоязычными монолингвами.

Фиксация изменения соотношения компонентов языковой и этнической самоидентификации ТР и РТ билингвами представляется важной ввиду высокой внутриэтнической языковой конфликтности между носителями тувинского языка. Как уже было упомянуто ранее (см. параграф 3.1), основными причинами этих конфликтов являются изменения ценностных ориентаций, которые в свою очередь, по мнению авторов работы [46], являясь следствием утраты или ослабления тувинского компонента билингвизма, могут привести к ослаблению у детей ценности идентичности – важнейшего условия для жизнеспособности языка. Этим объясняется тенденция увеличения долей РТБ, функционально-первым языком (L1) которых является русский, и русскоязычных монолингвов среди тувинцев.

Таким образом, процесс ослабления позиций тувинского языка связан с комплексом взаимосвязанных проблем, включая трансформацию этноязыковой самоидентификации тувинцев, внутриэтническую языковую конфликтность в процессе межпоколенческой коммуникации и т.д. Анализ контента и дискурса соцсетей (см. в п. 3.1.2.), дополненный результатами анализа нарратива языковых биографий, выявил наличие следующих наиболее проблемных моментов, связанных с тувинским языком и этнической идентичностью: 1) по мнению представителей старшего поколения, со стороны молодого поколения тувинцев исходит неуважительное / беспечное отношение к «родному», этническому ТЯ, выраженное в нарушении норм литературного тувинского языка; 2) не все молодые тувинцы считают ТЯ единственным родным, русский язык для некоторых из них является также родным, зачастую функционально первым языком, что свидетельствует о составном (двойном) характере их этноязыковой идентичности; 3) рост числа русско-тувинских билингвов с русским языком в качестве L1 и тем более русскоязычных монолингвов в тувинских семьях

вызывает беспокойство у представителей старшего поколения языкового сообщества, что побуждает последних к применению «жёстких мер», например, к проявлению языковой дискриминации или языкового пуризма, очевидно, в связи с непониманием сложности и противоречивости протекающих социолингвистических процессов. Причём данные ВПН-2020 (см. п. 2.5.) количественно подтверждают тезисы об увеличении доли русскоязычных монолингвов не только в группах детей дошкольного и младшего школьного возраста, а в целом среди молодёжи.

3.3. Тувинский компонент в лингвистическом ландшафте города Кызыла

Понятие «языковой ландшафт» или «лингвистический ландшафт» стало использоваться сравнительно недавно и является объектом изучения лингвогеографии – раздела языкознания, изучающего территориальное распространение языковых явлений. Если *ландшафт* представляет собой некий рельеф земной поверхности или определенный вид местности [200], то *языковой ландшафт* подразумевает представленность языковых знаков в общественном пространстве. Языковой или лингвистический ландшафт (ЯЛ или ЛЛ) также представляет собой область исследования различных языковых единиц, выполняющих определённые функции в городской среде. В научной литературе, помимо терминов «языковой ландшафт», «лингвистический ландшафт», встречаются понятия «лингвистический пейзаж», «языковой ареал» и др., которые в целом синонимичны. Лингволандшафтные исследования носят многоаспектный характер и являются предметом интереса социологов, социальных психологов, социолингвистов, психолингвистов и представителей других научных дисциплин.

О происхождении термина *linguistic landscape* см. в п. 1.5.3.

Мы рассматриваем ЯЛ как один из параметров, определяющих ЯС и развитие регионального билингвизма. При изучении и описании ЯЛ в условиях города к определяющим его критериям учёные относят: типы письменных знаков; представленность языков; тематические области; пространственные характеристики текста – место расположения, размер надписи, окружение [131, с. 42-44]. Знаки могут различаться по направленности деятельности: муниципальные (имеющие отношение к местным администрациям), коммерческие (реклама, ярлыки, ценники), трансгрессивные (продукты индивидуального творчества, например, граффити) [там же]. Наружной рекламой считаются рекламные средства в виде вывесок, баннеров, щитов, световых установок на зданиях и обочинах дорог и т.д. Информационные вывески, расположенные при входе в магазин или организацию сферы услуг, содержащие только наименование, режим работы и адрес, рекламой не являются.

Согласно Федеральному закону «О рекламе» [207], на все вывески – и рекламные, и информационные – необходимо получать разрешение от городской администрации. За соблюдением законодательства следит Федеральная антимонопольная служба (ФАС). Информационные вывески, располагающиеся при входе в учреждение, организацию или магазин, согласования не требуют и размещаются согласно требованиям ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей» [94]. Рекламная вывеска имеет другое назначение, поэтому устанавливается в соответствии с законом о рекламе.

В работах Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России при Институте языкознания РАН предлагается понимать языковой ландшафт несколько шире, добавив к его определению не только текстовые надписи, объявления и вывески, но и голосовые сообщения [109]. В нашей работе мы учитываем все указанные виды ЯЛ.

В классификациях ЯЛ различают *статичный* и *динамический* виды. Все

перечисленные выше типы относятся в основном к статическому языковому ландшафту. Динамический ландшафт – стихийное явление, наблюдаемое во время мероприятий, демонстраций, митингов, например, в виде лозунгов. Однако для городского ЯЛ в целом характерна подвижность: если названия городских объектов в официальной сфере, например, улиц или госучреждений в большинстве своём сохраняют статичность, то названия и / или местоположение торговых объектов характеризуются большей изменчивостью.

В статье 13 п. 2 Закона «О языках Республики Тыва» об использовании языков в официальном делопроизводстве указано, что «тексты печатей, штампов, штемпелей и вывесок с наименованиями государственных органов и учреждений оформляются на государственных языках Республики Тыва» [94]. Адресные таблички различных учреждений, в соответствии с местным законодательством, должны быть представлены на двух языках – на РЯ, и дублироваться на ТЯ.

В государственной программе «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021-2024 гг.» также была отражена проблема развития ЯЛ: «сохраняет свою остроту вопрос создания единого каталога названий географических объектов Республики Тыва на тувинском и русском языках, оформления уличных и дорожных указателей, вывесок на фасадах зданий государственных и муниципальных учреждений, оформленных на двух государственных языках Республики Тыва, организации информационного обслуживания населения на территориях и в помещениях автовокзалов и аэропортов на двух государственных языках Республики Тыва» [173].

ЯЛ города Кызыла до недавнего времени практически не рассматривался в социолингвистическом плане – лишь в 2024 году вышла статья коллектива авторов [212], в которой представлены результаты сопоставительного исследования языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ на основе анализа регионального языкового законодательства и интерпретации визуальной текстовой информации (вывесок, табличек, объявлений и т. д.). Исследователями

было выявлено, что тувинский язык «сильно (почти в 10 раз) уступает по представленности русскому, и немного даже английскому языку» [там же, с. 23]. При этом авторы не видят существенной разницы в представленности тувинского языка в ЯЛ столицы Тувы – будь то центральная улица города или его периферия. Отмечены некоторые нарушения требований действующего республиканского языкового закона [95] в большинстве случаев в части расположения текстов в оформлении наименований госучреждений (в норме тексты на тувинском слева или сверху, на русском – справа или снизу), в двух случаях из восьми отсутствуют продублированные на тувинский язык таблички с названиями госучреждений и графиками их работы [212, с. 26]. Действительно, не считая официальной сферы (госучреждения), развитие ЯЛ города Кызыла с отсутствием единой концепции в его оформлении и при количественной русскоязычной доминанте является стихийным.

Тем не менее, мы считаем, что использование только количественных методов в социолингвистических лингволандшафтных исследованиях не всегда оправдано, так как они не всегда отражают реальную картину функционирования языка (языков) в обществе. С другой стороны, «распространённость тувинского языка в устной форме не гарантирует его пропорциональной представленности в языковом ландшафте» [там же, с. 28].

Законодательная база, регулирующая использование языков в текстах в общественных пространствах города Кызыла РТ, включает в себя федеральные законы: «О языках народов РФ» [93], «О государственном языке РФ» [205], «О рекламе» [206; 207], «Об объектах культурного наследия народов РФ» [204], «О защите прав потребителя» [94] и пр.; конституции и законы о языках республик РФ: в Туве Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» [95]; другие нормативные акты, принятые на местном (муниципальном) уровне (например, решения Хурала представителей г. Кызыла «Об утверждении правил благоустройства территории городского округа «Город Кызыл Республики Тыва»

или «Об утверждении порядка присвоения наименований и переименования улиц, скверов, площадей и других топонимических объектов на территории городского округа «Город Кызыл Республики Тыва»).

В соответствии с нормами законодательства, русский язык должен обязательно присутствовать в элементах ЯЛ того или иного населённого пункта. Государственные языки республик РФ, наряду с другими языками народов РФ, а также иностранными языками, могут использоваться при условии их идентичного по содержанию и техническому оформлению перевода с русского языка, что входит в сферу ответственности субъектов, т. е. регулируется языковым законодательством республик РФ. Как показывает анализ закона о языках РТ, императивная норма в использовании обоих государственных языков относится только к госучреждениям и не предъявляет требований к коммерческим организациям и предприятиям, что частично объясняет минимальное использование тувинского языка в текстах торговых и коммерческих вывесок.

Анализ контента интернет-страниц СМИ и надзорных органов вывел на ряд правонарушений, связанных с одноязычным представлением информации. Например, в публикации в онлайн-версии издания «Комсомольская правда» [175] описывается случай размещения рекламных конструкций с текстом о предстоящем выступлении ансамбля «Саяны» и группы «Тыва» в Доме народного творчества только на тувинском языке, без перевода на русский язык. Подчёркивается, что «подобный факт, к сожалению не единичный, нарушает требования законодательства о межнациональных отношениях в части использования государственного и национального языков. В данном конкретном случае были нарушены конституционные права граждан, не владеющих тувинским языком» [там же]. Очевидно, что объявление было лишь обращением к потенциальному зрителю, и не имело под собой политической подоплёки. На сегодняшний день в ЯЛ Кызыла «афиши концертов, спектаклей, выставок и т. п. оформляются исключительно на русском языке» [212, с. 27] – возможно, в связи с

необходимостью экономии расходных материалов на выпуск двуязычных афиш, а возможно, как следствие выявленных правонарушений и наложенных штрафных санкций.

В публикации «Тувинской правды» [192] говорится, что в одном из районов РТ «при ведении делопроизводства в органах местного самоуправления допускаются нарушения федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», связанные с изданием отдельных нормативных актов на тувинском языке, без перевода на русский» [там же]. Подобные ситуации обусловлены отсутствием русскоязычной среды в отдалённых районах Тувы, что является причиной низкого уровня владения их жителями русским языком. С другой стороны, это говорит об особенностях языковой ситуации в этих районах (вынужденный монолингвизм), где на местном уровне ТЯ сохранился в качестве доминантного даже в сфере делопроизводства, что является показателем высокой инструментальной ценности ТЯ на местном уровне.

В другом материале описывается акт нарушения республиканского языкового законодательства – отсутствия вывески на тувинском языке: «Как сообщает официальный сайт прокуратуры Республики Тыва, в Каа-Хемском районе в целях соблюдения закона «О языках в Республике Тыва», местную ДЮСШ обязали оформить вывеску надлежащим образом. До прокурорской проверки она была оформлена только на русском языке. После внесения представления на имя руководителя учреждения, нарушение было устранено и наименование школы было написано на русском и тувинском языках» [176].

В 2020 году Управление Федеральной антимонопольной службы (ФАС) по РТ выявило рекламный буклет в виде каталога на тувинском языке, содержащий информацию о проведении розыгрыша подарков магазином «Хозмаркет». В решении к делу ФАС ссылается на положения законов «О рекламе» и «О государственном языке РФ» [181].

К важности частных и общественных инициатив, роли общества в

формировании и реализации языковой политики апеллируют учёные и языковые активисты [22; 212]. Результаты проведённых нами интервью с жителями Кызыла показали, что «люди особо не обращают внимания на тексты вывесок», наличие их перевода на тувинский язык и ошибок в тувинских переводах (инф. 1Ж-72), им *«достаточно знать, что в стенах здания находится та или иная организация»* (инф. 2М-64). Норма законодательства о необходимости иметь двуязычные вывески на зданиях госучреждений считается достаточной мерой (инф. 19Ж-23), а идея перевода урбанонимов (например, годонимов и др.) является *«бессмысленной», «дорогостоящей»*, также как разъяснительная работа с частными предпринимателями в этом же направлении – *«сомнительной и малоэффективной»*, и, соответственно, данные мероприятия *«принесут дополнительные расходы»* представителям бизнеса (инф. 5Ж-57). В то же время, были высказаны пожелания видеть названия продуктов в магазинах, рекламу на тувинском языке (инф. 7Ж-59; 12Ж-38).

Общественное мнение и пожелания населения в части лингвистического ландшафта были учтены в положениях Стратегии [202]: определены конкретные направления работы в плане организации ЯЛ: 1) в сфере законодательной деятельности – организация двуязычного языкового пространства с помощью законодательных и законотворческих механизмов; 2) в других официальных сферах – *«создание информационных сообщений на официальных сайтах организаций на двух языках»; «в предпринимательской деятельности: на этикетках продукции, производимой на территории Республики Тыва описание осуществлять на двух языках: тувинском и русском»*); 3) в неофициальных сферах общения – *«создание тувиноязычного языкового ландшафта и окружения в общественной жизни»* [там же].

Таким образом, федеральными и региональными органами власти строго регламентируется соблюдение федерального законодательства в части обязательного использования в официальном ЯЛ русского языка, с одной

стороны, и есть запрос от общества на включение тувинского компонента в языковой ландшафт города Кызыла, не только на официальных вывесках, но и в сфере торговли, в коммерческой рекламе. Последнее было учтено региональными властями при планировании языковой политики и нашло отражение в тексте Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в период 2024 – 2032 гг. [202].

3.4. Языковой ландшафт города Кызыла в виртуальном измерении

3.4.1. Языковой ландшафт в пространстве соцсетей и мессенджеров

Активное использование средств интернет-коммуникации жителями Тувы, рост количества интернет-сообществ, основным языком общения в которых является тувинский [78], обусловили развитие и виртуального языкового ландшафта (*digital linguistic landscape*) в социальных сетях и мессенджерах. Нерегулируемая законодательством сфера межличностного общения и отсутствие жёстких правовых норм в отношении социальных сетей и мессенджеров, с возможностями охвата большого количества людей и моментальной передачи информации, а также неограниченности объёма передаваемой информации, способствовали развитию своеобразного виртуального пространства и виртуального языкового ландшафта (ВЯЛ). Выше говорилось о том, что городские афиши представлены исключительно на русском языке (см. п. 3.3). Однако представители тех же учреждений культуры, в ситуациях обращения к целевой аудитории в виртуальном пространстве, объявляют о предстоящих

мероприятиях на тувинском языке. Например, в публикации от 16 апреля 2024 года в публичной группе *Бугу тыва чон* (БТЧ, Viber) анонсируется концерт «Аалывыс аялгазы», который пройдёт в Музыкально-драматическом театре 25 апреля 2024 года в 19.00. Объявление состоит из двух частей: во-первых, макета афиши, вероятно, существующей в физическом ЯЛ города, а во-вторых, содержательного качественного текста на тувинском языке с обращением к аудитории, обозначением цели проведения мероприятия, с указанием места и времени проведения, а также со ссылкой на сервис покупки билетов онлайн. Не редки случаи проведения акций, розыгрышей на тувинском языке в социальных сетях и мессенджерах.

В публичных тувинских сообществах в мессенджере Viber в последнее время отмечается тенденция дублирования информации на русском языке. Особенностью таких объявлений является то, что за длинным и экспрессивным текстом на тувинском языке следует его весьма лаконичное и нейтральное содержание на русском языке:

- *Эн чаптанчыг 2 хардан тура самнаар чаптар Театры «Энерел» силерни кичээлдеринерче болгаи оюн-тоглааларынче чалап тур!!! Акция! Уруунарны богун бижиттирип алыр болзунарза июньга чедир болур концерттерге киржип четтигиптер. Ам толевири 3999 р. болур! - Сегодня и завтра проходит акция: 3999 р. вместо 5000 р. (Пер. текста с тув. авт. Д.Ч.: Приглашаем самых милых малышей в возрасте от 2 лет на наши творческие занятия с играми и танцами в театр балета Энерел!!! Объявляется акция! Если вы записываете ребёнка сегодня, то малыш успеет поучаствовать во всех наших концертах до июня! И только при оплате сегодня – стоимость составит 3999 р.!).* (Группа «Кружки и секции», Viber, 4668 подписчиков, 21.03.2024).

Как и в вышеописанном случае, многое из того, что не нашло проявления в физическом ЯЛ в связи с существующими ограничениями, отражается в ВЯЛ.

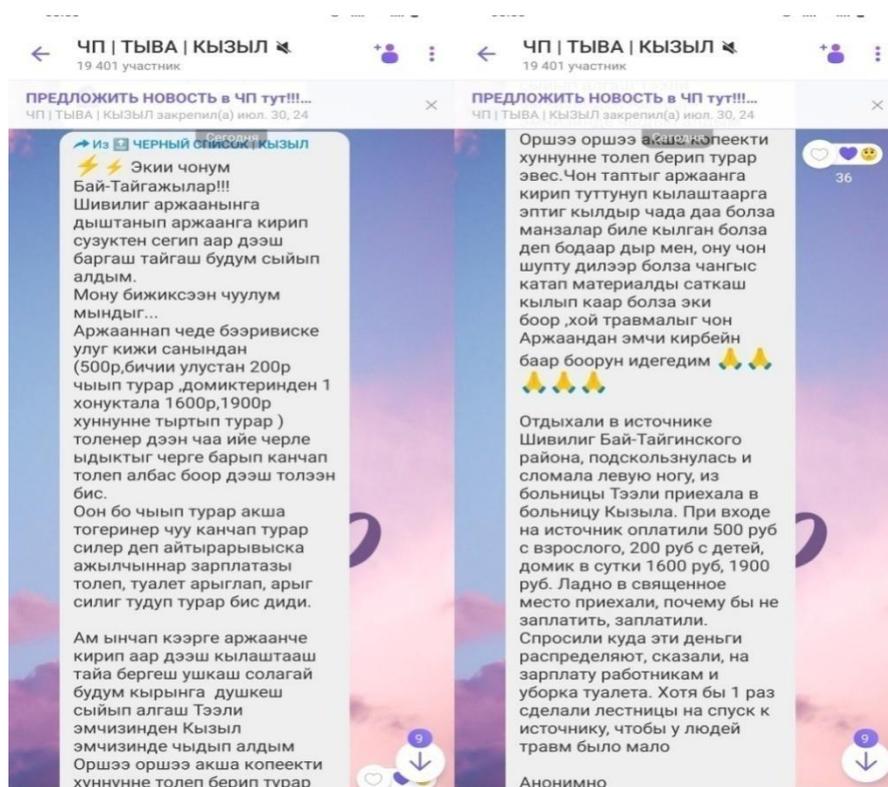

Рисунок 6 – предостережение на ТЯ с кратким переводом на РЯ в группе Viber «ЧП | Тыва | Кызыл» с более 19 тыс. участниками от 18.08.2024 г.

Многочисленные местные виртуальные группы частных объявлений характеризуются динамичностью и стихийностью в использовании государственных языков РТ. Тувинский компонент является доминирующим в таких виртуальных сообществах, особенно в тех, которые связаны с традиционным укладом жизни (*Эрес-кежээ малчыннар* в переводе с тув. 'активные животноводы', 2448 участников, Viber²¹; *Ак баштыглар оргээзи* перев. с тув. как 'сообщество седовласых / старейшин', 1382 участника, Viber). Двухязычные объявления в ВЯЛ соцсетей и мессенджеров встречаются как в сфере культуры и искусства, так и в сфере оказания юридических услуг, например, в адвокатских и риелторских услугах, помощи при оформлении различных документов, регистрации бизнеса и т. д. Однако стихийность, динамичность, изменчивость местных публичных групп мессенджеров усложняет процесс исследования ВЯЛ в комплексе. Применение комбинированных качественно-

²¹ 13 декабря 2024 г. сервис Viber был заблокирован на территории РФ. Группа с одноименным названием была создана на базе сервиса Telegram (375 участников на 31.01.2025 г.). См. об этом в п. 3.1.1.

количественных подходов (дискурс-анализ, контент-анализ) позволяет не только увидеть общественные тренды и ВЯЛ, но и выявить определённые «болезненные» темы, этно-, социолингвистические проблемы.

Хотя на данный момент использование языков в рекламе в мессенджерах не регламентируется, государство планомерно вырабатывает механизмы по регулированию Интернета в России (см. об этом в [207]), поэтому перечень ограничений в области рекламы и в особенности интернет-рекламы не является исчерпывающим; нет гарантий того, что действующие нормы федерального языкового и рекламного законодательства не коснутся ВЯЛ.

Таким образом, область социальных сетей и мессенджеров тувинского интернет-пространства варьируется от монолингвальных тувиноязычных групп до русскоязычных, что обусловлено возрастными и территориальными параметрами их пользователей, а также сферами их интересов. Мы привели в пример сообщества с преобладающим тувинским компонентом, участниками которых являются представители старших поколений тувинцев, а также сельские жители. Двуязычные сообщества, как показал анализ, имеют более широкий охват разновозрастного населения, и ориентированы на потенциального потребителя (объявления, реклама, новости).

3.4.2. Онлайн-карты как виртуальное отражение реального ландшафта

Ввиду неизмеримости понятия виртуального пространства мы ограничимся анализом данных онлайн-карт сервисов *2Гис*, *Яндекс.Карты*, с сайта *Mapdata.ru*, а также объявлениями в виртуальных сообществах – местных публичных группах в мессенджере Viber.

Тема изучения онлайн-карт в лингволандшафтных исследованиях рассматривалась в работах некоторых зарубежных учёных [239; 264]. По мнению [239, с. 228], цифровая карта представляет собой не только «наглядное пособие и методологический инструмент, но и также является средством передачи знаний о существовании языков и их носителях». Мы рассмотрим ЯЛ Кызыла в указанных онлайн-картах лишь с точки зрения присутствия в нем тувинского компонента и перечислим очевидные тенденции в развитии ВЯЛ. В рамках данной работы не предусматривается подробный количественный и качественный анализ языковых знаков, хотя перспективность такого рода исследований не подлежит сомнению.

При обращении к онлайн-карте Кызыла в сервисе *2Гис* можно увидеть только названия улиц и зданий, а наименования этих объектов не имеют буквенного обозначения (нет слов «улица», «переулок» и т. д.). Объекты торговли, заведения общественного питания и другие объекты городской инфраструктуры также не обозначены буквенно, однако распознаются с помощью характерных графических символов (иконок). На карте сервиса *Яндекс.Карты* присутствуют сокращённые обозначения «ул.», «пер.» перед или после названия улицы / переулка, характер деятельности других объектов также обозначен иконками. Таким образом, при изучении онлайн карт визуально выделяются только названия объектов, а не полные наименования, характеризующие вид их деятельности, что объясняется требованиями максимально лаконичного изложения.

Достаточно информативным в плане предоставляемого материала по количеству улиц в российских городах является сайт *mapdata.ru*. Источник приводит подробный список названий улиц, который даёт возможность проанализировать топонимы города (в т.ч. *годонимы* – названия улиц, проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий и т. д., *агоронимы* – названия площадей и других открытых пространств) в ракурсе представленности компонентов дву-, многоязычной системы в количественном соотношении. По

данным сайта, в апреле 2024 года в Кызыле 352 улицы, в названиях 74 (ок. 21%) из которых присутствует тувинский компонент: улицы Чульдума, С. Тока, О. Курседи, Кечил-оола, О. Лопсанчапа, Каа-Хем, Мугур, Тонмас-Суг и т. д., находящиеся в центральной части города или приближенных к центру районах (так называемая «старая» или историческая часть города); улицы Ш. Куулара, С. Сарыг-оола, О. Саган-оола, Л. Чадамба, В. Оскал-оола, Ю. Аранчына, Б. Сата, М. Сата, М. Байыскылана, К. Дажы-Серена, К. Тулуш, С. Тоючука, М. Сундуя, К. Дончута, О. Оолака, М. Хомушку, Хемчик, Буура и др., находящиеся на периферии, в новых районах в южной и юго-восточной частях города. Сравнение этих сведений с данными того же сайта по количеству, например, хакасских годонимов в ЯЛ города Абакана (лишь 25 из 418 улиц, что составляет около 6%), позволяет говорить о сравнительно высокой доле тувинского компонента в названиях кызылских улиц. Рассмотрение особенностей создания номинаций и аспектов стрит-нейминга в городе Кызыле в данной работе не предусматривается (см. об этом в [161; 177]).

В процессе изучения онлайн-карт нами была выявлена тенденция увеличения доли тувинского компонента в названиях улиц в новых районах Кызыла. Например, в названиях объектов (годонимов) относительно нового района, который застраивается в последнее десятилетие и расположен в квадрате магистральных улиц Бай-Хаакская, Магистральная, 75-летия Победы и улицы Чагытайская, 8 из 13 названы в честь известных тувинских деятелей Владислава Даржа, Бурзекея Сата, Оюна Туметея, Максима Мунзука и других известных общественных и политических деятелей Тувы.

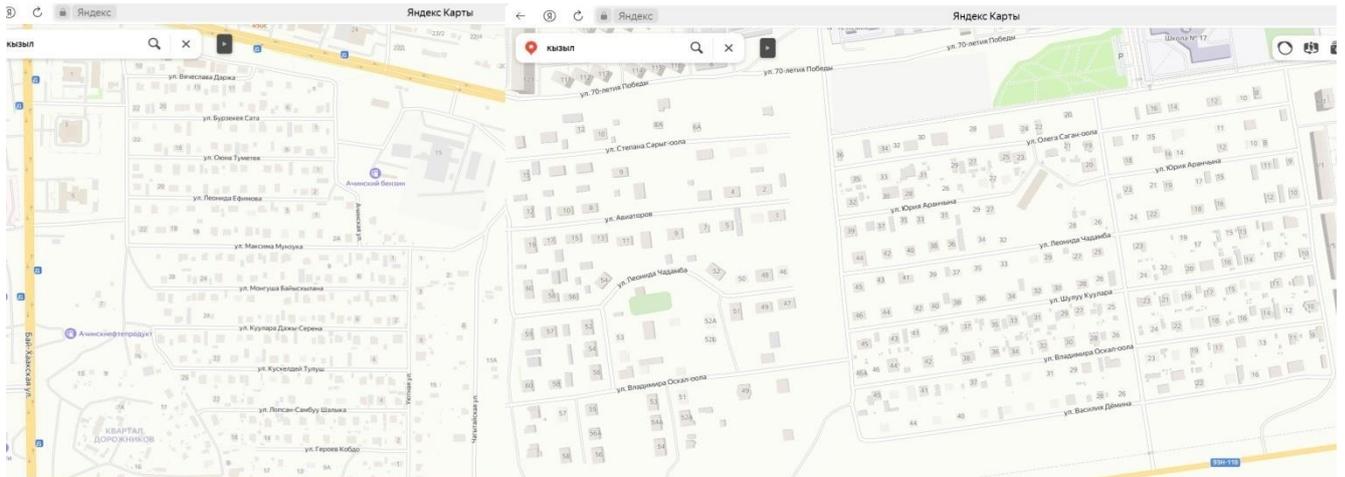

Рисунок 7 – изображение карт г. Кызыла на участках ул. Бай-Хаакская – Магистральная – Интернациональная; Магистральная – Полигонная – Эрзинская, с онлайн-сервиса

Приведённый выше фрагмент онлайн карты сервиса «Яндекс.Карты», отражает представленность тувинского компонента в области наименований как учреждений культуры, спорта, полиграфии, так и других объектов городской инфраструктуры с использованием имён известных личностей:

- Музыкально-драматический театр им. В. Кок-оола;
- Национальный музей РТ им. Алдан-Маадыр;
- Тувинское книжное издательство им. Ю.Ш. Кюнзегеша.

Также в ВЯЛ города заметны объекты, в наименовании которых содержится тувинский компонент:

- ЖК «Монгун»;
- спортивный комплекс «Субедей»;
- кинотеатр «Найырал»;
- клиники «Алдан», «Айдыс»;
- кафе «Чалама», «Ак-Хем» и др.;
- ресторан «Чеди-Хаан» и др.;
- гостиницы «Монгулек», «Одуген», «Буян-Бадыргы»;
- парикмахерская «Эрес»;
- рекламное агентство «Шевер»;

- типография «Аныяк»;
- магазины «Сайзанак», «Солангы», аптеки «Алдын», «Ачылыг», «Эртин», «Буянныг»;
- гастроном «Азас»;
- торговые дома «Олчей», «Белек» «Курай» и т. п.

Тувинские названия объектов, особенно улиц, заметные жителям других регионов страны, являются особенностью Кызыла, его отличительной чертой.

При изучении онлайн-карт Кызыла привлекает внимание ещё одна характерная для ЯЛ многих российских городов черта – наличие иноязычного компонента в названиях заведений общественного питания в центральной части города (SushiSell, Izumi, Tiramisu и т.п.).

В исследованиях ЯЛ онлайн-карты достаточно информативны с точки зрения технических возможностей (наличия изображений объектов, сведений о графике работы, возможности выбора вида карты – схематического, спутникового, гибридного), интерактивны (жители и гости города вовлечены в процесс создания и развития контента карт, имеется возможность обратной связи в виде отзывов). В плане предоставляемых возможностей онлайн-карты могут отличаться друг от друга: например, если в системе *2Гис* отзыв на кинотеатр Найырал на тувинском языке был опубликован моментально, то в системе *Яндекс.Карты* он проходит через довольно длительный процесс модерации.

Таким образом, при наличии ряда положительных характеристик онлайн-карт, в процессе их применения в лингволандшафтных исследованиях стоит обратить внимание на их пространственную ограниченность – они отражают лишь часть реального языкового ландшафта, предоставляя довольно ограниченный обзор того или иного объекта при наличии фотографии или иногда вовсе не даёт такой возможности при отсутствии изображений и другой информации по объекту на карте. Кроме того, значительно ограничен обзор знаков (вывесок, рекламных плакатов, объявлений) реального ЯЛ, что особенно

актуально в оживлённых местах с высокой концентрацией торговых объектов.

ВЯЛ, являясь отражением ЯЛ в реальном пространстве города Кызыла, имеет свои особенности, обусловленные характером виртуальной среды.

Таким образом, лингволандшафтные исследования носят междисциплинарный характер и, соответственно, требуют применения комплексного подхода. Соотношение компонентов билингвальной системы в ЯЛ города Кызыла говорит о доминанте русского языка в официальной сфере, что обусловлено нормами федерального законодательства об обязательном использовании русского языка как государственного на территории РФ и отсутствием требования об использовании тувинского как государственного языка субъекта РФ в сфере торговли. Тем не менее, ряд выявленных в период 2013-2020 гг. правонарушений в сферах торговли, культуры и официального делопроизводства, а также мнения жителей Кызыла свидетельствуют о реальном запросе общества на использование тувинского языка. Частично общественные запросы учтены в процессе планирования деятельности и направления языковой политики в РТ - в Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в РТ на период 2024 – 2033 гг. [202].

Следует отметить дефицит работ по проблематике лингволандшафтных исследований в РТ: недостаточная изученность ЯЛ города Кызыла с одной стороны и необходимость развития области изучения ВЯЛ, а также выработка новых методов исследования, с другой. Смешанная методика использования интернет-технологий (онлайн-карт) и анализа дискурса соцсетей / мессенджеров расширяет область лингволандшафтных исследований. ВЯЛ Кызыла, также в меньшей степени обусловленный официальным и неофициальным дискурсами, обладает большей динамичностью и гибкостью. Выявлена тенденция увеличения доли тувинского компонента в названиях городских улиц в последнее десятилетие, а результаты изучения текстов объявлений в публичном пространстве мессенджеров свидетельствуют не только о расширении сфер

функционирования тувинского языка, но и в целом об инструментальной востребованности тувинского языка в местном сообществе.

3.5. Перспективы развития билингвизма в Туве

Исследование регионального двуязычия в РТ в социолингвистическом аспекте внесло некоторую терминологическую ясность при определении видов и подвидов ТРБ и РТБ, но также выявило проблему дефицита смысла или же, наоборот, перегруженности некоторых дефиниций билингвизма. Как и сам язык, двуязычие не является каким-то фиксированным или стабильным феноменом, оно обладает динамичностью, изменчивостью форм, поэтому требует постоянного наблюдения и научного анализа, и, соответственно, изначально подразумевает наличие исследовательского потенциала.

Чтобы говорить о перспективах развития билингвизма в Туве, необходимо проанализировать динамику развития ЯС в период с начала двуязычия коренного этноса до наших дней. Так, за сравнительно недолгий срок массового двуязычия тувинцев соотношение компонентов-идиомов ТРБ и РТБ постоянно менялось, то принимая относительно благоприятную (сбалансированную) форму, то смещаясь в «неблагоприятную» сторону (с утратой одного из языков или слабым усвоением литературных форм и первого, и второго).

Исходя из актуальной на данный момент ЯС, уязвимым компонентом-идиомом официального русско-тувинского билингвизма в РТ в сколько-нибудь отдалённой перспективе, видится тувинский язык. Недооценка роли института национальной школы может привести к необратимым последствиям: «в ближайшей перспективе культурная жизнь народов России может остаться без

профессиональных «семиотических работников», обладающих должными языковыми компетенциями в идеоэтническом смысле» [230, с. 9]. Традиционно в условиях РТ системы школьного обучения и дошкольного воспитания являлись важнейшими регулируемыми сферами функционирования ТЯ.

Несмотря на кажущееся активное функционирование ТЯ в сфере межличностного общения, учёные и носители языка также констатируют процессы прерывания межпоколенческой передачи родного (тувинского) языка младшим поколениям в семьях. Отмеченные в трудах учёных [34; 46] процессы изменения традиционных ценностных смыслов ведут к ослаблению тувинского компонента ТРБ, в связи с чем «можно прогнозировать постепенное увеличение доли тувинско-русских билингвов, в языковом репертуаре которых русский язык перейдет в категорию L1, вытеснив тувинский язык в категорию L2» [46, с. 82]. Причём данный сценарий «предпочтительнее перехода к русскому монолингвизму ценой отказа от родного языка» [там же]. Авторы работы предлагают создавать условия для изучения ТЯ в зависимости от исходного уровня языковых компетенций – как функционально первый или функционально второй, а также предоставить возможность введения в содержание образования (в районах, где есть такая потребность) программ обучения РЯ как функционально второму языку.

Тем не менее, наблюдаются и позитивные тренды, способные если не остановить, то хотя бы несколько замедлить процесс языкового сдвига – принятие Стратегии государственной поддержки развития ТЯ на период 2024-2033 гг. Данный документ носит концептуальный характер, пока что являясь той самой обозримой перспективой, «видом желаемого будущего», на который региональная ЯП будет ориентироваться при принятии решений в области развития двуязычия. Другое дело, что обозначенные в Стратегии цели и задачи могут вызывать вопросы. Например, в числе приоритетных ставится задача «развития паритетного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма в

Республике Тыва». Под паритетным подразумевается вид двуязычия, когда оба контактирующих языковых коллектива, в ситуации РТ это тувинцы и русские, овладевают обоими языками, соответственно, русским и тувинским. Актуальный уровень двуязычия в Туве носит иной характер – в число РТБ мы бы отнесли этнических тувинцев, для которых ТЯ является функционально вторым языком. При условии, что ТРБ и РТБ будут развиваться «паритетно» в коллективах тувинских и русских монолингвов (а в число последних входит в среднем чуть более 10% детей и молодёжи коренных тувинцев до 30 лет), данное положение может быть уместным. Текст документа может быть скорректирован для внесения глоссария терминов и других уточнений во избежание противоречий с принципами принятыми в 2024-2025 гг. Основ государственной языковой политики РФ [Указ 2025] и Концепции государственной языковой политики Российской Федерации [Распоряжение 2024], представляющих собой систему взглядов на современное состояние, принципы, цели и задачи государственной языковой политики, а также на инструменты и механизмы её реализации.

Таким образом, активное развитие цифровой среды на ТЯ представляет важный ресурсный потенциал позитивного развития билингвизма с паритетным использованием тувинцами двух государственных языков РТ.

Выводы по третьей главе

Заключительная глава исследования посвящена анализу функционирования тувинского языка в цифровом пространстве, языковом ландшафте города Кызыла, рассмотрению его этнического аспекта в контексте перспектив развития билингвизма в РТ. Проведённые нами последовательно с 2021 по 2024 гг. исследования контента социальных сетей и мессенджеров, анализ контента и интернет-дискурса, нарративных интервью с приложением данных последней переписи населения позволили выявить определённые тенденции развития тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма:

- доля контента на ТЯ в местных интернет-сообществах, пабликах социальных сетей и мессенджеров постоянно увеличивается;
- выделяются разные мотивы создания тувиноязычных интернет-сообществ: от прагматических (группы животноводов, сельскохозяйственной продукции, пенсионеров и т.д.) до идеологических (продвижение идей этнолингвистической идентичности, языкового пуризма);
- в публичных чатах практикуется двуязычное представление информации, когда к тексту на тувинском языке прилагается краткий перевод на русский, что свидетельствует о функциональном тувинско-русском двуязычии взрослого населения республики;
- отмечено увеличение тувинского компонента в языковом ландшафте тувинской столицы;
- в тувинских социальных сетях и мессенджерах формируется своеобразный виртуальный языковой ландшафт с содержанием тувинского компонента, что обусловлено возможностью трансляции информации на большие массы и подтверждает инструментальную ценность ТЯ в качестве функционально первого языка для взрослого тувинского населения;

- отмечена высокая языковая конфликтность в пространстве соцсетей и мессенджеров, связанная с низким качеством владения как русским, так и литературным тувинским языками некоторой частью тувинско-русских билингвов;

- старшие поколения тувинцев проявляют обеспокоенность по поводу будущего ТЯ в связи с увеличением числа русско-тувинских билингвов (с РЯ в качестве L1) и русскоязычных монолингвов в тувинских семьях;

- незначительное снижение языковой лояльности тувинцев к родному языку связано со склонностью детей и молодёжи к двойной языковой идентичности, когда родными языками считают оба государственных языка РТ, и РЯ для них является функционально первым;

- выявлено различие в ценностном восприятии ТЯ его носителями в зависимости от возраста: если для старших поколений билингвов (40-70 лет) ТЯ сохраняет как прагматическую, так и символическую этноидентифицирующую ценность, то молодое поколение (10-40 лет) демонстрирует склонность к двойной языковой идентичности, указывая оба языка (ТЯ и РЯ) родными, вкладывая в понятие «родной язык» оба значения – как функционально первый язык, так и этнический язык.

Основные перспективы развития двуязычия в Туве могут быть связаны с:

- вытеснением тувинского компонента ТРБ в связи с увеличением доли тувинцев-билингвов с русским языком в качестве функционально первого, а также числа русскоязычных монолингвов среди тувинцев, что актуализирует выработку новых подходов к решению проблем в области образования, цифрового контента на ТЯ и т.д.;

- замедлением процессов языкового сдвига с ориентацией на сбалансированное РТ и ТР двуязычие тувинцев при сохранении высокого уровня инструментально-символической ценности родного языка и осознании прагматической ценности русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование развития контактного билингвизма в Республике Тыва в синхронии и диахронии выявило его специфику и высокую динамичность, обусловленную политическими, социально-экономическими и этноязыковыми трансформациями социального контекста.

Положительные тенденции функционирования тувинского языка связаны с сохранением ценности этнической идентичности, выраженной в высокой степени языковой лояльности тувинцев, с одной стороны, и развитием его инструментальной ценности и коммуникативного веса в новых сферах социального пространства, а также современными тенденциями и форматами институционального дискурса, с другой.

Важный ресурсный потенциал поддержки билингвизма в Туве связан с активным функционированием тувинской цифровой среды. Сегодня тувинский язык входит в число пяти языков народов России с наиболее высоким показателем цифровой витальности (vital), что обусловлено большим количеством интернет-сообществ с тувинским языком общения, использованием тувинского языка в сервисах-переводчиках Google.Translate, «Яндекс.Переводчик», в российской онлайн-энциклопедии «Рувики».

Выявленная тенденция усиления доли тувинского компонента в языковом ландшафте города Кызыла, выражается в увеличении числа топонимов, наименований объектов городской инфраструктуры на тувинском языке. Одновременно в цифровом пространстве формируется своеобразный виртуальный языковой ландшафт, характеризующийся ростом числа интернет-сообществ, связанных с рекламой и реализацией товаров и услуг на тувинском языке.

В то же время, тувинские интернет-сообщества обладают лингвоконфликтотенным потенциалом – одними из наиболее провокационных тем дискуссий их пользователей являются вопросы функционального использования тувинского языка, соблюдения литературной нормы и культуры речи на тувинском и русском языках. Повышенная эмоциональность и категоричность оценок и суждений языковых пуристов может оказывать негативное влияние на поддержку носителей тувинского языка с пассивным уровнем языковой компетенции.

За непродолжительный семидесятилетний период массовый тувинский билингвизм (двуязычие тувинцев) проходит несколько этапов: тувинский монолингвизм сменяется в 1950-х гг. тувинско-русским двуязычием, которое принимает наиболее сбалансированную форму к 1970-1980 гг.; с распадом СССР в 1990-х гг. происходит усиление тувинского компонента, обусловленное новым вектором постсоветской языковой политики и изменением структуры населения РТ; с 2000-х гг., с одной стороны, сохраняется тувинско-русское двуязычие аддитивного типа, при котором тувинский сохраняет статус этнического и функционально первого языка, с другой стороны, развивается субтрактивный тип билингвизма в виде русско-тувинского двуязычия, при котором русский язык выполняет роль функционально первого языка, вытесняя тувинский в категорию функционально второго языка. Результаты анализа языковых биографий свидетельствуют о преобладании второго типа двуязычия в среде тувинских детей и молодежи, что выражается в трансформации их этноязыковой самоидентификации – признании обоих языков, тувинского и русского, родными.

Уязвимость тувинского компонента билингвизма в РТ связана в том числе с трансформациями в системе языкового образования (введение в 2001 году ЕГЭ, исключение в 2007 году регионального компонента из базисного учебного плана и внесение изменений в Федеральный закон об образовании в 2018 году), традиционно являвшимися важнейшими регламентируемыми сферами

функционирования тувинского языка. В результате развитие современной социалингвистической ситуации РТ характеризуется продолжающимися процессами языкового сдвига, которые приводят к сокращению доли владеющих тувинским почти на 10% и, соответственно, увеличению доли владеющих только русским языком тувинцев (по данным ВПН-2020). Это может привести к необратимым последствиям – изменению ценностных смыслов и ускорению прерывания межпоколенческой передачи родного (этнического) языка младшим поколениям, отмеченным в научных работах последних лет.

Прогнозируемый нами сценарий увеличения доли тувинско-русских билингов, в языковом репертуаре которых русский язык перейдёт в категорию L1, вытесняя тувинский язык в категорию L2, предпочтительнее перехода к русскому монолингвизму ценой отказа от родного языка. Поэтому представляется необходимым создание условий для дифференцированного изучения тувинского языка в зависимости от исходного уровня языковых компетенций (как L1 или L2), а также предоставление возможности введения в содержание образования в этнически однородной сельской местности дополнительных программ обучения русскому языку как L2.

Утверждение Стратегии государственной поддержки развития ТЯ на период 2024-2033 гг. является не только показателем конструктивной ориентации республиканской языковой политики на долгосрочное планирование и более активное продвижение тувинского языка в реальном и виртуальном формате, но и эксплицитным официальным признанием проблемы языкового сдвига особенно заметного среди тувинской молодёжи. В аналитической части Стратегии обозначены основные проблемы, связанные с сокращением сфер функционирования тувинского языка; озвучены цели, задачи, приоритетные направления и механизмы её реализации, что позволяет прогнозировать перспективы дальнейшего развития региональной языковой ситуации и тувинского компонента официального билингвизма с привлечением основных

субъектов языковой политики. Представляется, что не все приоритетные задачи Стратегии одинаково реализуемы, однако обозначение основных проблемных зон служит важным смысловым ориентиром при решении поставленных задач во взаимодействии государственных структур и общественности РТ.

В целом последнее десятилетие XXI в. характеризуется интенсивными процессами языкового планирования и активной языковой политики на федеральном уровне – приняты основополагающие нормативные акты языкового характера: утверждены основы государственной языковой политики РФ (2025). В числе актуальных значится проблема сокращения численности носителей языков народов РФ, сокращение сфер их использования, а также незавершённость нормативно-правового регулирования языковых отношений. Принятая годом ранее Концепция государственной языковой политики РФ (2024), определяет понятие *государственной языковой политики* как совокупности различных мер, системы стратегических приоритетов в языковой сфере, подчёркивая важность в этом процессе роли языкового планирования. Содержащееся в ней уточнение дефиниции понятия *носитель языка* представляется важным для привлечения внимания к проблемам обучения родному языку категории билингвов с пассивным тувинским компонентом.

Таким образом, вопросы этноязыковой политики продолжают сохранять свою актуальность и входят в число приоритетных направлений фундаментальных научных исследований. Принятые на федеральном уровне языковые нормативные акты и рекомендации формируют основу для регулирования и оптимизации регионального языкового законодательства с учётом специфики и прогнозов развития би- и полилингвизма.

Список сокращений и условных обозначений

ВПН – Всероссийская(ие) перепись(и) населения

ВПН-2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года

ВПН-2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года

ВПН-2020 – Всероссийская перепись населения 2020 года

ВРД – виды речевой деятельности

ВЯЛ – виртуальный языковой ландшафт

ГЯП – государственная языковая политика

ИГИСАТ – Институт гуманитарных исследований и Саяно-алтайской тюркологии

Концепция (ГЯП РФ) – концепция государственной языковой политики РФ

Основы (ГЯП РФ) – Основы государственной языковой политики РФ

РК – русский компонент-идиом билингвизма

РМ – русский / -ие монолингв / -ы, или монолингвизм с РЯ

РТ – Республика Тыва

РТБ – русско-тувинский билингвизм (с преобладающим РК)

РФ – Российская Федерация

РЯ – русский язык

СКС – социально-коммуникативная система

ССТ – словарь социолингвистических терминов

ТК – тувинский компонент-идиом билингвизма

ТМ – тувинский / -ие монолингв / -ы, или монолингвизм с ТЯ

ТРБ – тувинско-русский билингвизм (с преобладающим ТК)

ТЯ – тувинский язык

ЯПП – языковая политика и языковое планирование

ЯЛ – языковой ландшафт (лингвистический ландшафт)

ЯС – языковая ситуация

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Ленинград : Наука, 1975. – 276 с.
2. Александер, Д. Р. Модели взаимоотношений между наукой и религией / Д. Р. Александер // Страницы: богословие, культура, образование. – 2010. – Т. 14, № 2. – С. 274-286.
3. Александров, О. А. Обыденная рефлексия о пережитом опыте взаимодействия с языковой действительностью (на материале метаязыковых высказываний поволжских немцев, депортированных в Сибирь) / О. А. Александров, О. А. Лузик // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2024. – № 2(16). – С. 105-118.
4. Алпатов, В. М. 150 языков. Социолингвистические проблемы и политика: СССР и постсоветского пространства. 1917-2000. / В. М. Алпатов. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 1997. – 190 с.
5. Алпатов, В. М. Языковая ситуация в регионах современной России / В.М. Алпатов // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm> (дата обращения: 28.01.2021).
6. Алпатов, В. М. О контактах и конфликтах языков / В. М. Алпатов // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире. – Москва : РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания, 2021. – С. 17-28.
7. Анайбан З.В. Тувинско-русское двуязычие: итоги и перспективы развития / З.В. Анайбан. – Кызыл, 1985. – 220 с.
8. Анайбан, З. В. Формирование этнополитической ситуации. Том I. Очерки истории постсоветской Тувы. / З. В. Анайбан, М. Н. Губогло, М. С. Козлов. – Москва : ЦИМО, 1999. – 420 с.
9. Анайбан, З. В. Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве / З. В. Анайбан // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2011. – Вып. 227. – 25 с.
10. Анайбан, З. В. Современная этноязыковая ситуация в Южной Сибири (по материалам республиканских статистических управлений) / З. В. Анайбан // Восточный курьер – 2023. –

Выпуск № 4. – URL: <https://oriental-courier.ru/S268684310029241-3-1> (дата обращения: 20.10.2024).

11. Анайбан, З. В. Демографические изменения в Республике Тыва (по результатам Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.) / З. В. Анайбан, Г. Ф. Балакина // Природные ресурсы, среда и общество. – 2023. – № 2 (18). – С. 59-68.

12. Аранчын Ю. Л. О языковой жизни Республики Тыва / Ю. Л. Аранчын, Д. А. Монгуш. – Текст : непосредственный // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992. – 226 с.

13. Арефьев, А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования: монография / А. Л. Арефьев ; под ред. академика РАН Г. В. Осипова. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 302 с.

14. Арефьев, А. Л. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва / А. Л. Арефьев, У. М. Бахтикиреева, В. П. Синячкин // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1. – С. 255-272.

15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.

16. Бавуу-Сюрюн, М.В. Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект / М. В. Бавуу-Сюрюн // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 3. – С. 57-71.

17. Бавуу-Сюрюн, М. В. К вопросу о классификации диалектов тувинского языка / М. В. Бавуу-Сюрюн, У. Цецегдарь, Х. Гансук, Б. Баярсайхан // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 158-166.

18. Бавуу-Сюрюн, М. В. Социоллингвистические заметки о тувинцах Китая / М. В. Бавуу-Сюрюн. // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html (дата обращения: 10.04.2021)

19. Бавуу-Сюрюн, М.В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) / М. В. Бавуу-Сюрюн // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 114-123.

20. Бавуу-Сюрюн, М. В. Билингвизм в национальном регионе: ретроспектива и динамика / М. В. Бавуу-Сюрюн // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 140-142.

21. Бадарч, Б. Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии и Тувы / Б. Бадарч, М. В. Бавуу-Сюрюн // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 3. – URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>. (дата обращения : 15.06.2020)

22. Баранова, В. В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах:

многоязычие и неравенство / В. В. Баранова, К. С. Федорова // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т.18. – № 4. – С. 625-640.

23. Бахнян, К. В. Модели языковой политики и социолингвистическая стратегия полиэтнических государств / К. В. Бахнян // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – Москва, 2014. – С. 70-80.

24. Балакина, Г. Ф. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / Г.Ф. Балакина, З. В. Анайбан. – Новосибирск: «Наука», 1995. – 140 с.

25. Балакина, Г. Ф. Формирование стратегий социально-экономического развития депрессивных регионов : специальность 08.00.05 : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Балакина Галина Федоровна. – Москва, 2013. – 330 с.

26. Балакина, Г. Ф. Особенности этнорегиональной миграции в Туве / Г. Ф. Балакина, З. В. Анайбан // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 85-92. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6397&printmode (дата обращения : 15.07.2024)

27. Баскаков, А. Н. Тюркские языки в системе народного образования в Российской Федерации / А. Н. Баскаков // 90 лет Н. А. Баскакову (Н.А. Баскакову от коллег и учеников). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 43-49.

28. Баскаков, А.Н. Социолингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации / А. Н. Баскаков // Вопросы филологии. – 1999. – №2. – С. 21-30.

29. Баскаков, А. Н. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) / А. Н. Баскаков, О. Д. Насырова // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – С.34-129.

30. Баярсайхан, Б. Факторы витальности и сферы функционирования родного языка цэнгэльских тувинцев Монголии (по данным социолингвистического исследования 2018 г.) / Б. Баярсайхан, О. М. Саая // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 78-88.

31. Беликов, В. И. Социолингвистика. / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. Гос. гуманит. Ун-т, 2001. – 439 с.

32. Белл, Р. Т. Социолингвистика: цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл; под ред. А. Д. Швейцера; пер. с англ. В. А. Виноградова. – Москва : Международные отношения, 1980.

33. Бертагаев, Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т. А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия : Сборник статей. – Москва : Наука, 1972. – 359 с.

34. Биткеева, А. Н. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва А. Н. Биткеева, Ч. С. Цыбенова // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 6-27. – URL: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1> (дата обращения : 16.12.2023)
35. Биткеева, А. Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 6-23.
36. Биткеева, А. Н. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии / А. Н. Биткеева, М. Вингендер // Социолингвистика. – 2020. – № 1. – С. 34–53.
37. Блюхер, Ф.Н. Дискурс-анализ и дискурсивные практики / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко, А.А. Гусева, Г.Б. Гутнер.– Москва : ИФ РАН, 2016. – 134 с.
38. Бодуэн де Куртене, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. / И. А. Бодуэн де Куртене. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 386 с.
39. Боргоякова, Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития / Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 160 с.
40. Боргоякова, Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири / Т. Г. Боргоякова. – Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. – 166 с.
41. Боргоякова, Т. Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия / Т. Г. Боргоякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 7. Ч. 1. – С. 36-39.
42. Боргоякова, Т. Г. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении / Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения: 10.02.2021).
43. Боргоякова, Т. Г. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2017. – 136 с.
44. Боргоякова, Т. Г. Оценочные аспекты языковой политики в медийном дискурсе республик Южной Сибири / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова // Филологические науки. Доклады высшей школы. – 2021. – №1. – С. 21 - 27.

45. Боргоякова, Т. Г. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова, К.А. Покоякова; отв.ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2022. – 160 с.

46. Боргоякова, Т. Г. Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности / Т. Г. Боргоякова, Ч. Б. Донгак// Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2024. – № 2 (вып. 50). – С. 75–86. – URL: DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86 (дата обращения: 08.08.2024).

47. Брук, С. И. Двухязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи населения 1970 г.) / С. И. Брук, М. Н. Губогло // Советская этнография. – 1975. – №4. – С. 18-32.

48. Большая российская энциклопедия : 2004-2017: сайт. – URL: <https://bigenc.ru/c/messendzher-320bdd> (дата обращения: 01.09.2024).

49. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх ; пер. с англ. и комментарии Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Издательство при Киевском университете, 1979. – 264 с.

50. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк; пер. с англ. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

51. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес; пер. с франц. П.С. Кузнецова; под ред. и с предисловием Р. О. Шор. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 416 с.

52. Вахек, Й. Лингвистический словарь Пражской школы / Й. Вахек; перевод с франц., нем., англ. и чеш. И.А. Мельчука и В.З. Санникова; под редакцией и с предисловием А.А. Реформатского. – Москва : Прогресс, 1964. – 351 с.

53. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 2001. – 338 с.

54. Вахтин, Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : Учебное пособие / Н.Б. Вахтин, Е.Б. Головкин. – Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.

55. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двухязычия (Билингвизма) / Е.М. Верещагин. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 162 с.

56. Виноградов, В. А. Социоллингвистическая типология / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский. – Изд. 4-е. – Москва : URSS, ЛИБРОКОМ, 2013. – 126 с.

57. Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги переписей. – URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2002/> (дата обращения: 25.05.2024)
58. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги переписей. – URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/2010/> (дата обращения: 29.05.2024)
59. Всероссийская перепись населения 2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Росстат – Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 31.01.2023)
60. В Тыве не слышали о существовании Союза русскоязычных граждан «Россияне». 16.05.2016 // Федерал Пресс. Интернет-источник. – URL: <https://fedpress.ru/news/17/policy/1630723> (дата обращения: 21.09.2021)
61. Вэй Цень Фан. Государственная языковая политика в Республике Тыва в конце XX - начале XXI вв. : дис. ... магистра гум. наук / Вэй Цень Фан; Государственный университет Чжэнчжи. – Тайбэй, 2016. – 274 с.
62. Габдрахманова, Г. Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения / Г. Ф. Габдрахманова // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 72-82. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=9489 (дата обращения: 20.04.2024).
63. Гавранек, Б. К проблематике смещения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике. - Москва, 1972. – Вып. 6. – С. 94-111.
64. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике. Новое в зарубежной лингвистике / В. Г. Гак // Контрастивная лингвистика. – 1989. – Вып. XXV. – С. 5-17.
65. Глобальный план действий международное десятилетие языков коренных народов (2022-2032 гг.) // UNESDOC. Цифровая библиотека. – 2021. – 53 с. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus (дата обращения: 6.03.2022)
66. Голикова А.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор / А.А. Голикова // Вестник тверского государственного университета. серия: Философия. – 2020. – № 4 (54). – С.149–166.
67. Горячева, М. А. Российская Федерация: функционирование языков в современном образовательном пространстве / М. А. Горячева. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 272 с.

68. Губогло, М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? : Размышления о законотворчестве в сфере этногос. отношений / М. Н. Губогло; Рос. акад. наук. ЦИМО. – Москва, 2000. – 503 с.
69. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности : этносоциологические очерки / М. Н. Губогло ; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 2003. – 763 с.
70. Дешериев, Ю. Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия. – Москва : Наука, 1972. – С. 26-42.
71. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев; отв. Ред. И.Ф. Протченко. Изд. 2-е. – Москва : Ленанд, 2019. – 384 с. (Серия: Из лингвистического наследия Ю.Д.Дешериева).
72. Дешериев, Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков / Ю.Д. Дешериев. – Изд. 2-е. – Москва : Ленанд, 2022. – 432 с. (Серия: Из лингвистического наследия Ю.Д.Дешериева).
73. Долгова, А.П. К вопросу о состоянии эргонимии в условиях двуязычия (на примере г. Чебоксар) / А.П. Долгова // Ономастика и языки Урало-Поволжья: Материалы региональной конференции. Чебоксары, 13–14 ноября 1997 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 29–37
74. Донгак, В. С. Тувинская этничность как объект исследования / В.С. Донгак, Д.Ш. Монгуш // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2021. – № 1. – С. 146–172. – URL: DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172 (дата обращения: 17.03.2024).
75. Донгак, Ч. Б. Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте / Ч.Б. Донгак // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 168-171.
76. Донгак, Ч. Б. Языковое планирование в Республике Тыва / Ч.Б. Донгак // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.). – Абакан: Издательство Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 2022. – С. 34-37.
77. Донгак, Ч. Б. О проблеме экологии языка (на примере письменного тувинского языка в социальных сетях) / Ч.Б. Донгак // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : Материалы VII международной научно-

практической конференции, Кызыл, 22–25 июня 2022 года. – Кызыл: ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», 2022. – С. 93-95.

78. Донгак, Ч. Б. Тувинский язык: проблемы культуры речи и цифровой витальности (на материале интернет-дискуссий) / Ч.Б. Донгак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Том 16. – Выпуск 9. – С. 2837-2841.

79. Донгак, Ч. Б. Функционирование тувинского языка: проблемы культуры речи и языкового сдвига / Ч.Б. Донгак // Современная лингвистика: от теории к практике : Труды и материалы. II Казанский международный лингвистический саммит, Казань, 14–19 ноября 2022 года. Том 2. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 427-430.

80. Донгак, Ч. Б. Языковой ландшафт города Кызыла в реальном и виртуальном пространствах / Ч.Б. Донгак // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3(106). – С. 385-388. – URL: DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-385-388 (дата обращения: 26.06.2024)

81. Донгак, Ч. Б. Методы социолингвистических исследований / Ч. Б. Донгак // Научные труды Тувинского государственного университета : Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Году семьи в Российской Федерации, Году здоровья в Республике Тыва и 80-летию вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР, Кызыл, 26 октября 2024 года. – Кызыл: Тувинский государственный университет, 2024. – С. 198-200.

82. Донгак, Ч. Б. Нарративный анализ языковых биографий русско-тувинских билингвов как метод социолингвистического исследования / Ч. Б. Донгак // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов в Сибири : тезисы VII Всероссийской научной конференции, Абакан, 22–23 мая 2025 года. – Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2025. – С. 24-25.

83. Дорофеев, Ю. В. Языковая биография как метод социолингвистического исследования / Ю.В. Дорофеев // Социолингвистика. – 2021. – № 4 (8). – С. 25-38.

84. Дробижева, Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития / Л.М. Дробижева // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 4-5.

85. Дробижева, Л. М. Духовная культура и этническое самосознание / отв. ред. Л. М. Дробижева // Духовная культура и этническое самосознание наций : сборник статей. Вып. 1. – Москва : Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1990. – 241 с. – С. 57-82.

86. Дырхеева, Г.А. Развитие национально-языковых современных отношений и трансформация понятий и социолингвистических терминов / отв. ред. Г.А. Дырхеева // Двужычие в Бурятии: новые аспекты изучения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

87. Дырхеева, Г.А. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (дата обращения: 20.10.2022).

88. Дьячков, М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / М.В. Дьячков // Социол. Исслед. – 1995. – №7. – С. 88-92.

89. Дьячков, М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах / М.В. Дьячков. – Москва, 1996. – С. 49.

90. Дьячков, М.В. Об истории языковой политики в России / М.В. Дьячков, Е.И. Абрамова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2010. – № 1. – С. 64-72.

91. Жирмунский, В.М. Проблема социальной дифференциации языка / В.М. Жирмунский // Язык и общество. – Москва : Наука, 1968. – 256 с.

92. Журавель, Т.Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края : дис. ... канд. Филол. наук : 10.02.19 / Журавель Тамара Николаевна. – Красноярск, 2016. – 171 с.

93. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 17.10.2021)

94. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» с комментариями к закону и образцами заявлений на 2023 год – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 96 с. – Текст : непосредственный.

95. Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» от 31.12.2003 № 462-ВХ-І. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166023364&backlink=1&&nd=166014332> (дата обращения: 16.10.2021)

96. Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви – Хельсинки, 2012. – URL: <http://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/files/2012/12/kakizacheml.pdf> (дата обращения: 13.04.2020)

97. Замятин, К.Ю. Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке / К.Ю. Замятин // Социолингвистика. 2023а. № 3 (15). С. 29–52.

98. Замятин, К.Ю. Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов / К.Ю. Замятин // Социолингвистика. – 2023б. – № 4 (16). – С. 119–143.
99. Замятин, К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация / К. Ю. Замятин // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 137-149.
100. Иванов, В.В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ / В.В. Иванов // Социолингвистика. – 2021. – № 1 (5). – С. 147-163.
101. Иванова, Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Н.И. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 130 с.
102. Иванова, Н.И. Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект / Н.И. Иванова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4(21). – С. 71-76.
103. Иванова, Н.И. Функциональный статус якутского языка в Республике Саха (Якутия) / Н.И. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 182-187.
104. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 284 с.
105. Интерактивный атлас исчезающих языков мира ЮНЕСКО [UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger]. – URL: <https://webarchive.unesco.org/20210921102833/http://www.unesco.org/languages-atlas/> (дата обращения: 27.06.2020)
106. Исаев М.И. 130 равноправных (о языках народов СССР) / М. И. Исаев. – Москва: Наука, 1970. – 195 с.
107. Исаев, М.И. Языковое законодательство как составная часть национально-языковой политики государства / М.И. Исаев // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Материалы Всероссийской научной конференции. – Москва, 1994. – С. 89-93.
108. История Тувы : в 3 томах / Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва; М. Х. Маннай-оол и др.; под общ. ред. чл.-кор. РАН В. А. Ламина. – Новосибирск : Наука, 2001. – Т. 2 – 427 с.
109. Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России». 2. Состояние языков

России / В.С. Харитонов, В.В. Иванов, М.А. Каде. – Москва, 2022. – URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc2.pdf (дата обращения: 29.12.2023)

110. Ицкович, В.А. Пассивное двуязычие и культура родной речи / В.А. Ицкович, Б.С. Шварцкопф // Проблемы двуязычия и многоязычия. – Москва: Наука, 1972. – С. 127-129.

111. Камболов, Т.Т. Языковая ситуация в республике Северная Осетия-Алания: история, современность, перспективы : монография / Т.Т. Камболов; М-во образования Рос. Федерации. Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2002. – 159 с.

112. Кан, В. С. Социологическая ситуация и перепись в Туве / В.С. Кан, Д.К. Тулуш; под ред. В. С. Степанова // Этнологический мониторинг переписи населения. – Москва : ИЭА РАН. – 2011. – С. 372–383.

113. Кан, В.С. Тувинский язык и письменность в общественном мнении кызылчан / В.С. Кан // Эл.журнал «Башкы», 26.06.2020. – URL: <https://bashky.ru/statyi/science/> (дата обращения: 15.04.2022)

114. Кан, В.С. Становление и развитие периодической печати Тувы (1924-1991 гг.): к 100-летию Тувинской Народной Республики / В.С. Кан; Тув. ин-т гуманитар. и приклад. социал.-экон. исслед. при Правительстве Респ. Тыва. – Абакан: Журналист, 2021. – 271 с.

115. Каплунова, М. Я. Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) / М.Я. Каплунова // Новые исследования Тувы, 2022. – № 4. – С. 28-37.

116. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

117. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

118. Караулов, Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм. Часть 1. – 2001. – URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_106 (дата обращения: 20.04.2024)

119. Катанов, Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня / Н.Ф. Катанов. – Казань, 1903. – 487 с.

120. Кибрик, А.А. Программа сохранения языкового многообразия России / А.А. Кибрик // в сборнике Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и

перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 12-13 декабря 2019 г. – Белгород : Константа, 2019. – С. 17-18.

121. Кибрик, А.А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы / А.А. Кибрик // Социолингвистика, 2020. – № 1. – С. 17-28.

122. Кириленко, С. В. Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) / С. В. Кириленко // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 97-111.

123. Кирилина, А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А.В. Кирилина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2013. – № 24. – Выпуск 5. – С. 159-167.

124. Китайгородская, М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески / М.В. Китайгородская // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – Москва. – 2003. – С. 127-148.

125. Колмогорова, А. В. Черты к языковой биографии молодого поколения Тувинско-русских билингов / А. В. Колмогорова // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства, Горно-Алтайск, 15–16 июля 2021 года / Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.) [и др.]. – Горно-Алтайск: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2021. – С. 701-711.

126. Колмогорова, А. В. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма) / А.В. Колмогорова, А.В. Маликова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24., № 6. – С. 735–743. – URL: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743> (дата обращения: 13.09.2024)

127. Конституция Российской Федерации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 4.05.2023)

128. Конституция Республики Тыва. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=166004749&page=1&rdk=37 (дата обращения: 5.05.2023)

129. Крысин, Л.П. Функциональная социолингвистика: статус, проблемы, перспективы исследования / Л.П. Крысин // Язык и общество в современной России и других странах.

Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. – Москва: Тезаурус, 2010. – С. 27-29.

130. Кужугет, А.К. Исследование «русские в Туве» в культурологическом аспекте. К вопросу о методологии / А.К. Кужугет // Мир науки, культуры и образования. – 2010. - № 2. – С. 260-262.

131. Купцова, Г. Контакт языков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале текстов, нанесенных на детские игрушки) / Г. Купцова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-v-lingvisticheskom-landshafte-moskvy-na-materialetekstov-nanesennyh-na-detskie-igrushki> (дата обращения: 01.04.2023).

132. Ламажаа, Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство / Ч.К. Ламажаа // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 115-129.

133. Ларин, Б.А. К лингвистической характеристике города. (Несколько предпосылок) / Б.А. Ларин // Известия государственного педагогического института им. Герцена. – Ленинград, 1928. – Вып. 1. – С. 175–185.

134. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; 2. изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 707 с.

135. Лицкевич, Е.Ю. Состояние социально-билингвальной среды в Республике Тыва / Е.Ю. Лицкевич // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11. – № 6А. – С. 207-214.

136. Мартан-оол, М. Б. О состоянии развития и уровня двуязычия в Республике Тува / М.Б. Мартан-оол // Языковая ситуация в Российской Федерации. – Москва: 1992. – 226 с.

137. Мартан-оол, М.Б. Тувинский язык / М.Б. Мартан-оол // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. – Москва: Академия, 2000а. – С. 485-500.

138. Мартан-оол, М.Б. Проблемы и перспективы тувинского языка / М. Б. Мартан-оол // Языки народов России : перспективы развития. Материалы международного семинара. Русское и английское издания. – Элиста : АПП «Джангар», 2000б. – 544 с.

139. Мартан-оол, М.Б. Тувинский язык / М.Б. Мартан-оол // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник; под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва: Academia, 2002. – 616 с.

140. Мартынова, М.Ю. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. – Москва: ИЭА РАН, 2021. – 620 С.

141. Марусенко, М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности / М. А. Марусенко. – Москва : Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.
142. Матезиус, В. Избранные труды по языкознанию / Вилем Матезиус; пер. с чеш., англ. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
143. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. – Москва, 2001.
144. Михальченко, В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России / В. Ю. Михальченко // Язык и общество в современной России и других странах: материалы Международной конференции. – 2010. – С. 42-46.
145. Михальченко, В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в Российской Федерации: состояние и перспективы / В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцев // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. Материалы к XIII Всемирному конгрессу социологов. – 1994. – С. 8-19.
146. Михальченко, В.Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России / В.Ю. Михальченко // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): доклады и сообщения; Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. – Москва: Языки Народов Мира, 2019. – С. 8-12.
147. Монгуш, Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии / Д. А. Монгуш // Вопросы тувинской филологии. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1983. – 160 с. – С. 127-145.
148. Монгуш, Д.А. Тувинский язык и письменность: Избр. Труды / Д.А. Монгуш. – Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. - 248 с.
149. Монгуш, М.В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф... докт. историч. наук: 07.00.07 / Монгуш Марина Васильевна. – Москва, 2005. – 50 с.
150. Монгуш, М.В. Один народ: три судьбы: Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте / М.В. Монгуш. – Осака : Национальный Музей Этнологии, 2010. – 358 с.
151. Мультфильм «Лео и Тиг» озвучивают тувинские артисты. URL: <https://www.mktuva.ru/culture/2024/11/27/multfilm-leo-i-tig-ozvuchivayut-tuvinskie-artisty.html>(дата обращения: 07.06.2024).

152. Мухарямов, Н.М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах» / Н.М. Мухарямов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15. – №4. – С. 5-15.
153. Мухарямов, Н.М. Десятилетие языков коренных народов: Вопросы правовой политики / Н.М. Мухарямов // Социоллингвистика. – 2022а. – № 4(12). – С. 11–28.
154. Мухарямов, Н.М. О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики / Н. М. Мухарямов, О. Б. Януш, Г. З. Шакурова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 84-94.
155. Мухарямов, Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш. – Казань: Отечество, 2022б – 304 с.
156. Натпит, А.А. Моделирование фрагмента ментального лексикона тувинско-русских билингов, проживающих на территории Республики Тыва : опыт экспериментального исследования на материале употребительной лексики : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 5.9.8. / Натпит Айдысмаа Андреевна. – Кемерово, 2024.
157. Никольский, Л.Б. Синхронная социоллингвистика (Теория и проблемы) / Л.Б. Никольский. – Москва, 1976.
158. Никольский, Л.Б. Язык в политике и идеологии стран Зарубежного Востока / Л. Б. Никольский; АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1986. – 194 с.
159. Одинг, Н. Ю. Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты / Н.Ю. Одинг, А.О. Юшков, Л.И. Савулькин // Terra Economicus. – 2019. – № 17(1). – С. 112–130.
160. Ондар, Ч. Г. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы / Ч.Г. Ондар, В.С. Донгак, Д.Ш. Монгуш // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 186-207.
161. Ондар, Б.К. Номинации топографических объектов г Кызыла в аспекте культуры названия / Б.К. Ондар // Вестник Тывинского государственного университета. – Кызыл: 2011. – № 1. – С. 76-80.
162. О стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360>(дата обращения: 08.07.2024).
163. Отрощенко, И.В. Языковая политика и культурное строительство в Тувинской народной республике / И.В. Отрощенко // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 2. – С. 16-31. –URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/22> (дата обращения: 17.09.2023).

164. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002–2005 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2001 г. № 483 (в ред. Постановления Правительства РФ от 25.11.2003 № 712, от 06.09.2004 № 459). – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?module=1&documentId=78454> (дата обращения: 19.08.2020).

165. Очур Н.М. Развитие двуязычия в школах Тувы в постсоветский период / Н.М. Очур // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 4 (157). – С. 93-97.

166. Павленко, А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом / А. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 493-514.

167. Пешкова, Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способа межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме / Н.П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. Collegium. – 2016. – № 3 (29). – С. 229-240

168. Подберезкина, Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) / Л.З. Подберезкина // Теоретические и прикладные аспекты. Вопросы психолингвистики речевого общения: Научно-методический бюллетень. – Красноярск, 1998. – Вып. 6. – С. 22-30.

169. Поливанов, Е.Д. За марксистское языкознание: переиздание работы 1931 года с предисловием и комментариями / Е.В. Поливанов; под общей редакцией И.А. Королевой. – Смоленск: СГПУ, 2003. – 240 с.

170. Постановление Президиума Верховного Совета Тувинской АССР о проекте Закона АССР «О языках в Тувинской АССР» // Тувинская правда. - 1990. - 13 марта. - № 59 (13680). - С.1.

171. Постановление Правительства Республики Тыва от 18 октября 2013 года N 608 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014 - 2020 годы». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/424074858> (дата обращения: 25.09.2023).

172. Постановление Правительства Республики Тыва от 7 апреля 2017 г. № 152 Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017-2020 годы». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/446197328> дата обращения: 20.09.2023).

173. Постановление Правительства Республики Тыва от 8 декабря 2020 года N 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021 - 2024 годы». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/571035348> (дата обращения: 19.09.2023).

174. Почему Роскомнадзор заблокировал работу мессенджера Viber в России. // Российская газета. 15.12.2024. – URL: <https://rg.ru/2024/12/15/razgovor-okonchen.html> (дата обращения: 28.12.2024).

175. Прокуратура в Тыве запретила рекламу без перевода на русский язык. 14 марта 2013. Комсомольская правда. – URL: <https://www.krsk.kp.ru/online/news/1389247/> (дата обращения: 1.09.2023).

176. Прокуратура в Тыве обязала ДЮСШ оформить вывеску не только на русском, но и на тувинском языке. 30.10.2018. – URL: <https://www.mk-tuva.ru/social/2018/10/30/prokuratura-v-tuve-obyazala-dyussh-oformit-vyvesku-ne-tolko-na-russkom-no-i-na-tuvinskom-yazyke.html> дата обращения: 10.09.2023).

177. Пушкарева, Н.Л. Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса / Н.Л. Пушкарева, А.В. Жидченко // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1. – С. 188-201. – URL: DOI: 10.25178/nit.2021.1.10 (дата обращения: 17.04.2024)

178. Радлов, В.В. Образцов народной литературы тюркских племен. Ч.1. Подарения Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев / В.В. Радлов. - СПб: Тип. Имп. АН, 1866. – Ч. 1. – 455 с.

179. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.02.2022 г. № 204-р (ред. от 29.04.2025) «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022 - 2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов». - URL: <https://fادن.gov.ru/assets/files/5122/РАСПОРЯЖЕНИЕ%20ПРАВИТЕЛЬСТВА%20РОССИЙСКОЙ%20ФЕДЕРАЦИИ%20ОТ%2009.02.2022%20.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

180. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р Об утверждении Концепции государственной языковой политики РФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406140048> (дата обращения: 12.12.2023).

181. Решение по делу № 017/05/9-29/2019 Тывинское УФАС России по признакам нарушения законодательства РФ о рекламе. Кызыл, 2020; 3 февраля. - URL: <https://br.fas.gov.ru/to/tyvinskoe-ufas-rossii/525b6e63-0b00-4b0a-aa2a-fc15efe2b1c1/?query=>. (дата обращения: 23.04.2024)

182. Садуов, Р. Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта / Р. Т. Садуов // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020. – № 1. – С. 23-29. – DOI 10.17516/2311-3499-098.

183. Сат, Ш.Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка / Ш.Ч. Сат. – Кызыл, 1973. – 193 с.

184. Селиверстова, Г. М. Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия // Учительская газета. – 2007, 8 янв. – URL: <https://ug.ru/rodnoj-yazyk-ne-nuzhen-kak-reshit-problemy-dvuyazychiya/> (дата обращения: 15.06.2022).

185. Серю, П. Квадратура смысла. Французская школа дискурса / П. Серю. – Москва: Прогресс, 1999.

186. Сергиевский, М.В. Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI-XVII вв. / М.В. Сергиевский. // История советского языкознания : некоторые аспекты общей теории языка : хрестоматия. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва : Высшая школа, 1988. – 326 с. – С. 115-116.

187. Сердобов, Н. А. О роли языка и письменности в национальной консолидации тувинского народа / Н.А. Сердобов // Тувинская письменность, язык и литература. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. – 132 с. – С. 15–30.

188. Скачкова, И. И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий / И.И. Скачкова // Политическая лингвистика. – 2015. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-i-yazykovoe-planirovanie-opredelenie-ponyatiy> (дата обращения: 10.09.2022).

189. Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / пер. с англ.; отв. ред. Н.Б. Вахтин. – Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 588 с.

190. Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. – Москва: Институт языкознания РАН, 2006.

191. Статистический сборник. Республика Тыва. – URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814> (дата обращения: 10.11.2024).

192. С точки зрения закона. 25 декабря Тувинская правда. – URL: <https://tuvpravda.ru/arkhiv/s-tochki-reniia-zakona/> (дата обращения: 15.04.2024).

193. Серээдар, Н. Ч. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы / Н.Ч. Серээдар // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 1. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 09.09.2020).

194. Татаринцев, Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языка на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск, 1968. – 26 с.

195. Татаринцев, Б.И. Русские лексические заимствования в современном тувинском

языке / Б.И. Татаринцев. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1974. – 113 с.

196. Тезич, М. Дж. Языковая политика и ее роль в формировании строительства нации в Тувинской народной республике (Танну-Тува) в 1921–1944 / М.Дж. Тезич // Общество, среда, развитие. – Санкт Петербург. – 2012. – № 4. – С. 131-134.

197. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с нем. А.А. Киселевой. – Харьков: Гуманитарный центр, 2017 – 356 с.

198. Тишков, В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России / В.А. Тишков. – Москва, 1996. – С. 22.

199. Тишков, В.А. О феномене этничности / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3.

200. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. / [соч.] В. И. Даля. – Москва: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

201. Указ Главы Республики Тыва «О Дне тувинского языка» №11 от 18.01.2016. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201601220009> (дата обращения: 17.09.2020).

202. Указ Главы Республики Тыва «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.» № 274 от 21.08.2023. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009>(дата обращения: 29.09.2024).

203. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (дата обращения: 12.07.2025)

204. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/(дата обращения: 19.04.2024).

205. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 20.04.2024).

206. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 20.04.2024).

207. Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 347-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47036> (дата обращения: 20.04.2024).

208. Филин, Ф.П. О проблеме социальной обусловленности языка / Ф.П. Филин // Язык и общество. – Москва, 1968. – С.5-6.

209. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.

210. Хилханова, Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ : на материале языковой ситуации в этнической Бурятии : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Хилханова Эржен Владимировна. - Улан-Удэ, 2009. - 344 с.

211. Хилханова, Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) / Э.В. Хилханова // *Acta Linguistica Petropolitana*. – 2020. – Вып. 16.3. - С. 756–815.

212. Хилханова, Э.В. Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики / Э.В. Хилханова, Ч.Г. Ондар, В.В. Иванов, К.С. Акопян // *Новые исследования Тувы*. – 2024. – № 1. – С. 18-38.

213. Цыбенова, Ч. С. Динамика функционального развития тувинского языка / Ч. С. Цыбенова // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2010. – № 10. – С. 139-144.

214. Цыбенова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва : социопсихолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Цыбенова Чечек Сергеевна. – Улан-Удэ, 2013.- 240 с.

215. Цыбенова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект / Ч.С. Цыбенова; отв. ред. Г. А. Дырхеева. – Иркутск: Изд-во «Оттиск». – 2017. – 170 с.

216. Цыбенова, Ч.С. Функционирование тувинского языка в различных коммуникативных сферах / Ч.С. Цыбенова // *Journal of Endangered Languages*. – 2018. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/689743>(дата обращения: 16.04.2024).

217. Цыбенова, Ч.С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч.С. Цыбенова // *Oriental Studies*. – 2019. – Вып. 3. – С. 460-477.

218. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – Москва: Ленанд, 2024. – 200 с.

219. Швейцер, А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А.Д. Швейцер. – Ленинград: Наука, 1971. – 103 с.

220. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. Стереотип. (Из лингвистического наследия А.Д. Швейцера) / А.Д. Швейцер. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. - 176 с.

221. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций / О.А. Казакевич, Е.М. Будянская, А.П. Евстигнеева [и др.]. // Вопросы языкознания, 2022. – № 4. – С. 7–47.
222. Шор, Р. О. Язык и общество : исследование по социолингвистике / Р. О. Шор. – Изд. стер. – Москва : URSS, 2019. – 151 с.
223. Щерба, Л.В. О понятии смешения языков / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Ленинград: Наука, 1958. – Т. 1.
224. Языки народов России. Красная книга / Рос. акад наук. Ин-т лингвист. исслед.; Гл. ред. В.П. Нерознак. – Москва: Academia, 2002. – 385 с.
225. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка / под ред. Ю.А. Жлуктенко. – Киев, 1981. – 242 с.
226. Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции / отв. ред. В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крюкова, О.А. Казакевич, Н.Г. Колесник. – Москва: ИЯ РАН, Эдиториал УРСС, 2000. – 400 с.
227. Языковая ситуация в странах Африки / В. А. Виноградов, А. Н. Журинский, Б. В. Журковский и др. ; Отв. ред. Н. В. Охотина ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1975. – 267 с.
228. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование : Избр. работы / Л. П. Якубинский; Отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, Отделение лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. - Москва : Наука, 1986. – 205 с.
229. Януш, О.Б. Институциональные основы языковой политики в России: виды на будущее / О.Б. Януш, Н.М. Мухарямов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – №3. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46386359_72621743.pdf
230. Януш, О.Б. Цифровое присутствие: перспективы витальности регионального языка / О.Б. Януш // Современная языковая политика в мире: теория и практика. – Москва: ИМЛИ РАН, 2022. С. 167–175.
231. Alexandrov, O. A. The Language Biography of Siberian Germans / O. A. Alexandrov, A. A. Alexandrova // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – No. 1(11). – P. 9-18.
232. Baker, C. A Parents' and Teachers' Guide to Bilingualism (2nd edn). – Clevedon: Multilingual Matter, 2000. – 218 p.
233. Baker, C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 484 p.

234. Blackwood, R. Language, images, and Paris Orly airport on Instagram: multilingual approaches to identity and self-representation on social media / R. Blackwood // *International journal of multilingualism*. – 2019. – Vol. 16. – No. 1. – P. 7-24.
235. Blommaert, J. Ethnography, superdiversity and linguistic landscapes: Chronicles of complexity / Jan Blommaert // *Multilingual Matters*. – 2013. – Volume 18.
236. Bright, W. (ed.) *Sociolinguistics* / W. Bright // *Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964*. The Hague: Mouton, 1966.
237. Chevalier, J. Language Attitudes and Language Practices in the Republic of Tyva. – URL: <https://textarchive.ru/c-1198807.html> (дата обращения: 17.09.2024).
238. Costa, J. Language endangerment and revitalisation as elements of regimes of truth: shifting terminology to shift perspective / James Costa // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2013. – No. 34 (4). – P. 317-331.
239. Cocq, C. Digital Maps for Linguistic Diversity / C. Cocq, L. Granstedt, E. Lindgren & U. Lindgren // *Digital Humanities in the Nordic Countries*. – 2021.
240. Crawford, J. *Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy*. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – P. 171-177.
241. Crystal, D. *Language Death*. – Cambridge, 2000. – 198 p.
242. Cummins, J. Linguistic Interdependence and the Educational Development of Bilingual Children // *Review of Educational Research*. – Spring, 1979. – Vol. 49. – No. 2. – P. 222-251.
243. Currie, H.C. Projection of Socio-Linguistics: the relationship of speech to social status // *Southern speech journal*, 1952. – Vol. 18.
244. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* Longman applied linguistics. Second edition. – Routledge, 2013. – 608 p.
245. Ferguson, Ch. A. *Sociolinguistic Perspectives : Papers on Language in Society, 1959 – 1994* / Ed. by Thom Huebner. *Oxford Studies in Sociolinguistics*. – New York: Oxford University Press, 1996.
246. Fishman, J.A. Who speaks what language to whom and when? / Joshua A. Fishman // *La Linguistique*. – 1965. – Vol. 2. – P. 67-88.
247. Fishman, J.A. *The Brief Introduction to Sociolinguistics*. – Newbury House Publishers, 1972a.
248. Fishman, J.A. *Language and nationalism: two integrative essays*. – Rowley, Mass., Newbury House Publishers, 1972b.
249. Fu, Wenli. A Review of Research on the Relationship between Linguistic Landscape and

Space / Wenli Fu & Hong Yang // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. – 2023. – Vol. 15. - Issue 2. – P. 17–23.

250. Gazzola, M. Assessing efficiency and fairness in multilingual communication: Towards a general analytical framework / M. Gazzola, F. Grin // *AILA Review*. – 2007. – No. 20. – P. 87-105.

251. Gazzola, M. Towards an index of linguistic justice / M. Gazzola, B.-A. Wickstrom, M. Fettes // *Politics Philosophy and Economics*. – 2023. – Vol.22. – Iss. 3. – P. 243-270.

252. Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022-2032). – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844> (дата обращения: 25.12.2024).

253. Gibson, M. A Framework for Measuring the Presence of Minority Languages in Cyberspace / Michael Gibson // In Proceedings of 3rd International Conference on Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. – 2015. – P. 61–70.

254. Grosjean, F. The Psycholinguistics of Bilingualism / Francois Grosjean, Ping Li. – John Wiley & Sons Publ., 2013. - 256 p.

255. Gumperz, J. J. Language in social groups. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1971.

256. Han, Y. Translanguaging as Transnational Spaces: Chinese Visiting Scholars' Language Practices on WeChat // *International Journal of Multilingualism*. – 2020. – No. 17. – P. 174-195.

257. Haugen, E. Language Conflict and Planning: the Case of Modern Norwegian. – Cambridge: Mass., 1966.

258. Hymes, D. Pidginisation and creolization of languages: proceedings of a conference held at the University of the West Indies, April 1968. – New York: Cambridge University Press, 1971.

259. Ivković, D. Multilingualism in cyberspace: Conceptualising the virtual linguistic landscape / Ivković, D., & Lotherington, H. // *International Journal of Multilingualism*. – 2009. – No. 6 (1). – P. 17–36.

260. Jaworski, A. Semiotic Landscapes: Language, Image, Space / Adam Jaworski, Crispin Thurlow // *Manusya Journal of Humanities*. – London and New York: Continuum International, 2010 – P. 111-116. – URL: doi 10.1163/26659077-01302006 (дата обращения: 15.04.2024)

261. Johnson, D.C. Ethnography of language policy. *Lang Policy*. – 2009. No. 8. – P. 139–159 URL: <https://doi.org/10.1007/s10993-009-9136-9> (дата обращения: 25.04.2024).

262. Kloss, H. Types of multilingual communities. A discussion of ten variables // *International Journal of American Linguistics*. – 1967. – V. 33. – No. 4, part 11.

263. Kornai, Andras. Digital language death. – *PLoS ONE*. – 2013. – No. 8(10).

264. Kweldju, S. Using Googlemaps for Linguistic Landscape Activities in Self-Access Center: Improving English Department Students' Competencies // Proceedings of the 4th International Conference on Human-Computer Interaction and User Experience in Indonesia, CHIuXiD'18. – 2018. – P. 89-92.
265. Labov, W. Sociolinguistic Patterns. – University of Pennsylvania Press, 1972.
266. Lambert, W. E. Culture and language as factors in learning and education, in A. Wolfgang (Ed.) Education of immigrant students. – Toronto: Ontario Institute for Studies in Education, 1975.
267. Landry, R. Linguistic landscape and ethno linguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16 (1). – P. 24-49.
268. Landsberry, Lauren. Defining Bilingualism // Nagoya Junior College Research Bulletin, 2019. –No. 57. – P. 145-154.
269. Lewis, E. Glynn. Multilingualism in the Soviet Union. Aspects of Language Policy and its Implementaion. Mouton – The Hague. Paris, 1972. – 362 p.
270. Lindgren, E. Call for Contributions: Current Issues in Linguistic Landscapes Special Issue. [Eva Lindgren, Coppelie Cocq // Languages.](#) – 2022.
271. Maas, U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. – Opladen, 1984.
272. McCarty, T. L. Introducing Ethnography and Language Policy, In Ethnography and Language Policy. – New York, Routledge, 2011. – P. 1-28.
273. Meillet, Antoine. Les langues dans l'Europe nouvelle. – Paris: Payot et Cie, 1918. – 343 p.
274. Pavlenko, A. Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics // Applied Linguistics. – Oxford University Press, 2007. – No. 28/2. – P. 163-188.
275. Riera-Gil, E. The communicative value of local languages: An underestimated interest in theories of linguistic justice. Ethnities. – 2019. – Vol.19 (1). – P. 174-199.
276. Seargeant, P. Discourse and the linguistic landscape / Seargeant P., Giaxoglou K. – 2019.
277. Spolsky, B. Language Policy. – Cambridge University Press, 2004.
278. Spolsky, B. The Languages of Jerusalem / B. Spolsky, R.L. Cooper. – Oxford: Clarendon Press, 1991. - 166 p.
279. Swadesh, M. Sociologic Notes on Obsolescent Languages // International Journal of American Linguistics. – 1948. – Vol. 14. – P. 226-235.
280. Van Parijs, P. Linguistic Justice for Europe and for the World. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 299 p.

281. Weinreich, U. Empirical foundations for a theory of language change / U. Weinreich, W. Labow, M. Herzog. – University of Texas Press, 1968.

282. Wiley, T. G. Language policy and planning in language education: Legacies, consequences, and possibilities / T.G. Wiley, O. Garcia // *Modern Language Journal*. – 2016. – Vol. 100. – P. 48–63. – URL: <https://doi.org/10.1111/modl.12303> (дата обращения 28.08.2022).

283. Williamson, R.C. *Minority Languages and Bilingualism: case studies in maintenance and shift*. – Norwood, N.J. : Ablex Pub. Corp. 1991.

284. Wodak, R. *Methods of Critical Discourse Analysis* / Ed. By Ruth Wodak and Michael Meyer. – London: Sage Publications, 2001. – 209 p.

285. Yao, X. Metrolingualism in online linguistic landscapes // *International Journal of Multilingualism*. – 2023. – Vol. 20. – No.. 2. – P. 214-230.

286. Zhao, S., Baldauf R. B. Individual agency in language planning: Chinese script reform as a case study / S. Zhao, R.B. Baldauf // *Language Problems and Language Planning*. – 2012. – Vol. 36. – Iss. 1. – P. 1–24. – URL: <http://doi.org/10.1075/lplp.36.1.01zha> (дата обращения 28.08.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Данные о виртуальных сообществах, источниках дискурсивного эмпирического материала

А1. Сообщества в мессенджере Viber

Сокращенное название (аббревиатура)	Название сообщества	Количество участников / подписчиков на 20.11.2024	Язык / языки общения
БТЧ	БУГУ ТЫВА ЧОН	6859 участников	тувинский
ЭКМ	Эрес Кежээ Малчыннар	2620 участников	тувинский
ТДЧ	ТОРЭЭН ДЫЛЫМ ЧОРГААРАЛЫМ	1 998 участников	тувинский
АБО	Ак баштыглар оргээзи	1 083 участника	тувинский
СХЯ	СЕЛЬХОЗЯРМАРКА	11 902 участника	русский и тувинский
ТСХР	ТЫВА СЕЛЬХОЗ РЫНОК	3 076 участников	русский и тувинский
ЧСК	ЧЕРНЫЙ СПИСОК КЫЗЫЛ	9 779 подписчиков	русский и тувинский
ЧПТК	ЧП ТЫВА КЫЗЫЛ	23 066 участников	русский и тувинский
КСР	КРУЖКИ СЕКЦИИ РЕПЕТИТОРЫ	5380 участников	русский, тувинский, редко

А2. Сообщества в социальной сети Vk.com (Вконтакте)

Сокращенное название (аббревиатура)	Название сообщества	Количество участников / подписчиков на 20.11.2024	Язык / языки общения
ЖГ	Женская группа	более 34,9 тыс. подписчиков	тувинский и русский
ЧО	Чоннун оолдары	более 71 тыс. подписчиков	тувинский и русский

Приложение Б. Список информантов²²

По- ряд. №	Шифр информанта (№-пол-возраст в момент интервью)	Год и место рождения информанта
1	1Ж-72	1952, г. Кызыл
2	1М-67	1956, пос. Кызыл-Мажалык, Барун-Хемчикский район
3	2Ж-66	1956, Чаа-Хольский район
4	3Ж-66	1956, г. Кызыл
5	4Ж-67	1957, с. Тээли, Бай-Тайгинский район
6	5Ж-67	1957, г. Кызыл
7	2М-64	1958, г. Кызыл
8	6Ж-58	1964, г. Кызыл
9	7Ж-59	1964, Каа-Хемский район
10	8 Ж-51	1973, г. Кызыл
11	9Ж-50	1974, г. Кызыл
12	10Ж-45	1978, г. Кызыл
13	11Ж-44	1978, пос. Хову-Аксы
14	3М-43	1979, г. Кызыл
15	12Ж-38	1984, г. Кызыл
16	13Ж-37	1987, г. Кызыл
17	4М-37	1987, г. Кызыл
18	14Ж-38	1987, г. Кызыл
19	5М-34	1989, Овюрский район
20	15Ж-33	1991, Бай-Тайгинский район
21	16Ж-32	1992, г. Шагонар
22	17Ж-28	1995, г. Ак-Довурак
23	18Ж-27	1996, пос. Кызыл-Мажалык, Барун-Хемчикский район
24	6М-23	1998, г. Кызыл
25	19Ж-23	1999, Сут-Хольский район
26	20Ж-23	2000, г. Кызыл
27	21Ж-15	2008, г. Кызыл
28	22Ж-13	2010, г. Кызыл
29	23Ж-9	2013, г. Кызыл
30	24Ж-8	2014, г. Кызыл

²² Интервью проводились в период 2022 – 2024 гг.